
М.Р. Богомильский

По жизни серьезно
и с юмором

*Записки
старого
доктора*

МЕДИА МЕДИЧИ

Москва
2020

УДК 94(47+57)(093.3)
ББК 63.3(2)6ю14
Б74

Богомильский М.Р.

Б74 По жизни серьезно и с юмором. Записки старого доктора. — М.: ООО «Медиа Медини», 2020. — 184 с.: ил.

Михаил Рафаилович Богомильский — врач-оториноларинголог, член-корреспондент РАН, заслуженный деятель науки РФ, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой оториноларингологии педиатрического факультета Российского национального исследовательского медицинского университета им. Н.И. Пирогова. Сын известного московского детского оториноларинголога Рафаила Давидовича Богомильского. Ученик ведущих советских клиницистов Бориса Сергеевича Преображенского и Юрия Михайловича Лопухина. Врач, преподаватель, основоположник российской кохлеарной имплантации. Друг и товарищ многих знаменитых актеров, журналистов, ученых... Это книга воспоминаний о жизни страны и семьи, взлетах и неудачах, написанная с большой откровенностью и юмором.

УДК 94(47+57)(093.3)
ББК 63.3(2)6ю14

© Богомильский М.Р., текст, 2020
© Оформление. ООО «Медиа Медини», 2020

*Посвящается моим учителям по жизни и профессии
Богомильскому Рафаилу Давидовичу,
Преображенскому Борису Сергеевичу,
Лопухину Юрию Михайловичу.*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Любому человеку свойственно стремиться к лучшей жизни. Впрочем, что такое «лучшая жизнь»? Понятие это размыто: один мечтает о мировой революции, а другому вроде бы достаточно хорошей квартиры; один думает о том, как скопить на счету в банке миллион, а другой раз в пять лет меняет жен. Для людей творческих профессий важна карьера в хорошем смысле этого слова, и они год за годом карабкаются по этой лестнице в стремлении дорости до академика, министра или написать замечательную книгу, сыграть Гамлета или вылечить тяжелую болезнь, стать профессором и сделать научное открытие... И к концу жизни начинаешь понимать, где твоя вершина, в какой момент ты достиг пика творческой жизни.

Лично для меня такой датой стало 15 апреля 2016 года, когда я был удостоен чести произнести Актовую речь в родном университете, где учился и проработал почти 70 лет — с 1951 года. Поэтому с этого выступления (несколько сокращенного) и позвольте начать свои воспоминания.

* * *

Глубокоуважаемые члены Ученого совета! Дорогие гости, коллеги, студенты и друзья, господа и товарищи!

Впервые в истории нашего университета Актовую речь поручено произнести оториноларингологу, специалисту по болезням уха, горла и носа, а еще проще — ЛОР-врачу. Я расцениваю это как знак внимания к нашей специальности и кафедре, как высокую честь и постараюсь ознакомить вас с оториноларингологией, прежде всего детского возраста, и вкладом нашей кафедры и лаборатории экспериментальной и клинической оториноларингологии в ее развитие и прогресс.

Моя профессиональная судьба сложилась таким образом, что после окончания лечебного факультета Второго Московского медицинского института я в течение трех лет работал в районной больнице г. Бологого тогда Калининской, а теперь Тверской области, где, конечно, приходилось лечить и взрослых, и детей. Затем в течение 25 лет в ЛОР-клинике Первой Градской больницы трудился ординатором, дежурантом, заведующим ЛОР-отделением. В 1965 году был приглашен ассистентом на кафедру выдающимся ученым, Героем Социалистического Труда, академиком Борисом Сергеевичем Преображенским, моим первым учителем, крестным отцом в специальности, под руководством которого работал до его кончины в 1971 году. Вечная ему память и благодарность!

С 1985 года я стал заведовать кафедрой оториноларингологии педиатрического факультета. Лечу детей (хотя иногда, конечно, и взрослых) и могу высказать мнение об оториноларингологии, как ее не совсем удачно называют, детской. В медицинской среде время от времени возникает дискуссия о том, нужны ли вообще детские хирурги, урологи и офтальмологи, кардиологи и пульмонологи, нужно ли выделять подобные специальности. На основании личного многолетнего опыта работы со взрослыми пациентами и детьми могу с уверенностью ответить — да, нужно! Однажды известный детский писатель на вопрос: «Как писать для детей?» ответил: «Так же, как для взрослых, только лучше!» Вот и я могу сказать, что детей нужно лечить так же, как и взрослых, только лучше.

Немного о собственном опыте

Переход на кафедру педиатрического факультета был непростым. Выяснилось, что хирургическая подготовка у меня достаточная, тем более в Первой Градской приходилось заниматься всем, начиная с экстирпации гортани и заканчивая микрохирургией уха, любыми видами скорой медицинской помощи, а вот знаний по педиатрии явно не хватало. Успокаивало лишь то обстоятельство, что мои предшественники замечательные доктора Иван Иванович Щербатов и Ирина Леонидовна Кручинина также

оканчивали лечебный факультет. Лишь спустя три года ощущение этой некоей ущербности исчезло, но для этого понадобилось много читать по общей педиатрии.

За прошедшие с того момента 35 лет наша профессия — ЛОР-педиатрия — существенно изменилась, появились новые диагностические и лечебные методы, улучшились результаты лечения и реабилитации, некоторые болезни стали излечимыми. Вот об этом и пойдет речь в дальнейшем.

Но прежде я хотел бы остановиться на особенностях ЛОР-педиатрии, которые пришлось учитывать. Конечно, это вопросы этики и деонтологии, сопряженные с беззащитностью ребенка, его пребыванием в больнице отдельно от родителей, бабушек и дедушек, часто с их эмоциональностью, на первых взгляд неадекватной реакцией на действия медицинского персонала. Оказалось, что в педиатрии важнейшее значение имеют сведения о течении беременности и родов, пери- и антенатальном периоде, т. к. они во многих случаях могут объяснить причины заболевания и должны учитываться как факторы риска, например, при врожденной тугоухости и глухоте. Выяснилось, что диагноз ребенку ставить значительно труднее, прежде всего из-за отсутствия возможности собрать анамнез ввиду неадекватности жалоб. Дети раннего возраста часто не могут оценить функциональные нарушения, к примеру потерю слуха, нарушение обоняния, вестибулярные расстройства. В подобных ситуациях исключаются методы исследования, основанные на субъективных ответах ребенка. Течение болезни у детей, как правило, более бурное, чем у взрослых, с высокой степенью интоксикации, выраженностью местной реакции тканей, бурным ростом грануляций, частым вовлечением многих органов и систем. Ведение послеоперационного периода затруднено страхом ребенка перед болезненными перевязками.

Иной подход в ЛОР-педиатрии имеет место и при выборе анестезии. Большинство операций проводится под наркозом, но следует учитывать трудности его проведения в связи с узкими дыхательными

путями, возможностью наступления ларингоспазма, реакциями, связанными с состоянием вилочковой железы и т. д.

Для нашей специальности свойственно большое число малых хирургических вмешательств, таких как парацентез, вскрытие паратонзиллярного или заглоточного абсцессов, пункция гайморовых пазух, которые, конечно, необходимо проводить с особыми методиками обезболивания. Подход к хирургическому лечению ребенка принципиально иной. Операции часто проводятся на растущем органе, поэтому предпочтение отдается щадящим способам, по возможности сочетающим удаление патологических тканей с сохранением функциональности органа, что всегда является вдвойне трудной задачей. В педиатрической практике к таким можно отнести, например, слухосохраняющие операции при хронических гнойных средних отитах, риносептопластику при искривлении носовой перегородки, парциальную аденотомию и т. д.

Оториноларингология отличается еще и тем, что дети и взрослые болеют подчас разными заболеваниями. Так, к примеру, у новорожденных часто бывает остеомиелит верхней челюсти, ложный круп (подскладочный ларингит) и стридор, ларинготрахеобронхит с обструктивным синдромом, аденоиды и аденоидиты, заглоточные абсцессы, отоанtritы, врожденные пороки развития и пр. С другой стороны, у детей не встречаются или бывают исключительно редко отосклероз, невриномы VIII пары черепных нервов, рак гортани и т. д.

Наша специальность — хирургическая, в определенном смысле «ремесленная». Она во многом связана с мастерством хирурга и, конечно, с достижениями физики, химии, математики, вычислительной техники, оптики и с такими техническими вопросами, как эндоскопия, компьютерная и магнитно-резонансная томография, с разработкой новых биоматериалов, слуховых электропотенциалов, математической обработкой сигналов, полученных с органов чувств. И в этом отношении клинические кафедры РНИМУ им. Н.И. Пирогова находятся в благоприятном положении, имея возможность тесно сотрудничать с теоретиче-

скими кафедрами физики, химии, математики и др. Как правило, подобный симбиоз является весьма продуктивным, ведь теоретики получают быстрый и прямой выход своих выводов в самое гуманное дело — охрану здоровья людей и их лечение. С последними достижениями науки случилось так, что они нашли свое оптимальное применение именно в ЛОР-педиатрии.

Отитатрия (болезни уха)

Одной из самых трудных и нерешенных до последнего времени проблем было исследование слуха у детей раннего и грудного возраста, не говоря уже о новорожденных. У детей старше 4–5 лет, тем более у взрослых, такое исследование проводится довольно просто с помощью источника звука — аудиометра; различная частота и интенсивность подается в ухо через наушник, больной сообщает врачу о том, что он этот звук услышал, и на основании этих ответов выстраивается кривая — аудиограмма. Однако понятно, что такой способ является субъективным и у детей применяться не может, поскольку ребенок до 3–4 лет не в состоянии дать правильный ответ.

Как же еще 30–40 лет назад пытались определить тугоухость и степень потери слуха у детей? Существовали простые методы, когда использовали косвенные ответы. Например, при звуковой стимуляции определяли тугоухость по реакции зрачка (кохлеопупиллярный рефлекс), миганию (кохлеопальпебральный рефлекс), даже использовали болевую реакцию при электрическом раздражении. В качестве источника звука применяли дробь различной величины и веса в сосуде, полагая, что она издает звук различной частоты. Значительным шагом вперед стала разработка метода исследования слуха с помощью предварительной выработки условного рефлекса. Так, в начале исследования подавали сильный звук, который ребенок должен был обязательно услышать, а затем этот звук сочетали с каким-то интересным для ребенка занятием, например демонстрировали мультфильмы или запускали детскую железную дорогу, которая приводилась в действие нажатием на кнопку

только тогда, когда звук был услышан. Таким образом, выработывалась зависимость между действием ребенка и его слухом. Это была очень трудоемкая работа, выработка условного рефлекса занимала иногда более двух недель, да и результаты не были точными. В настоящее время все эти методы исследования слуха имеют только исторический интерес.

Как же дело обстоит сейчас? В течение последних десятилетий в практику ЛОР-учреждений прочно вошел метод исследования слуха у детей любого возраста, который получил название компьютерная аудиометрия. Принцип компьютерной аудиометрии основан на данных электроэнцефалографии, изучении электрических потенциалов в ответ на звуковой стимул (щелчок). О том, что такой потенциал образуется в ответ на звук, было, конечно, известно довольно давно, но зафиксировать его, как бы вытащить „из спонтанной активности мозга альфа- и бета-волн“, было невозможно из-за малой величины. Сделать это удалось лишь с помощью использования памяти при компьютерном исследовании, когда подается большое количество импульсов, затем их незначительные амплитуды накапливаются, и на экране появляется суммарный потенциал, если, конечно, ребенок слышит. Естественно, я привел только схему, принцип исследования; главное в нем то, что это объективный ответ, не зависящий от сознания ребенка. Таким образом, компьютерная аудиометрия решила вопрос выявления тугоухости и глухоты у детей в любом возрасте. В настоящее время разработаны и внедрены в практику отитатрии и более простые способы, позволяющие дифференцировать характер тугоухости, решить, связана ли она со средним или внутренним ухом (акустическая импедансометрия).

К объективным методам исследования слуха относятся и исследования обратной акустической эмиссии. Эта методика технически легко доступна, даже для педиатров, и позволяет провести скрининговое аудиометрическое тестовое исследование ушей в роддоме или в ближайшие месяцы после рождения.

Ну, а дальше возникает вопрос, для чего вообще нужно выяснять, слышит ли ребенок в таком раннем возрасте, может быть, вполне достаточно подождать до 3–4 лет? В действительности ранняя диагностика тугоухости и глухоты в значительной степени решает дальнейшую его судьбу, т. к. связана с развитием речи. Если ребенок не слышит, он не научится разговаривать и станет глухонемым, такова цена вопроса. У здорового ребенка речь начинает формироваться приблизительно к году, и именно с этого времени, как установлено сейчас, нужно начинать решать вопрос реабилитации слуха у детей.

Какие же возможности для этого существуют? К сожалению, во многих ситуациях мы не можем улучшить слух ребенку, и прежде всего тогда, когда потеря носит нейросенсорный характер. Однако и в этих случаях ребенок тоже не останется без нашей помощи: совместная работа сурдопедагога, аудиолога и оториноларинголога, начатая в раннем возрасте с помощью специальных методов, достигает главной цели — ребенок воспринимает речь и начинает разговаривать.

Серьезные возможности реабилитации тугоухих детей — применение слуховых аппаратов, которые представляют собой усилители звука. Понятно, что они могут помочь только при хотя бы частичной сохранности звуковоспринимающих клеток. До настоящего времени проблема заключалась в том, что слуховые аппараты усиливали все звуки без разбора, а не только речь. Это приводило к дискомфорту. Например, резко усиливались звуки не только речи, но и проходящего транспорта. Дети не хотели носить аппараты, срывали их, и это обстоятельство значительно сдерживало распространение слухопротезирования. В настоящее время эти технологические проблемы в значительной степени решены с помощью специальных фильтров, отсекающих ненужные звуки, используются миниатюрные внутриушные приборы, бинауральное протезирование, цифровые методики.

Отдельно необходимо рассказать о таком направлении хирургической реабилитации, как кохлеарная имплантация. Нам

с А.Н. Ремизовым посчастливилось быть пионерами в разработке и внедрении в нашей стране метода «искусственное ухо» (так в 80-е годы прошлого столетия называли кохлеарную имплантацию). Неоценимая помощь здесь была нам оказана тогдашним ректором Ю.М. Лопухиным, благодаря которому была организована научно-исследовательская лаборатория на базе ЦНИЛ, которой руководил и помогал нам Э.М. Коган.

Более подробно ознакомиться с историей развития кохлеарной имплантации в мире, в России, а также о вкладе нашей кафедры читатель может в отдельной главе этой книги (часть 2, глава 4).

В то же время довольно успешно решаются вопросы реабилитации тугоухости, связанной с разрушением звукопроводящего аппарата среднего уха, чаще всего в результате гнойного процесса. Различные типы хирургического вмешательства, в зависимости от степени разрушения, носят название тимпанопластики и широко применяются в детском возрасте, в том числе и в нашей клинике, с неплохими результатами.

Несколько сложнее обстоит дело с хирургическим лечением при врожденных пороках, при заращении слухового прохода, отсутствии или недоразвитии слуховых косточек. Наша клиника традиционно много лет занималась этими вопросами. Мои предшественники И.И. Щербатов, И.Л. Кручинина были прекрасными пластическими хирургами; много лет в нашей клинике таких больных оперировала Г.Л. Балясинская.

Позвольте остановиться на воспалительных заболеваниях уха. Острый средний отит — одно из самых распространенных заболеваний детского возраста, до трех лет его переносят 80–90% маленьких пациентов. Основные трудности, связанные с диагностикой среднего отита в грудном возрасте, возникают из-за сложности обозрения барабанной перепонки. В.С. Минасяну удалось внедрить в практику клиники перспективную методику эндоскопии и видеосъемки движений барабанной перепонки, которая значительно улучшила и упростила диагностику острого процесса, состояния слуховой трубы и адгезивного (слипчивого) отита в раннем возрасте.

Хронические гнойные заболевания среднего уха до сих пор составляют около 8–10% всех ушных болезней и, к сожалению, имеют тенденцию к распространению. Это связано с различными причинами: резистентностью к антибиотикам при острых отитах, социальными и организационными вопросам и т. д. Две главные опасности хронического среднего отита — стойкая тугоухость и развитие тяжелых внутричерепных осложнений, таких как отогенный менингит, сепсис, абсцесс мозга и мозжечка, а также отогенного паралича лицевого нерва и лабиринтита.

Нужно отметить, что в последние годы число осложнений не уменьшается, а возраст пациентов снижается. Нам приходилось оперировать детей уже в 2–3 года, и во время хирургического вмешательства отмечались значительные разрушения височных костей. В то же время оказалось, что хирургическая анатомия у детей такого возраста изучена явно недостаточно. Большим подспорьем для детских отохирургов стали в этом отношении послойные распилы детской височной кости (по Н.И. Пирогову) в сочетании с ее компьютерной томографией, предпринятые М. Полуниным совместно с Е. Зеликович. Эти исследования оказались важными потому, что впервые определили соотношение ряда фрагментов детской височной кости, которые легко могут быть повреждены во время хирургического вмешательства, например, лицевой нерв, горизонтальный полукружный канал, крыша барабанной полости, костная стенка прилегающего сигмовидного синуса и т. д. Внедрение КТ и МРТ заставило по-новому относиться и к показаниям к saniрующим операциям на ухе в детском возрасте.

Напомню, что хроническое гнойное воспаление среднего уха может протекать доброкачественно с вовлечением в процесс только слизистой оболочки (мезотимпанит) и злокачественно с образованием холестеатом и грануляций и опасных тяжелых осложнений (эпитимпанит). Основным диагностическим дифференциальным признаком считалось расположение перфорации: центральное — при мезотимпанитах и краевое — при эпитимпанитах. Исследования (О. Карнеева, М. Полунин) на основании

компьютерных и других данных показали, что в 10–15% случаях при мезотимпанитах также имеет место деструктивный процесс, что заставляет нас более настороженно относиться к такому рода процессам.

Ринология (болезни носа и носоглотки)

Проблемы детского возраста, связанные с носоглоткой, заключаются в основном в затруднении носового дыхания из-за аденоидов, гипертрофии миндалин или искривления перегородки носа. Хорошее носовое дыхание очень важно для развития ребенка — не только физического, но и умственного.

Прежде всего остановлюсь на таком тяжелом заболевании, как юношеская ангиофиброма носоглотки. Это доброкачественная по гистологическому строению опухоль, растущая из глоточно-основной фасции на основании черепа. Направление дальнейшего роста различно, чаще всего это околоносовые пазухи, реже крылонебная ямка, в запущенных случаях — полость черепа. Опухоль встречается только у мальчиков после 13–14 лет. Рост ее сопровождается обильными носовыми кровотечениями и сдавлением продолговатого мозга, что делает операцию неизбежной. Хирургическое вмешательство очень опасно, поскольку сопровождается сильным кровотечением, а остановка бывает сложна из-за труднодоступной локализации. До последнего времени летальность при удалении опухоли достигала 30–40%, больной мог терять до трех литров крови, поэтому одновременно с операцией шло прямое переливание. В нашей клинике к настоящему времени успешно проведено более 300 таких операций. Основным достижением в этой проблеме было внедрение дооперационной эндоваскулярной окклюзии, где нам очень помогли детские хирурги. Внедрение этого метода позволило не только уменьшить кровопотерю во время операции, но и дать возможность оперировать больных с прорастанием опухоли в полость черепа, которая раньше считалась неоперабельной.

Довольно часто у новорожденных встречается атрезия (заращение) хоан. При двусторонней атрезии абсолютным показанием является операция, которая также очень опасна, т. к. раньше проводилась вслепую в непосредственной близости к основанию черепа. Внедрение эндоскопии носоглотки позволило провести около 150 успешных операций новорожденным и детям грудного возраста под зрительным эндоскопическим контролем (Е. Котова).

В настоящее время в большинстве современных клиник, в том числе и в нашей, аденотомия проводится под наркозом и фиброскопией, инструментом, напоминающим бритву (дебрайдер). Такая методика снижает риск кровотечения, а главное — позволяет произвести частичное удаление аденоидной ткани, когда это нужно по показаниям, например, у ребенка имеется только снижение слуха из-за гипертрофии лимфоидной ткани в области устья слуховой (евстахиевой) трубы и нарушении ее вентиляции.

Искривление носовой перегородки у детей — частая патология. Проблема заключается в том, что при общепринятой операции (подслизистой резекции искривленной части) удалялись и зоны ее роста. Это приводило у детей к нарушению развития лицевого скелета. Операция по этой причине откладывалась до 14–15 лет, и ребенок был вынужден жить с плохим носовым дыханием, что, конечно, отрицательно сказывалось на его развитии. А. Юнусовым были разработаны принципиально новые, щадящие хирургические методы, позволяющие улучшить носовое дыхание при одновременном сохранении важнейших для роста зон носовой перегородки.

Ларингология (болезни горла и трахеи)

Современные методики в ларингологии оказали колоссальное влияние на процессы диагностики и лечения ряда заболеваний детской гортани. Всем известно, как проводится прямая ларингоскопия (другого способа осмотра гортани у ребенка не было). Это сложная и довольно опасная процедура, иногда вызывающая

ларингоспазм, приводящая к повреждению зубов, неприменимая в амбулаторных условиях. Поэтому осмотр гортани у маленьких детей не был доступен не только педиатрам, но и многим оториноларингологам. Такое положение приводило к поздней диагностике при патологии гортани, например папилломатозе, ложном крупе, стридоре и т. д.

Фиброскопия резко изменила положение. Работы Т. Гаращенко, Ю. Солдатского по папилломатозу гортани, врожденным мембранам с применением современной эндоскопии значительно упростили и улучшили функциональные результаты. Большое практическое значение имеют работы Е. Радциг по эндоскопии гортани новорожденных, в том числе недоношенных, с использованием различных оптических систем, при которых установлен ряд особенностей вмешательства, опасного в таком возрасте из-за угрозы ларингоспазма. Предложенная ею методика покадровой эндоскопии позволила не только оценить картину гортани, но и детально изучать ее в спокойной обстановке после окончания процедуры.

Такие современные методы, как видеостробоскопия, видеоэндоскопия, запись голоса у детей раннего возраста в сочетании с его компьютерной обработкой, электрофизиологические методы исследования (электроглоттография) (Е. Радциг) сыграли важную роль в выявлении голосовой дисфункции, что ранее практически оставалось вне поля зрения ларингологов и логопедов.

Эндоскопическая техника в клинике широко применяется и при такой тяжелой патологии, как рубцовые стенозы гортани и трахеи (В. Чистякова, С. Водолазов, З. Вязьминов). Использование эндоскопической техники, ряда новых методических приемов операций позволило улучшить функциональные результаты и сократить сроки реабилитации.

Патология уха, горла и носа у новорожденных (в т. ч. недоношенных) детей

Направление, которое мы активно развиваем последние годы, связано с изучением патологии ЛОР-органов у новорожденных и в первую очередь недоношенных детей. Это направление имеет государственное значение в связи с общей демографической ситуацией в стране и отмечаемым некоторым снижением рождаемости.

В развитие перинатологии государство вкладывает значительные средства, позволяющие серьезно улучшить выживаемость даже маловесных недоношенных. Однако одновременно появилась и другая проблема, связанная с профилактикой их инвалидизации. Оказалось, что наших знаний, а тем более опыта в области ЛОР-патологии явно недостаточно. В связи с этим сотрудники лаборатории клинической и экспериментальной оториноларингологии подключились к решению таких вопросов, как состояние и перспективы слуховой функции у недоношенных, ЛОР-патология у детей, родившихся с врожденными пороками развития гортани, особенности течения острых средних отитов (И. Рахманова) и т. д.

Некоторые работы носили прямой прикладной характер. Например, перинатологи столкнулись с такой проблемой: недоношенные дети в течение длительного срока, иногда нескольких месяцев, находятся на управляемом дыхании (СРАР — СИПАП), без этого жить они не могут. Газовая смесь в дыхательные пути подается через нос с помощью раздвоенной трубки, которая опирается на переднюю часть перегородки носа. У недоношенных она еще не сформирована окончательно, мягкая, нежная и при длительном давлении легко воспаляется. Такое воспаление в последующем приводит к деформации перегородки, а в некоторых случаях к некротическим изменениям с расплавлением хряща и даже к риногенному сепсису. Сотрудниками лаборатории был разработан специальный протектор из особых материалов, позволяющий избежать такого рода осложнения.

Конечно, я не смог остановиться на всех проблемах, которые связаны с ЛОР-педиатрией, аллергологией, пульмонологией, неврологией и т. д. Занимаемся мы и детской ЛОР-онкологией (В. Поляков), хотя таким пациентам помощь оказывается в специализированных учреждениях. В то же время вопросы ранней диагностики по-прежнему находятся в компетенции ЛОР-специалистов, в связи с чем очень важным остается образование в этой области для студентов и молодых врачей. Но основные нерешенные проблемы хотелось бы отметить, и, полагаю, на них следует сосредоточить наши усилия в ближайшем будущем:

1. нейросенсорная тугоухость — лечение;
2. внутричерепные отогенные риногенные осложнения;
3. рецидивирующий папилломатоз гортани;
4. профилактика инвалидизации новорожденных (недоношенных) детей и патологии ЛОР-органов.

*«Да, уходит наше поколение
Рудиментом в нынешних мирах...»*

Мой одноклассник Юра Визбор

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ИСТОРИЯ ЖИЗНИ. ИСТОРИЯ СТРАНЫ

Глава 1. Как бы увертюра...

Господь даровал мне долгую жизнь, встречи с очень разными людьми в различные периоды их жизни — от раннего детства до глубокой старости, в минуты горя и радости. С врачами люди всегда откровенны, подчас даже больше, чем со священниками. Встреча с духовником на последней исповеди — это уже конец жизни, а встреча с врачом, даже при, казалось бы, неизлечимой болезни — все еще надежда.

Половину жизни я врачую и преподаю студентам, а это уже контакт со следующими поколениями и через них — взгляд в будущее на десятки лет. Мне нравится преподавать. Люблю рассказывать о профессии, о своем жизненном опыте, удачах и неприятностях, о том, как к ним нужно относиться, как стараться не унывать в тяжелые минуты жизни, потому что, во-первых, все проходит, как сказал мудрец, а во-вторых, никто из нас не знает, как обернется то или иное жизненное событие. И в моей жизни бывало, что очевидные неприятности оборачивались в дальнейшем удачами. И такое понимание жизни сделало из меня оптимиста, и к любому событию я стал относиться с юмором, и это часто выручало, спасало от уныния, заставляло не складывать беспомощно руки.

Философские размышления, чувствую, несколько затянулись, и это связано во многом с возрастом, когда хочется поделиться

С отцом после его возвращения с фронта из-за контузии (1942 или 1943 год)

накопленными жизненными наблюдениями и когда понимаешь, что самая большая трагедия старости, помимо потери здоровья, — это одиночество. Сейчас я все больше стал понимать, что значит известное выражение «на него давил груз воспоминаний...». И действительно, хочется рассказать о своей жизни другим, как бы облегчить душу. И чтобы мои года стали не только моим богатством, как поет Вахтанг Кикабидзе.

Глава 2. Семейные корни

Каждому хочется прожить жизнь счастливо: быть богатым, иметь любимое дело, любящих близких, преданных друзей. Что-то, конечно, зависит от самого человека, особенностей его характера, времени, в котором он живет. Но все же главное, как мне кажется, — это родители, семья в детстве и Учителя в юности. Поэтому немного о моих предках, родителях и семье.

По линии отца семейная хроника в моей памяти начинается с деда — Давида Богомильского. Жил он в городе Волковыске. Теперь это территория Западной Белоруссии, которая в описываемое время относилась к Польше, входившей в состав Российской империи. Город маленький, самыми ближними к нему были Белосток и Барановичи. В семье Давида было три сына — Григорий, Вениамин и Рафаил (мой отец, родился в 1902 году) и дочь Евгения. Жену Давида звали Евгенией, в честь нее и была названа единственная дочь, а впоследствии и моя сестра. Когда в 1939 году началась война Германии и Польши и западная часть Белоруссии была освобождена нашими войсками, стариков в живых уже не было, их дом был конфискован и заселен новыми жильцами, а Волковыск отошел, по известному пакту, к Советскому Союзу. Достоверно известно, что в 20-е годы они еще были живы, поскольку присылали (уж не знаю, каким образом) свои фотографии отцу. В 60-х годах мы с отцом там побывали, нашли родительский дом, но никого из родных и знакомых не встретили. Как погибли родители, отец, видимо, предпочел не выяснять. Брат отца Гриша оказался в Варшаве, стал адвокатом. С ним удавалось поддерживать связь, потому что

после войны Польша стала социалистической страной. Второй брат отца — Вениамин, дядя Веня, воевал в Армии Людова. После окончания войны и демобилизации он на одни сутки заехал к нам в Москву — истощенный, в грязной шинели, обмотках — и уехал в Польшу. Больше о нем, к сожалению, ничего не знаю. А сестра отца Евгения после образования Израиля уехала туда. В первое мое посещение Израиля я встречался с родственниками. Тети Жени уже не было в живых, но были мои двоюродные брат и сестра. Мы были счастливы увидеться, но дальше общение не продолжилось, близкими людьми мы не стали. В ту встречу вспоминали, как во время войны отец навещал их в Казахстане, куда они бежали от немцев, жили в степи, в землянке. Отец пробыл у них неделю, но ни разу не выходил на улицу, иначе соседи обязательно бы донесли.

В Волковыске была только гимназия, где отец и учился. После ее окончания, незадолго до начала Первой мировой войны, он уехал продолжать учебу сначала в Вильно (ныне Вильнюс, а тогда польский город), а после окончания реального училища — в Москву. Поступил во 2-й Московский государственный университет на медицинский факультет и окончил его в первом выпуске в 1925 году. Это был пестрый период, судя по сохранившимся справкам: отец во время учебы работал грузчиком на вокзале, в милиции, медбратом и даже управдомом, благодаря чему и получил маленькую, 9-метровую, комнату в Малом Головине переулке, недалеко от Сретенки. Туда меня и привезли из родильного дома Грауэрмана, который находился вблизи улицы Арбат. Родился же я 15 апреля 1934 года.

О родне по материнской линии знаю тоже немного. Дед был портным, как будто модным. Жил в Твери, звали его Михаил Чернявский. Его жена — моя бабушка Мария Григорьевна — все мое детство жила с нами, воспитывала меня. Интересно, что в семье деда со стороны мамы было три дочери и один сын, то есть с точностью до наоборот того, что было в семье моего другого деда, в которой росли три сына и одна дочь. До революции, судя по всему,

жили неплохо, во всяком случае к ним трижды приходили матросы и забирали все как бы подчистую, но все-таки у всех дочерей было хорошее приданое: фарфор, мебель, шубы... Бабушка говорила про дочерей: «У меня три горба». Старшая дочь — тетя Лиля была красавицей, ее выдали замуж за москвича, а затем и две другие дочери, в том числе моя мама Соня, постепенно вышли замуж за москвичей.

Добрачная жизнь отца, видимо, проходила довольно бурно. Обладая живым характером, был он человеком очень коммуникабельным, играл на фортепиано, нравился женщинам. У него даже прозвище было «брызги шампанского». Как-то я был в Литературном музее на Пречистенке и на одном из стендов обнаружил записку Есенина со следующими словами: «В пятницу встречаемся у меня, не забыть пригласить Рафашу Богомильского».

После окончания университета отец некоторое время работал в поликлинике Московского уголовного розыска, знаменитого МУРа. Был активистом. Рассказывал мне много позже, что начальство в МУРе всего за несколько лет поменялось три раза, но обычных врачей не трогали. Ну, а после женитьбы оказался примерным семьянином, много работал, ездил по частным вызовам, старался, чтобы семья не нуждалась. По некоторым сведениям какие-то привычки холостяцкой жизни он не оставил, но ни в коем случае не во вред нам.

Мама не работала, старалась изо всех сил, чтобы дома было хорошо и уютно, и отец это ценил. Жили мы для довоенных лет прилично: комната в коммунальной квартире (еще 6 соседей), мясо и курица два раза в неделю, маме удавалось хорошо и вкусно, при этом экономно готовить из скромного набора продуктов. Все таскала на себе. Интересно, что «первый кусок» всегда полагался отцу. И всегда все было готово во время, все горячее стояло на столе к его приходу.

Лето москвичи часто проводили на съемных дачах. Обычно снимали на три месяца комнату с террасой по популярным направ-

лениям: северное (Клязьма, Загорск), казанское (Малаховка, Быково) и др. Если не ошибаюсь, в 1937 году отцу предложили участок в Ильинке. Это был глухой лес, из которого собственно и построили дом, конечно, без всяких удобств. Материально это было очень тяжело. Помню, как родителям пришлось продать фотоаппарат «Фотокор», чтобы купить дранку на крышу.

Несмотря на бытовые сложности, жили они очень весело, почти каждую неделю встречались компаниями, ходили в театр, кино и даже каждый год по профсоюзным путевкам уезжали на море. Друзья жили примерно так же. Но до сих пор не могу понять, как удавалось уживаться с соседями: один туалет и одна ванная комната почти на 20 человек, семь столов на кухне, на стенах коридора висели велосипеды. Телефон был общий. Конечно, недоразумения бывали, но не помню серьезных ссор, как это сейчас часто описывают. Все жили дружно, старались друг другу помогать.

В одной из комнат жила пожилая женщина Мария Николаевна. Когда-то она была замужем за царским офицером, видимо, богатым человеком, и до революции ей принадлежала эта квартира. В старости она была не совсем адекватна. Однажды взяла такси, каталась по городу, потом приехала к дому и говорит шоферу: «А можно я с вами бриллиантами расплачусь?» После этой истории дочь Марии Николаевны больше на улицу ее не выпускала.

Мои воспоминания о довоенном времени несколько хаотичны. В детский сад я не ходил, в пионерские лагеря не ездил. Дома считали, что ребенок должен жить с родителями. Одно время у нас была домработница Мотя. Она приезжала на лето из деревни. Была очень честная и правильная. Вообще врать считалось в нашей семье самым большим грехом. Отец поднял на меня руку один раз в жизни, и вот за что. В нашем доме жило много мальчиков, считавшихся хулиганами, хотя теперь понимаю, что на самом деле это были обычные непоседливые ребята. Каждое воскресенье эта компания отправлялась на пляжи Москвы-реки. Мне это категорически было запрещено, но однажды меня эти ребята, а были они постарше, уговорили поехать с ними. Родители этот

обман обнаружили, и дома случился скандал, с ремнем, как мне потом объяснил отец, не за то, что я поехал, а за то, что не сказал им об этом. Интересно, что потом мне уже разрешили ездить с ребятами на пляж!

Конечно, ни о какой политике мы не задумывались. Пионеры, тимуровцы — на самом деле это не было столь массовым явлением. Ни о каких репрессиях мы не имели и представления, да и почвы особой для разговоров об этом не было. Всем нашим переулком мы знали, что посадили маршала Кулика, дочь которого была в нашей компании, а раз посадили, значит, было за что, «органам виднее». Сталину верили безоговорочно, искренне кричали: «Спасибо Сталину за наше счастливое детство!» И действительно верили, что живем счастливо. Конечно, кое-кто из взрослых уже понимал, что именно происходит «за кулисами», но детям старались ничего не рассказывать и вообще политики не касаться в разговорах. Я ходил с отцом на все демонстрации, от больницы имени Дзержинского, где был сборный пункт, до Красной площади. Шли 6–7 часов. Когда, наконец, входили на площадь, отец сажал меня на плечи, шли мимо трибун и Мавзолея. Даже не шли, а бежали, потому что солдаты из шеренг подгоняли демонстрантов: «Скорее, скорее, не задерживаться!» А мысли у всех были одни: «Где, где Сталин? А вот он, второй справа!» И так не хотелось уходить с площади! До самого Васильевского спуска все оборачивались... А дома был праздничный обед, и соседи первым делом спрашивали: «Сталин был? Видели его?» И если иногда Сталина на трибуне не было, казалось, что на демонстрацию ходили зря. На стол ставили портрет вождя, и взрослые выпивали за него, за его здоровье. И это были простые люди, которые жили в основном тяжело, но ощущение какого-то душевного подъема было почти у всех.

Я помню свои размышления по поводу жизни за границей. Мы с друзьями абсолютно верили в то, что живем лучше, чем, например, рабочие в Германии, и они просто не понимают этого. Но им нужно это хорошенько объяснить. Самое любопытное, что и

сейчас я начинаю понимать, что не так все однозначно. Ведь при Советской власти очень бедные люди имели возможность учиться в университете, в повседневной жизни (не в политике) вопросы в судах решались справедливо, медицина была доступна на определенном уровне, возможность поступить в вуз зависела от отметок в школе, в санатории и дома отдыха ездили по профсоюзным путевкам. Да, сейчас за деньги все это можно иметь. Но финансово успешны часто те, кто обладает способностями менеджера, а не талантливые хирурги, поэты, музыканты... И куда исчезли великие писатели, композиторы, художники?

Да, не все так однозначно...

Глава 3. Война. Эвакуация. Первые послевоенные годы

Почему-то мне очень хорошо запомнился день начала войны. Мама, я и сестра Женя, которая младше меня на 4 года, жили на даче в поселке Ильинском по Казанской железной дороге. Папа работал в Москве, но каждый вечер приезжал к нам. В те времена это было не так просто: электричек еще не было, а паровики ходили редко. Но мама была довольно ревнивой, чем и объяснялась, наверное, обязанность отца приезжать ежедневно. И вдруг в субботу, 21 июня 1941 года, он не приехал. Телефона за городом не было. Легли спать, и я слышал, как мама всю ночь ворочалась, пила лекарство... Утром мы отправились на станцию и увидели необычную картину: в магазинах стояли длинные очереди, скупали все, что могло долго храниться, — мыло, спички, крупы, табак... Причем толком никто не знал, что же произошло. Мы поднялись на платформу. Когда пришел первый поезд, после 12 часов (то есть уже после выступления Молотова), стало окончательно ясно, что действительно началась война с Германией. Днем приехал отец, и мы узнали кое-какие подробности. Нужно сказать, что непосредственное впечатление о боевых действиях у нас появилось уже чуть ли не в первые дни. Дело в том, что наш дачный поселок располагался по левую сторону железной дороги от Москвы, а на другой стороне был город Жуковский.

Там находились авиационные предприятия, в частности конструкторское бюро Туполева, летно-испытательный институт (ЛИИ). Их немцы начали бомбить одними из первых. Дело происходило так: в небе зависал какой-то светящийся шар, а затем летели бомбы. Точность бомбометания у немцев была высокой, и на нашу сторону за всю войну упала только одна бомба и сгорели всего две дачи.

Мы оставались на даче до конца сентября. Детская больница имени Дзержинского, в которой работал отец, не закрывалась, и он продолжал приезжать к нам, правда, уже не каждый день, потому что уже через месяц после начала войны врачей начали мобилизовывать. Отцу тогда было около 40 лет, и его очередь пришла чуть позже. Помню, как на соседнюю дачу пришли военные, и на следующий день соседскую семью (а они были этническими немцами) куда-то увезли, а в их дом тут же поселили водопроводчика, у которого было шестеро детей. Кстати, он нам постоянно помогал по хозяйству. Папа почему-то прозвал его «халамитником», и они подружились.

На улице вырыли глубокую траншею, в которую мы прятались, едва заслышав звук сирены. Следы той траншеи можно найти и сейчас. Потом отца призвали в армию, и перед отправкой в военный госпиталь он забрал нас с дачи. А уже через несколько дней я с мамой и сестрой ехали в товарном вагоне в эвакуацию — на Урал. Дорога была очень тяжелой. Многие, особенно дети, страдали от кишечных инфекций, а удобств в вагоне не было никаких... Очень трудно пришлось, особенно матерям. Мы приехали в маленький городок Кыштым в Челябинской области, где нас вселили в комнату огромной квартиры. Первый день был очень неприятным, эвакуированных встретили неприязненно, ведь мы нарушили их покой. «Что же вы сбежали?» — это было самым мягким выражением. Но такое отношение продолжалось недолго. Уже утром пришел военный, спросил, как к нам относятся соседи, потом провел с ними беседу, после которой отношение к нам резко изменилось, и мы превратились чуть ли не в героев. Видимо, раз-

говор чекиста был для всех понятным и убедительным. Я, кстати, действительно чувствовал себя героем, потому что однажды в Москве во время воздушной тревоги сбежал от мамы, поднялся на чердак нашего 5-этажного дома на Сретенке и подключился к дружке тушивших бомбы, помогал держать щипцы, которыми они хватили крутящиеся термитные бомбочки (их называли зажигательными) и бросали их в ящики с песком.

В Кыштыме мы пробыли несколько месяцев. Маме приходилось продавать привезенные с собой вещи на рынке, на то и жили. Затем отца контузило, и его перевели с фронта в эвакуационный госпиталь в Магнитогорске. Он забрал нас к себе, и мы прожили там до 1943 года, именно тогда было разрешено вернуться из эвакуации в Москву.

Во время войны всем нам казалось, что все вокруг происходило стихийно, но на самом деле был железный порядок. В этом мне представился шанс убедиться лет через 50 после окончания войны. Дело было так. Я узнал, что Германия осуществляет компенсационные выплаты советским гражданам, пострадавшим во время Второй мировой войны. Для этого нужно было собрать ряд документов, в частности сведения об эвакуации. Я обратился в паспортный стол нашего района без всякой надежды на успех, но сотрудница подошла к одному из нумерованных шкафов и очень быстро достала выписки по нашей квартире тех времен...

Из военного времени запомнились два ощущения: первое — чувство голода, второе — какой-то полной безысходности. Каждый день с линии фронта передавали сводки, в которых рефреном: «После тяжелых боев наши войска оставили такой-то город». И так продолжалось до декабря 1941 года, когда немцев разгромили под Москвой. У всех появилась не просто радость, а вера в то, что Гитлера можно победить.

Голод в эвакуации был настоящий. Помню, проснулся я однажды ночью и пополз к буфету, зная, что там лежит кусочек хлеба. Мама слышала, но меня не остановила, а только беззвучно плакала в

подушку. Каково это, видеть своего ребенка таким голодным! Однажды в магазин привезли свежую капусту, и директор нанял нас на разгрузку машин. И есть капусту можно было сколько влезет. После этого у меня появилось отвращение к капусте, я ее даже видеть не мог в течение многих лет.

В Магнитогорске работал металлургический комбинат, куда свозили на переплавку подбитые трофейные танки. На свалке танки, конечно, охраняли, но мы, мальчишки, умудрялись перелезть через забор, забирались в танк, где находили немецкие кресты, зажигалки и даже документы.

Во время войны условия учебы в школе были тяжелыми. Холодно было так, что замерзали чернила в непроливашке.

В Магнитогорск был эвакуирован Театр сатиры, знаменитые актеры — Любезнов, Хенкин и другие. Отец многих из них консультировал, а мы ходили на их спектакли.

В 1943 году мы вернулись из эвакуации и были безмерно благодарны нашей дворничихе тете Нюре, которая поселилась на время нашего отъезда в квартире и сохранила все, что там оставалось, даже мебель, в то время как большинство квартир эвакуированных было разграблено, несмотря на наличие сургучных печатей на дверях.

Первые два класса я окончил в Магнитогорске, а с третьего учился в московской школе №281, располагавшейся на улице Мархлевского. Меня посадили за парту с Владимиром Коппом, которого все звали Владиком, мы так и сидели вместе до 10 класса. Какие факторы тогда создавали авторитет? Физическая сила, старшие братья, занятия спортом, какие-то связи с блатными, умение играть на гитаре. Отличников, доносчиков, учившихся музыке (за исключением гитаристов) терпеть не могли и часто били. В нашем подъезде жил мальчик лет 5–6, который учился играть на скрипке. Даже помню его прозвище — Менухин. Когда он шел на музыкальные занятия, выходил из дома без скрипки, а мама потом приносила ему инструмент.

Но все равно этого Менухина все презирали. Родители и меня пытались «приспособить» к музыке, но безуспешно. В основном потому, что в глазах моих товарищей это было каким-то буржуазным занятием.

Может быть, это покажется странным, но мы никогда не играли в войну. А вот драки класс на класс, двор на двор были обычным делом. Играли в расшибец. Популярным было и такое занятие: к монете приклеивали кусочек меха и ногой подкручивали его. Были умельцы, которым удавалось делать так до 100 раз. Играли не на деньги, а на «авторитет».

Любили ходить в кино, «нашим» был кинотеатр «Уран» на Сретенке. Доблестью считалось «идти на прорыв»: когда вокруг контролера создавалась суматоха, можно было в толпе пройти бесплатно. Перед началом сеанса в фойе играли джаз, музыканты, кстати, были прекрасные. В «Уране» выступал Лаци Олах, и многие приходили специально, чтобы послушать его. Позже он переместился в ресторан «Аврора», который со временем стал подобием студенческого клуба. О девочках в ту пору мы не думали, чему, возможно, способствовало отдельное обучение. Романтические настроения появились ближе к 9–10 классу. Спиртные напитки нас тоже не интересовали, если и «принимали», то совсем немного... Думаю, мы еще долго продолжали жить по понятиям военного времени, фронтовым законам, по которым было принято выручать товарищей, ценилось самопожертвование, «сам погибай, а товарища выручай». Так нас в школе и воспитывали.

В одном классе со мной учились два еврейских мальчика: Нема Яновер и Сема Самолюбовер. Первый был хулиганистый, учился плохо, но товарищ был хороший и преданный. А Сему не любили, как и всех отличников, списывать он не давал, слишком уж был правильный. Помню, в пионерлагере вожатый объявил: «Самый лучший пионер — Сема Самолюбовер, самый худший пионер — Нема Яновер».

Учились мы в три смены, занятия заканчивались в 9 часов вечера, а после этого мы играли в футбол тряпичным мячом на Сретенском бульваре, пока за нами не приходили родители. Позже в нашей жизни появился волейбол (я обязательно расскажу об этом отдельно), но в детстве все мы увлекались именно футболом, а футболисты были для нас кумирами. На несколько классов старше учился Игорь Нетто, будущая звезда советского футбола. В школьные годы он играл за юношеский «Спартак», и мы его буквально боготворили. В нашей школе вообще все болели за «Спартак». И это было неслучайно. Эта команда олицетворяла народ — простой, бедный. «Динамо» ненавидели — милиция... У ЦДКА было много болельщиков из-за военных. Мы ездили на Ширяево поле и в Тарасовку, где тренировались спартаковцы, и однажды увидели, как Игорь нес сетку с мячами, шел рядом с Олегом Тимаковым, полузащитником, и даже о чем-то с ним разговаривал. Это было все равно что увидеть живого бога.

Для многих моих ровесников авторитетами также были и вернувшиеся из тюрем или лагерей, состоящие на учете в милиции, но, кстати, для этой категории граждан понятия дружбы, преданности товарищам были святыми. Однажды из-за них я чуть не попал в тюрьму: старшие ребята полезли в аптеку через окно, а меня как самого младшего поставили «на шухере». Конечно, милиция всех поймала, но меня потом все же отпустили домой.

Еще одно тяжелое воспоминание: до сих пор не могу понять, почему в самом начале войны появился бытовой антисемитизм, ведь до войны его не было. Воевали евреи достойно... Процветал он и среди школьников, видимо, шел из семейных разговоров. На стенах нашего дома можно было прочитать: «Бей жидов, спасай Россию!» В нашем классе был совершенно безобидный мальчик Лева Лейтман, учился играть на скрипке. Но ребята над ним издевались. Мы с Владиком Коппом хорошо играли в футбол, а позднее — в волейбол, и к нам, возможно, поэтому отношение было уважительное.

После войны все жили очень трудно, но думали, что так и должно быть. Никакой информации о жизни за границей мы не получали. Я искренне верил, что, например, рабочие в капиталистических странах просто не понимают, как хорошо живется в СССР, иначе они давно бы у себя сделали революцию.

В начале улицы Сретенки работал фирменный рыбный магазин. Там был бассейн с живой рыбой и икра. Икра продавалась всегда, но то, что она была доступна всем, — это сказки. Для нашей семьи со средним достатком покупка икры была праздником. А вот крабов, которые тоже всегда лежали на прилавке, как деликатес не воспринимали. Мама была хорошей хозяйкой, экономной. Мясо было для нас дорогой едой, поэтому она делала из мяса фарш и клала его в картофельные котлеты. Мы почему-то называли их калбешниками. Когда в 1947 году отменили карточную систему, появились так называемые коммерческие магазины, где были хорошие продукты, но в 10 раз дороже. Тогда я узнал, что такое халва, мандарины... Брикет мороженого стоил 45 рублей, и продавщица делила его на 4 части по 11 рублей — иногда уже можно было попробовать. Эволюционировала водка. Сначала она выпускалась в темно-зеленых бутылках и была запечатана темным сургучом; потом появились бутылки со светлым сургучом, про них говорили «белая головка», значит, хорошая. Еще была водка с жестяной крышкой, как козырек; такую принято было открывать зубами. Но продавалась водка и в ларьках в розлив, иногда образовывались небольшие очереди. Помню, уже в студенческие времена стою я с каким-то, видимо, опустившимся интеллигентом. Спрашивает меня, что я собираюсь покупать и по какому поводу. Отвечаю, что стою за водкой, потому что в гости должна прийти девушка. «Неправильно, — говорит он. — Купи лучше ликерчик, девушки его любят. Ликерчик сладкий, но крепкий, как водка, девушка выпьет, подберет». А ведь прав оказался...

Впрочем, тяжело после войны жили не все. Мой отец удалил одному ребенку инородное тело из дыхательных путей, в общем, спас жизнь. Оказалось, что дядя этой девочки — секре-

тарь Краснопресненского райкома партии Иван Васильевич Капитонов, в будущем член Политбюро. В благодарность он приглашает нашу семью на обед в Быково на дачу своего брата, генерала, директора военного завода. Стол поражает нас разнообразием, все на высоком уровне, с русским гостеприимством. Особенно мне запомнился поросенок. Начались тосты. Оба брата — здоровяки, стаканы в руке не видны. Взрослые пьют за Рафаила Давидовича, за его семью, советскую медицину и, конечно, за Сталина. Папа мой «ломается» на глазах, а братьям хоть бы что. Обращаю внимание, что они оба время от времени выходят на улицу. Из мальчишеского любопытства незаметно следую за ними: они два пальца в рот и обратно возвращаются свеженькими. Первая мысль: как же такие продукты! Домой возвращались под причитания мамы. Это был единственный раз, когда я видел папу совершенно пьяным. Кстати, через какое-то время у Капитонова опять появился повод отблагодарить отца. В отделении, которым он заведовал, работал врач З. Он был прилежным учеником, папа помогал ему с диссертацией, учил оперировать, но, видимо, ученик сам метил на место своего учителя. Однажды Капитонов по телефону попросил отца зайти в райком, где и показал ему письмо, в котором были со знанием дела описаны все его «грехи», включая амурные. Письмо было подписано; Иван Васильевич отдал его отцу со словами: «Хорошо, что оно попало сначала ко мне, а не сразу в органы». Потрясенный отец приехал на работу, показал письмо З. Тот лишь спросил, с какого числа писать заявление об увольнении...

Хорошо помню, как закончилась война. Уже было известно, что об этом должны вот-вот объявить по радио. Вся наша коммунальная квартира собралась на кухне, сидели, взрослые немного выпивали, но заявление прозвучало только ближе к полуночи. Отец взял меня, и мы пошли на Красную площадь. Такого ликования я никогда больше не видел. На Красную площадь мы не пробилась, а дошли только до американского посольства, балкон которого выходил на Манежную площадь. На нем столпились американцы, что-то кричали, кидали в толпу шляпы, доллары,

какие-то предметы. Это было счастье, всем казалось, что уже утром наступит другая жизнь. На самом деле так и произошло, главное — перестали стрелять, убивать людей. Ведь только это страшно, все остальное — жизнь, такая, другая, для кого-то богатая, но несчастная, для кого-то бедная, но счастливая. И еще много лет после войны, когда было голодно и холодно, при встрече люди говорили друг другу: «Лишь бы не было войны!» Это актуально и сейчас.

Глава 4. Сталин и его соратники

Пытаюсь вспомнить свое личное отношение к Сталину. Сейчас практически у каждого первая ассоциация — это, конечно, репрессии. И в 40-е, и в 50-е годы слухи о существовании лагерей витали, но мы считали, что либо Сталин об этом не знает, либо, если человек туда попал, значит, небезосновательно, потому что «просто так у нас не сажают». Отношение к вождю было благоговейное. Наверное, родители знали больше, но с детьми этими знаниями никогда не делились, во всяком случае, в нашей семье.

Вот несколько историй о Сталине, услышанных мною от непосредственных участников встреч с ним.

* * *

Диктор Юрий Борисович Левитан рассказал мне историю, связанную с официальным объявлением об окончании войны. «Меня предупредили, что трансляцию будут вести не из Радиокomiteта, как обычно, а из Кремля. Оборудовали кабинет Сталина необходимой техникой. Входят члены Политбюро. Я показал Сталину, что микрофоны включены и пока говорить нельзя. Он кивнул, взял листок бумаги и написал: „Прошу объявить меня не как Верховного главнокомандующего, а как председателя Государственного комитета обороны“. Я прочитал и спрятал листок в карман. После трансляции все выпили шампанского и направились к выходу. У двери меня остановил генерал Николай Власик, начальник охраны Сталина, и вежливо попросил отдать листок.

— Товарищ генерал, — обратился я к нему, — оставьте мне, пожалуйста, этот автограф.

— Товарищ Сталин не дает автографов, — таков был ответ.

Было ужасно обидно».

* * *

Рассказ профессора Симона Николаевича Хечинашвили, который лечил Б. Ванникова. «Перед самой войной нарком вооружений СССР Борис Ванников был арестован и сослан в лагерь. Но не прошло и месяца, как его вызывает начальник лагеря и сообщает, что его приказано немедленно доставить в Москву. С самолета прямиком везут в Кремль, к Сталину. „Вхожу в кабинет, кроме Иосифа Виссарионовича, там находится Берия. Сталин с некоторой усмешкой говорит:

— Товарищ Ванников, хватит в лагере прохлаждаться, война началась, приступайте к работе в наркомате.

Уточняю, когда именно можно приступать.

— Хорошо бы сегодня, но давай завтра с утра.

— Слушаюсь, товарищ Сталин!

Иду к дверям, мучает вопрос: спросить или нет, спросить или нет. Дохожу до дверей. Остановливаюсь и все же решаюсь:

— Товарищ Сталин, а за что все-таки меня посадили?

— Лаврентий, смотри, мы его из лагеря забрали, а он еще нас спрашивает, за что посадили? — обращается Сталин к Берии“.

Да, наивный был человек — Ванников».

* * *

Рассказ о К.Е. Ворошилове одного из пациентов. «Работал я в Новосибирске начальником протокола, организовывал прием высших чиновников. Приезжает к нам в город Ворошилов. Самолет

садится, нужно подкатить трап. Как назло, колесо трапа застряло. Ворошилов появился в проеме двери самолета, а трапа нет. Ну, думаю, все, пришел конец. Трап, наконец, подкатили. Спускается Ворошилов, первый вопрос — где начальник протокола? Меня вытаскивают вперед, подходит Ворошилов и как плюнет мне в лицо... *(и неожиданное заключение)* Хороший все-таки человек Климент Ефремович!» *(конечно, мог ведь и застрелить)*.

* * *

О Лаврентии Берии и его отношении к женщинам ходят легенды, многие говорят о нем, чуть ли как не о насильнике. Конечно, он был, что называется, ходок и пользовался своими возможностями. Я лично знал как минимум трех его близких друзей, и все они отзывались о нем хорошо. Во всяком случае, большинство женщин с охотой шли ему навстречу, так как была известна его щедрость. Так, одна из студенток консерватории рассказывала мне, что после романа с Берией, а потом взаимного охлаждения ее муж получил завидную должность директора консерватории в городе С.

* * *

Хочу рассказать о трех историях, связанных с Владимиром Михайловичем Мироненко, в свое время работавшим профессором кафедры истории КПСС во 2-м Медицинском институте (ее тогда возглавляла Серафима Васильевна Первова). Биография у него, скажем так, была неясная. Ходили слухи о его близости к Сталину; мне он говорил, что в охране вождя отвечал за связь. Помимо работы на кафедре, он также занимал какую-то непонятную общественную должность, кажется, информатора Ленинского райкома партии, и все его немного побаивались. Совсем недавно я узнал, что после увольнения из 2-го Мединститута он стал писателем, под псевдонимом Жухрай выпустил ряд книг о Сталине. Скончался в 2011 году. Его сын Сергей Владимирович Мироненко долгое время возглавлял Архив Российской Федерации. Но в описываемое время мы были членами парткома.

Первая история, очень короткая. Сидим на заседании парткома. И глядя на него, подмечаю, что он похож на Рейгана. Сообщаю ему об этом без какой-либо задней мысли. В ответ слышу: «Тихо, тихо, прошу тебя!» Сталинское воспитание...

Вторая история такова. Мироненко пытался защитить докторскую диссертацию на тему: «В.И. Ленин — вождь мирового пролетариата». Подал ее в МГУ. Трижды пытались созвать ученый совет, но кворума так и не было. Хотя не совсем понятно, кто мог с этим спорить. Ведь действительно, вождь...

Третья история, которую могу полностью подтвердить, записана им со слов Бориса Сергеевича Преображенского. Общепринято считать, что, когда началась война, Сталин на две недели уехал на ближнюю дачу. Многим этот поступок непонятен; полагают, что он растерялся и пытался осмыслить произошедшее. На самом деле Сталин тяжело болел ангиной, осложнившейся окологлоточным абсцессом. Борис Сергеевич его лично консультировал. В таких случаях показано вскрытие гнойника и даже иногда одновременное удаление миндалин. Но Сталин от операции категорически отказался. Более того, приезжал в Кремль на заседания Политбюро. А ведь симптомы этого заболевания очень тяжелые: температура до 40 градусов, затрудненное дыхание, невозможность глотания, потеря голоса. Он и выступать по радио не мог чисто физически, может быть, именно поэтому сообщить о начале войны было поручено Молотову.

Кстати, в медицинских кругах мало известно, что Гитлеру, который также страдал частыми ангинами, миндалины как раз удалили. Эта история кончилась плохо. Мы знаем, что примерно в течение недели после такой операции следует соблюдать покой, в первые сутки даже говорить воспрещается из-за опасности кровотечения. Гитлер же был очень энергичным человеком, в какой-то степени самодуром, и на третий день уже выступал на митинге. Все закончилось кровотечением, а судьба хирурга неизвестна, но как будто печальна.

* * *

Еще одна история про вождя и Бориса Сергеевича Преображенского. На консилиум по причине очередной ангины Сталина также были приглашены терапевты — профессора Василенко и Виноградов. В течение нескольких дней они жили на ближней даче в Кунцеве и лечили Иосифа Виссарионовича. Курс лечения прошел удачно, и вечером они были приглашены на ужин. Присутствовали члены Политбюро, Сталин всех угощал, сам разливал суп. В конце трапезы спросил присутствовавших врачей, нужно ли что-нибудь каждому из них. Борис Сергеевич уже хорошо знал и Сталина, и его привычки, был осведомлен о том, что вождь не любит личных просьб, и поэтому сказал, что ему лично ничего не нужно, он советской властью всем обеспечен, но вот у него есть просьба касательно специальности — оториноларингологии. Дело в том, что журнал «Вестник оториноларингологии», редактором которого Борис Сергеевич был в то время, выходил очень маленьким тиражом и всего три раза в год, а нужда для практических врачей в нем была очень велика. Сталин выслушал, но промолчал. После окончания ужина всех профессоров развезли по домам. В передней Бориса Сергеевича встретила крайне встревоженная супруга Раиса Ивановна. Дело в том, что несколькими минутами ранее звонили из секретариата Сталина и просили немедленно перезвонить. Борис Сергеевич, естественно, волнуясь, не раздеваясь, снял трубку, позвонил по оставленному номеру. Сотрудник секретариата, не представляясь, объяснил, что получено поручение от товарища Сталина по поводу журнала, интересовался, какую бумагу используют в печати, какой тираж и сколько номеров журналов в год следует издавать. Уточнил и повесил трубку. С тех пор наш журнал стал выходить 6 раз в год. Вот так решались проблемы...

* * *

На Валдае был построен санаторий 4-го Управления. Интересна его история. В Ленинграде доверенным лицом Сталина являлся Андрей Жданов, у которого был сын Юрий — положительный

человек, впоследствии профессор, ректор Ростовского университета. Светлана, дочь Сталина, как известно, доставляла отцу немало проблем, в том числе и обстоятельствами личной жизни. И в какой-то момент у соратников возникла идея устроить брак Юрия со Светланой. В дело включился Берия и предложил построить на Валдае дачу для вождя, где и можно было провести это мероприятие. Выбор места понятен: Сталин был уже пожилым человеком, на южное побережье ему не рекомендовали ехать врачи. Дачу строили заключенные, а чтобы она была не видна для лишних глаз, нашли место в лощине. Стройка закончилась, Сталин приехал, как оказалось, в первый и последний раз. Причина неожиданная — его заели комары, поскольку место было очень низким. А вот брак случился.

Уже после кончины Сталина Юрий Жданов лег на операцию к нам в Первую Градскую больницу. Обслуживание в Кремлевской больнице ему уже не полагалось, но Борис Сергеевич по старой памяти удалил ему миндалины. Светлана Иосифовна, как и положено супруге, приходила его навещать. Отсюда и история. Отделением в то время руководил Реваз Владимирович Хоперия, очень интересный, видный грузин. В какой-то момент нам уже начало казаться, что Светлана приходила из-за него, подолгу сидела в его кабинете. Мы однажды сказали Ревазу, мол, ну что ты не идешь женщине навстречу, у тебя что, убудет? «Нет, — ответил Реваз, — я не могу так поступить... из уважения к ее отцу». Впоследствии брак Юрия Жданова и Светланы Аллилуевой распался, но не по причине тонзиллэктомии.

* * *

Во время одной из командировок в Куйбышев нам показали место, куда планировали в случае сдачи Москвы перевезти правительство во главе со Сталиным. Подвезли нас к обычному зданию (если не ошибаюсь, этот был педагогический институт) и в специальном лифте спустились вниз. Там были оборудованы рабочие и жилые помещения, а также кабинет Сталина. Он был абсолютной копией его кабинета в Москве: такая же мебель, предметы интерьера,

несколько дверей (вождь любил появляться неожиданно; впрочем, это относилось и к его автомобильным маршрутам). Любопытна история строительства объекта. Из разных лагерей были собраны лучшие специалисты из числа заключенных. Строительство велось совершенно секретно, вырытая земля тут же увозилась, и жизнь в институте шла своим чередом, жители города также ни о чем не подозревали. После окончания строительства через какое-то время выяснилось, что практически никого из тех, кто строил эти помещения или был информирован о них, в живых не осталось.

Глава 5. Дело врачей

Под таким названием в историю вошли массовые аресты врачей, главным образом, профессоров, работавших в Кремлевской больнице и лечивших видных партийцев и членов правительства. Преподносилось это как часть борьбы с космополитизмом, с влиянием Запада. Репрессии велись, конечно, не только в отношении медиков; затронуты были все сферы общества и науки, возможно, в меньшей степени физики и математики, которые имели отношение к оборонному комплексу. Врачей начали арестовывать еще в конце 40-х годов, но тогда это происходило «без шума и пыли», а с января 1953 года кампания приобрела уже официальный характер. В «Правде» появилась передовица о врачах-убийцах, в других газетах замелькали еврейские фамилии. Делу был дан ход.

В то время я был студентом первых курсов 2-го Медицинского института им. И.В. Сталина, и о некоторых бытовых подробностях хотелось бы рассказать. В нашем институте было много профессоров и преподавателей еврейского происхождения, поэтому я был в какой-то степени осведомлен о происходящем. Открытого антисемитизма не было, но при случае могли напомнить о национальности. Тем не менее относительно спокойная жизнь для евреев продолжалась, благо можно было приводить в пример Кагановича, Плисецкую и так далее. Запомнилось, что всякий раз, когда арестовывали видного врача, тут же смягчали «впечатление» награждением или поощрением другого.

* * *

Профессор Яков Соломонович Темкин рассказывал: «Когда начались аресты „врачей-убийц“, я еще полагал, что в этом деле была какая-то доля правды. Может, действительно, деньги давали Израилю... Но когда по обвинению в шпионаже арестовали профессора Фельдмана, которого я знал лично очень хорошо, сразу понял, что это полная липа. Почему? Вот если бы мне сказали, что Фельдман удалил миндалины за деньги там, где можно было бы их оставить, я бы поверил. Если бы мне сказали, что Фельдман взял 500 рублей за вызов к больному в соседний дом, я бы тоже поверил. Если бы мне сказали, что Фельдман увлекся чужой женой, я бы с трудом, но тоже поверил. Но Фельдман — шпион!? Сразу стало ясно, что этого не может быть никогда».

Кстати, через какое-то время арестовали и самого Темкина. Его арест проходил так. Он был на консультации в поликлинике Московского городского комитета партии. Во время осмотра больного вошли два молодых человека и заявили, что им срочно нужно увезти профессора. «На мой вопрос, могу ли провести консультацию до конца, получил утвердительный ответ. Отпустив пациента и полагая, что мне предстоит поехать на какую-то ответственную консультацию, уточняю, нужно ли брать с собой инструменты. Отвечают, что не нужно, на месте все есть. Вежливо открыли дверь автомобиля, и мы поехали... Только когда машина въезжала во внутренний двор Лубянки, я понял, что это арест. Меня провели на 2-й этаж, посадили около какого-то кабинета, где в ожидании я провел минут 30. Затем дверь отворилась, и меня пригласили войти. За столом сидел молодой человек в форме, который, потирая руки, заявил: «Ну, все, добрались мы, наконец, до Яши (Темкин), Саши (Фельдман) и Аркаши (Бекрицкий)». Да с таким отборным матом, что я сразу понял: отсюда больше я никогда не выйду. Понимая это, я подписывал все, что мне преподносили в готовом виде, а иногда что-то добавлял или уточнял, если все выглядело уж очень неправдоподобно! Может быть, поэтому меня не били».

* * *

В нашей коммунальной квартире на Сретенке проживала лаборантка академика Лины Соломоновны Штерн, знаменитого биохимика и физиолога. В 50-е годы Штерн была арестована по стандартному тогда обвинению в шпионаже, как враг народа. Помню свои детские впечатления: никто в это не верил, все только сочувствовали и боялись за соседку — милую Верочку. Сама она рассказывала, что никто из сослуживцев ее не защищал, потому что все боялись.

* * *

Дед моего друга Владика Коппа был профессором, знаменитым акушером. Жил он в Харькове и имел звонкую фамилию — Шмундак. Кстати, ему удалось избежать ареста по делу врачей. Может, фамилия помогла?

* * *

Когда Борис Сергеевич после освобождения появился в клинике, он, по рассказам видевших его в тот день, был сильно исхудавшим, побритым наголо. Зашел на несколько минут в кабинет и уехал в Барвиху, в санаторий. Ходили слухи, что все врачи давали подписки о неразглашении деталей их пребывания на Лубянке. Борис Сергеевич стал кое-что рассказывать только лет через пять. Поговаривали, что всех освободил Л.П. Берия. Может, так и было, это до сих пор неясно. Пока же Борис Сергеевич сидел в тюрьме, сотрудники кафедры вели себя по-разному. Одна санитарка на собрании просто кричала, что не верит в обвинения, что Борис Сергеевич спас ее ребенка. «Вот, — говорил, — секретарь партбюро доцент И.И. Потапов как враг умеет отлично замаскироваться». Эта фраза ему дорого обошлась: когда Преображенский вернулся, убрал из клиники Потапова, правда, мирно.

После окончания «дела врачей» для расследования была создана комиссия во главе с Ворошиловым. Он лично рассказывал Борису Сергеевичу: «Хотели мы обстоятельно во всем разобраться, а

затем плюнули и прекратили работу. С такими мерзостями человеческими столкнулись, что решили просто восстановить на работе профессоров и этим ограничиться».

Иногда я задумываюсь об этом периоде жизни выдающихся, на тот момент весьма пожилых, 70–80-летних людей, о том, как они буквально в один день переходили от всеобщего почета, уважения, полного материального благополучия к скотской жизни заключенных. Какое же это счастье — жить и работать сейчас. На какие же мелочи жизни мы подчас обращаем внимание, из-за чего расстраиваемся! Это просто смешно...

* * *

Борис Сергеевич как-то сказал мне: «А Вы обратили внимание, что среди „врачей-вредителей“ практически не было хирургов? Согласитесь, было бы логично, если именно они пострадали бы более всего...» Думаю, так произошло, потому что во главе хирургической экспертной комиссии стоял великий хирург профессор Н.Н. Еланский. Он твердо защищал коллег. Значит, все-таки можно было так поступать, но нужно было обладать совестью и огромной смелостью.

* * *

Хорошо помню день смерти Сталина — 5 марта 1953 года. Мы были на занятиях по физкультуре на стадионе «Медик», затем нужно было ехать на лекцию по марксизму-ленинизму в главное здание на Пироговке. Но ехать в институт очень не хотелось, и мы дружно решили пойти в кино. А поскольку газет с утра никто из нас не читал, то и о кончине Сталина мы узнали поздно. На следующий день вся страна в трауре, в институте общее собрание, секретарь парткома А. Добрынина не может начать выступление, плачет навзрыд, обстановка накаленная. Кроме того, нашу группу вызывают в комитет комсомола. Тема собрания: как 13-я группа в день смерти вождя прогуляли лекцию, и не простую, а по марксизму-ленинизму. Особенно достается двум студенткам, круглым отличницам Нелли Корельштейн и Кларе Бурдо.

На том же собрании комсомольское руководство узнает, что у Клары было плохое зрение. Реакция удивительная: «Как же ты могла с таким зрением поступать в медицинский институт? Ведь ты не сможешь хорошо лечить больных». И исключают ее из комсомола. Правда, позже в райкоме смягчили наказание, ограничились выговором с занесением в личное дело. Меня и Владика Коппа спасло только участие в сборной команде института по волейболу. Повезло, что ректор, генерал Сергей Иванович Миловидов, был заядлым болельщиком.

На похороны Сталина мы, конечно, пошли. Спускаемся от Сретенских ворот вниз по бульвару к Трубной площади, толпа движется очень медленно, до Колонного зала еще далеко. Решаем пройти дворами. У Малого Кисельного переулочка перелезаем через ограду бульвара и идем по переулочкам. А если бы мы тогда не вышли из общей колонны? Ведь никто не знал, что внизу на Трубной стоят грузовики и уже началась давка. И для нас все могло плохо кончиться.

Глава 6. Студенческие годы

В 1951 году я окончил среднюю школу, получил серебряную медаль, и передо мной встал вопрос — куда поступать. В школьные годы у меня проявились некоторые литературные способности. Я даже принимал участие в творческих конкурсах, в частности на лучшее сочинение выпускников десятых классов. Даже помню тему своего сочинения, которое вышло в финал и было опубликовано в сборнике, — «Личное и общественное в советской литературе». После выхода этого сборника приезжала корреспондент газеты «Комсомольская правда» и довольно настойчиво уговаривала поступить в МГУ на факультет журналистики. Признаюсь, мне этого хотелось, но отец идею не поддержал. Его мотивация была понятна: журналист — профессия очень зависимая, в том числе и от политики, а врач — всегда и везде врач. Он говорил так: «Богатым не будешь, но на хлеб с маслом всегда заработаешь». Я с доводами отца согласился, да и профессию врача считал благородной, и отнес документы во

2-й Медицинский институт. Медалисты экзамены не сдавали, и я сразу был зачислен на первый курс.

А вот почему выбор пал именно на 2-й Медицинский институт, нужно сказать несколько слов. Во-первых, мой отец был в числе первых выпускников медицинского факультета 2-го Московского государственного университета (тогда название мединститута было таким). А во-вторых, в этот вуз поступал мой лучший друг Владимир Копп, о котором я уже рассказывал. Мы с Владиком дружили с третьего класса, играли в одной команде (юношеском «Динамо»), жили рядышком (он на улице Кирова, а я на Сретенке), даже родились в один день — 15 апреля 1934 года. В общем мы были как братья, хотя по характеру и внешне были совершенно разными. И в книге я еще не раз вернусь к рассказам о моем верном друге. Владик медалистом не был и, если честно, в школе учился неважно, поэтому я помогал ему в подготовке к экзаменам. Кроме того, мы еще рассчитывали, что поступить ему поможет тот факт, что в мединституте был в большом почете спорт, а Владик был отличным волейболистом. Тогдашний ректор Сергей Иванович Миловидов спорт любил и спортсменов принимал охотно. Поговаривали даже, что был отдельный список абитуриентов, подающих спортивные надежды. К тому же спортклуб вуза возглавлял замечательный человек и спортсмен, бывший игрок сборной команды Советского Союза по волейболу, заслуженный мастер спорта А. Степанов, который довольно неплохо знал Владимира Коппа. На вступительных экзаменах эпиграфом к сочинению Владик выбрал слова песни «Эх, хорошо в стране советской жить, красный галстук с гордостью носить, да, носить!», наделал кучу ошибок в правописании и получил двойку. И на некоторое время нам пришлось расстаться: на первый курс Владимир поступил в Курске, второй оканчивал в Харькове, а на третий был переведен уже в наш институт. Спорт тут сыграл уже решающую роль. Дело было так: в Ленинграде проходила Всесоюзная спартакиада, председателем оргкомитета был замминистра здравоохранения В.В. Трофимов, он присутствовал на соревнованиях по волейболу и увидел игру Коппа (тот был капитаном харьковской команды). Влад выкладывался как мог, и сразу

после игры Трофимов подписал его заявление о переводе в Москву, и мы снова оказались в одной группе и дальше шли по жизни вместе.

Нам с Владиком сразу удалось определиться в будущих специальностях, чему в значительной степени способствовало семейное окружение: я записался в кружок при кафедре оториноларингологии, а он на кафедру акушерства и гинекологии. Я уже писал, что дед Владика, фактически заменивший ему отца (с которым мама, Нина Давыдовна, была в разводе), был знаменитым профессором, акушером-гинекологом, заведовал кафедрой в Харькове. Интересная деталь. Дед жил в специально построенном для профессуры шикарном по тем временам доме. Этот дом находился по адресу улица Артема, 6, и внешне и по судьбе его обитателей напоминал знаменитый «дом на Набережной» в Москве. Когда Харьков был оккупирован, немцы устроили там комендатуру. Многие профессора были расстреляны. Дом пережил военное лихолетье, а после освобождения города в него опять въехала профессура. Счастливая жизнь продлилась недолго, «дело врачей» затронуло и Харьков. Деду Владика удалось уцелеть, скорее всего, потому что он лечил семью Николая Подгорного, видного в те времена деятеля компартии Украины.

Описать потрясающие годы учебы в мединституте желание огромное, воспоминания еще свежи, но для этого потребовалась бы отдельная книга. Поэтому позвольте привести лишь некоторые из них.

* * *

Неожиданно наш 2-й Мед оказался в центре внимания чуть ли не всей студенческой жизни в Москве. Произошла жуткая история с убийством студента из компании стилига. Трое из них учились в нашем институте, были, что называется, золотой молодежью, детьми ученых и номенклатурных работников. В середине 50-х годов в газете «Комсомольская правда» был опубликован фельетон под названием «Плесень», высмеявший

стилига. Ужесточаются меры борьбы с западным влиянием в среде студенческой молодежи, закрывается коктейль-холл на улице Горького (он превращается в кафе-мороженое «Космос»), прекращаются вечера танцев по субботам в вузах, по центральным улицам начинают ходить дружинники, хватающие ребят, одетых в узкие брюки, широкие цветные галстуки, туфли на толстой микропористой подошве. Джаз практически запрещен. Мы, студенты, по субботам ходим в различные институты, где полулегально выступали Б. Ренский, Б. Соболев, А. Асновиков. Высший кайф — попасть на Лаци Олаха в ресторан «Аврора» на Петровских линиях. В парке культуры имени Горького работала популярная джазовая площадка для танцев, так называемый Шестигранник. Но половина посетителей там — дружинники. Иногда доходило до драк... Шла борьба с космополитизмом...

Несколько слов о более поздних музыкальных впечатлениях. Одно из самых ярких — появление на советской эстраде Аллы Пугачевой. В первые годы карьеры она выступала на подмосковных площадках. Но многие ее уже знали, искали, где она будет петь, популярность росла с бешеной скоростью. Мне удалось побывать на одном из ее первых сольников в киноконцертном зале «Октябрь». Помню свое впечатление: только бы не кончился концерт (так бывает, когда читаешь хорошую книгу). Зрители выходили просто «оглушенные». Несколько позже я побывал на сольном концерте замечательной певицы Лаймы Вайкуле, которую всегда слушал по радио или смотрел по телевизору с большим наслаждением. И вот мое впечатление (исключительно личное мнение, на роль музыкального критика не претендую): от двух-трех песен Лаймы получаешь наслаждение даже большее, чем от выступления Пугачевой. Но Пугачева обладает каким-то особенным талантом гипноза, властью над зрителем. Ведь даже сейчас молодежь, которая не видела ее в лучшие годы, очарована выступлениями, как и тогда. Именно очарована — мне кажется, это точное слово. Но снова увлекся, снова попал под чары Аллы Борисовны... Вернемся к эпизодам из жизни студенческой.

* * *

Мы на практике в городе Химки, районная больница. Очень пожилая акушер-гинеколог осматривает женщину. Та в гинекологическом кресле, идет пальцевое исследование. Мы располагаемся за спиной врача, та монотонно комментирует: «Сейчас я вхожу в передний свод влагалища, теперь перехожу в задний свод, пальпирую шейку матки...» Неожиданно замолкает. Проходит несколько секунд, минута, мы в недоумении. И вдруг... раздается храп! А больная лежит себе спокойно, думает, что так и надо...

* * *

У меня всегда были некоторые способности к английскому языку, но знаю я его плохо. Одна из причин — официальное отношение к тем, кто язык знал хорошо. У нас в институте был студент Алик Зеленин, секретарь комитета комсомола, племянник знаменитого терапевта. Он знал английский язык прекрасно, и именно это ставилось ему в вину, когда во время «дела врачей» его освобождали от общественной работы. Казалось подозрительным, что советский студент так хорошо владел иностранным языком. Вот такой был парадокс.

* * *

Идет занятие по патофизиологии. Сижу рядом с Сашей Рословым, смотрим в микроскоп на сердце лягушки. Видно плохо. Саша пытается позвать преподавателя, пожилую старомодную даму. Та не отзывается. Так происходит несколько раз. Наконец, Саша обращается ко мне со словами: «Ни х*** она не слышит». Внезапно преподаватель откликается: «Рослов, я все слышу, сейчас подойду».

* * *

У нас в институте был студент по фамилии Курашов, однофамилец министра здравоохранения. На экзамене его, конечно, выспрашивали, не родственники ли они. Студент краснел, потупив глаза. Всем своим видом излучал скромность и

многозначительно молчал. Как правило, преподаватель прибавлял балл. На всякий случай.

* * *

Приходим на лекцию по нормальной анатомии. Читает академик В.Н. Терновский. Академическая внешность, рассказывает экзальтированно, очень увлеченно, активно жестикулирует. Произносит: «Самый большой член можно увидеть в медицинском институте Кейптауна и у меня... (через несколько секунд добавляет) в музее». Студенты слегка шокированы... Времена меняются.

* * *

Проходим анатомию, утром в зале препарлируем трупы. Вечером всей группой идем на каток на Петровке, 26. Наматываем круги, пристаем к девчонкам. Вдруг раздается адский крик: один из наших студентов утром отрезал у трупа ушную раковину и положил девушке в карман. Отчислили из института.

* * *

В советское время практиковался обмен группами студентов из социалистических стран, так называемая безвалютная медицинская практика. Я несколько раз ездил руководителем такой группы в Берлин, в клинику Шарите. Отбор студентов был серьезным, в группу включали лишь отличников, ведущих, как тогда говорили, общественную работу. Вот в одну из таких поездок попала студентка 4-го курса, весьма миловидная девушка. Она играла на гитаре, пела, вела себя довольно раскованно, что, конечно, в те времена считалось предосудительным. Пользовалась успехом у немецких студентов. Опаздывала на наши собрания и мероприятия. Все это стоило больших нервов куратору нашей группы, пенсионеру, бывшему сотруднику НКВД Н. Васильеву. Он очень боялся, что девушка останется в ГДР, ведь тогда бы его лишили должности. В общем, вся поездка проходила в некоторой нервозности. Я рассказал об этой исто-

рии руководителю подобной группы из 1-го Мединститута, преподавателю физкультуры. Тот улыбнулся и говорит мне: «Вы, видно, руководитель неопытный. Вот я перед поездкой собрал всех девчонок и предупредил: немецких студентов избегать! А уж если кому-то совсем не везет, обращайтесь ко мне».

Кстати, в одну из таких поездок в нашего студента Васю влюбилась немецкая Бригитта. Им долго препятствовали во встречах, подаче заявления на брак и т. д., но в конце концов они все же поженились. Этому поспособствовал отец Бригитты, полковник Штази. Я был потом у них в гостях. Интересно, что сотрудники Штази после окончания войны получили дома в поселке, где раньше жили гестаповцы.

Во время практики в Германии было несколько комических историй. Начало работы в клинике было очень ранним, в 7 часов утра. И ребята обратились ко мне с просьбой уговорить куратора-немца начинать работу попозже. Я пытался обсудить это с ним, но в ответ услышал: «А ваш Ленин говорил — учиться, учиться и учиться...» Упрекнул меня.

Однажды мы заметили какой-то переполох среди медицинского персонала Шарите. Оказалось, что двое пациентов психиатрической клиники перемахнули через забор, который одновременно был частью Берлинской стены, и оказались в Западном секторе. Лишь на третий день там разобрались, что это психи, а не диссиденты, и вернули их.

При нас был случай, когда два профессора на машине на большой скорости прорвались в Западный сектор. Пограничники не стреляли, однако вскоре на мосту поставили бетонные надолбы, а профессорам, руководителям кафедр сразу подняли зарплату.

* * *

Рассказ академика Николая Александровича Преображенского: «Я — председатель ученого диссертационного совета. Справа от

меня профессор Г. Лукомский. Идет доклад, ужасно скучно, томимся. Вдруг Лукомский спрашивает: «Николай Александрович, как Вы считаете, с какого курса можно романы со студентками заводить?» Очнулся, отвечаю: «Полагаю, с 4-го». Он не согласен, разворачивается оживленный диспут. В зале волнение, все думают, что спор идет вокруг диссертации. Докладчик начинает смотреть в нашу сторону, вспотел. Мы с Лукомским приходим к общему выводу и замолкаем. В зале снова тишина. Голосование единогласное». Все мы люди...

* * *

Наш институт построил в Теплом Стане дом для сотрудников. Распределение квартир проходило в райисполкоме. Я был в числе претендентов и с нетерпением ждал ордер. Внезапно из списка очередников исчезли я и профессор Нечипоренко. А мы действительно нуждались в жилой площади, и никто не мог объяснить, почему и кем было принято такое решение. Проходит неделя, и меня приглашает проректор С. Гаспарян. Мы друзья, однокурсники, он со мной откровенен. Рассказывает, что к нему приходила инспектор по жилью из райисполкома и сообщила без всякого стеснения, что ее сын, наш студент, переводится на военный факультет в другой город, кажется, Куйбышев. Это тогда воспринималось как наказание. Открыто предлагает: вы оставляете сына в Москве, мы не препятствуем получению квартир вашими сотрудниками. Гаспарян, после разговора со мной, соглашается. Дальше все идет как по маслу, квартиры получаем. Нечипоренко так ничего и не понял... Житейская история: ты — мне, я — тебе...

Глава 7. Спорт

В молодые годы мы все увлекались спортом. Одно время я серьезно занимался теннисом, но этот вид спорта оказался для меня бесперспективным: на лето я уезжал на дачу, теннисного корта там, конечно же, не было, а в теннис, чтобы сохранить форму и расти, нужно играть каждый день. Поэтому мы с Владиком Коппом записались в волейбольный клуб «Юный динамовец». Это позволяло

нам не только играть в волейбол, который мы очень любили, но и посещать на стадионе «Динамо» зимние корты — большая редкость по тем времена. Кроме того, по удостоверению члена клуба можно было бесплатно ходить на каток на Петровке. Там катались многие известные артисты. Помню, завсегдатаем был Игорь Ильинский.

В «Юном динамовце» была хорошая обстановка. Нашим тренером была жена знаменитого волейболиста Владимира Щагина — Мария Михайловна. Каждый год наша команда играла на первенстве Москвы. Спортзал «Динамо» был близко от дома, на Цветном бульваре, и мы три раза в неделю приходили на тренировки. Друзьями того времени были Владик Панюшкин (сын посла в США), Инга Окуневская (дочь знаменитой актрисы) и Юра Визбор, который учился в нашей школе №281 в параллельном классе. Много лет спустя он написал песню «Волейбол на Сретенке», в которой, кстати, прославил и моего друга Владика Коппа:

*А первый номер на подаче Владик Копп,
Владелец страшного кирзового мяча,
Который, если попадет кому-то в лоб,
То можно смерть установить и без врача...*

Как-то при встрече спросил Юру, отчего он забыл упомянуть в этой песне меня. Он ответил, что к моей фамилии ему не удалось подобрать рифму.

Начало карьеры Визбора было своеобразным. Он учился в педагогическом институте им. Ленина, в военные лагеря их не посылали, зато после окончания вуза нужно было отслужить в армии два года. И вот однажды мы с Владиком шли по Петровскому бульвару и уже около Радиокomiteта, вблизи памятника Пушкину, встретили Визбора. Он только что демобилизовался и шел устраиваться в спортивную редакцию в Радиокomiteт. Помню, как Юра, слегка заикаясь (а он и петь

стал, возможно, чтобы избавиться от этого небольшого порока), сказал: «Вот, вы уже врачи, а я же без работы. Может, возьмут в Радиокomiteт». Его действительно взяли. Позже с ним был такой случай. В Москве проходил кинофестиваль. Тогда это было по-настоящему грандиозное событие: иностранные фильмы, абонементы, попасть невозможно. Приехали звезды, в частности Софи Лорен. Ее опекает Марк Бернес. Они участвуют в телевизионной передаче «Голубой огонек», в которой Марк Наумович должен был исполнить несколько песен. Но неожиданно заболел его аккомпаниатор. Бернес — в Радиокomiteт, ищет гитариста. И там его знакомят с Визбором. «Голубой огонек» проходит на ура. А главное, Юра очень понравился Бернесу. Ну, а дальше они какое-то время работали вместе, Бернес его ввел в актерский круг. Надо сказать, что Визбор по характеру был очень хорошим человеком, умел дружить, абсолютно бескорыстно, не дурак был принять рюмку, очень увлекался туризмом. Его дальнейшую судьбу во многом определило приглашение Марлена Хуциева сыграть в фильме «Июльский дождь». Ну, а затем, конечно, был образ Мартина Бормана в «Семнадцати мгновениях весны». Юра очень переживал эмиграцию друзей. Как-то встретил его в Доме ученых, уже погрузившего. Первые слова: «Ты здесь, не уехал? Так рад! А Васька Аксенов уехал, и Ленька Шароль в Израиль уехал... Что делать, старик...»

Со многими именитыми спортсменами сводила меня и врачебная профессия. Вот несколько историй.

* * *

Лечил я известного шахматиста Евгения Васюкова, хирургическим путем исправлял ему искривленную носовую перегородку. Он подарил мне очень интересный сувенир: почтовую открытку с подписью Карпова и Корчного. Они друг друга не терпели, и такая открытка была почти единственной. Впоследствии я подарил ее моему товарищу Аркадию Арканову (Штейнбоку), который серьезно увлекался шахматами и их историей. Аркан был счастлив.

* * *

Приезжаем на Николину Гору в гости к чемпиону мира по шахматам Михаилу Ботвиннику. Нажимаем на звонок на калитке, ждем, но никто не выходит. Дом расположен далеко от забора, а у калитки сидит собака. На соседнем участке возится с землей рабочий. Советует: «Идите по дорожке, а собаку не бойтесь, она не кусается». Прислушиваемся к совету, идем к даче. Выходит Михаил Моисеевич, рассказываем ему о совете рабочего. Он извиняется, что не слышал звонка, сообщает, что собака действительно не кусается. «Правда, — говорит, — это не рабочий, а вице-президент Академии наук Виноградов...» А с другой стороны была дача А. Туполева.

* * *

Шахматист Тигран Петросян, обращаясь ко мне, сообщает: «А я женился на вашем брате». Подразумевал, что его жена — еврейка.

* * *

Михаил Ботвинник рассказывал, как отказался сдать деньги в Спорткомитет (приз за выигрыш турнира в Голландии). И ничего не сделали — чемпион мира, многократный. На кухне дачи висели лавровые веники — 4 или 5, точно не помню.

* * *

Лечил хоккеиста Александра Якушева, у него было хроническое заболевание уха. Нужно было бы оперировать, но времени у него никогда на это не было. Как-то «Спартак» выиграл звание чемпиона СССР, в Доме кино планировалось чествование. Выхожу из кабинета, письмо под дверь: «Уважаемый Михаил Рафаилович, извините за такую нелепую передачу приглашения, опаздываю на тренировку. Очень Вас жду». От природы очень скромный и интеллигентный человек.

* * *

Чемпионат мира по хоккею в Стокгольме. Наша команда обедает в ресторане. Владимиру Петрову приносят вместо бараньей отбив-

ной свиную. Он подзывает хозяина, сообщает ему об ошибке, тот приглашает официанта, срывает с него фартук и сообщает, что официант уволен. Интересна реакция начальства команды: руководитель резко осуждает Петрова, пеняет ему, что из-за его прихоти уволили рабочего человека. Более того, после победы в чемпионате всех награждают орденами, кроме Петрова.

* * *

Привезли мне однажды на консультацию футболиста московского «Спартака» Валерия Рейнгольда. Дело происходило накануне важной игры, кажется, финала кубка СССР, а у него, как назло, развилось воспаление среднего уха. Сильная боль, температура, гноетечение... С Рейнгольдом приехало несколько чиновников из центрального и московского советов «Спартака». Посмотрел, назначил лечение. У чиновников короткое совещание, и ко мне обращаются с вопросом: «А может ли он играть завтра?» Отвечаю, что при такой болезни мы выдаем лист нетрудоспособности. Отмахиваются, дело не в больничном. Говорю им: «Если он сыграет, конечно, не умрет, но могут быть серьезные осложнения». Все облегченно вздыхают, на завтра Рейнгольд появляется в составе на поле. Издержки профессионального спорта.

* * *

Идет подготовка к Олимпиаде 1984 года в США. Предыдущую, которая была в Москве, западные страны бойкотировали из-за ввода советских войск в Афганистан. Идут политические переговоры, никто не знает, что будет. Встречаю врача команды, он сообщает, что в Америку мы не едем.

— Откуда знаешь? — спрашиваю его.

— Да допинг отменили, — отвечает он.

Все истории повторяются...

* * *

Очень талантливый футболист Федор Черенков страдал от психического расстройства. Часто обращался к врачу команды с необычными просьбами, например удалить все зубы и поставить импланты... А в футбол играл прекрасно!

* * *

Оперировал двукратную олимпийскую чемпионку по гребле Антонину Середину. Ей за спортивные успехи подарили машину «Волга». Все завидуют. А она сообщает, что шведке, которая получила не две золотых, а одну серебряную медаль королем была подарена последняя модель «Вольво», которая по стоимости приблизительно пять наших «Волг». Так что, все относительно.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Я — ВРАЧ

Глава 1. Слово об Учителе

Только достигнув почтенного возраста, я по-настоящему понял, что такое Учитель. Для понимания, осмысления жизни Учитель — это подчас больше, чем родители. Думаю, судьбы многих талантливых от природы людей не состоялись только потому, что на их жизненном пути не встретилось учителя с большой буквы. А Борис Сергеевич Преображенский был именно таким. Он и внешне выглядел как глыба, почти двухметрового роста, с очень сильным характером, с ясными принципами, за которые он боролся до последнего. Он был хорошим врачом, неплохо оперировал и читал лекции. Но были и хирурги получше, и краснобаи посильнее, а Борис Сергеевич умел все, это был правильный Великий Человек. И он, как мне тогда казалось, всех вокруг подавлял своим авторитетом. Все ловили его взгляд; слова похвалы слышали от него достаточно редко, но, если он кого-то выделял, окружающие сразу же начинали по-другому относиться к этому человеку. Как это часто бывает, то, кем он был для нас, мы в полной мере осознали, когда его не стало. Мы поняли, что такое сиротство — и в жизни, и в специальности.

Начиная со второго курса, я едва ли не каждый день бывал в ЛОР-клинике Первой Градской больницы, бывшей базой кафедры болезней уха, горла и носа 2-го Медицинского института, и со временем стал там своим человеком. Не гнушался черной работы, грузил

Молодой хирург. Глаза горят, руки чешутся!

аппаратуру, перевозил пациентов, мыл полы, иногда бегал за едой и пивом для дежурных врачей. Меня брали на консультации в другие отделения. Писал за врачей выписки, иногда заполнял истории болезни. Помогал устраивать банкеты по поводу защиты диссертаций. В общем, был «в каждой бочке затычка». Но меня это не смущало. Мечтал, что по окончании института буду работать в этих старинных стенах уже полноправным врачом. Это были замечательные годы, и мне хотелось бы вспомнить тех, с кем встречался почти каждый день, кто помогал мне войти в профессию, кто был для меня примером самоотверженности, верности врачебному долгу, преданности оториноларингологии, тех, кто научил меня подчинить свою личную жизнь интересам пациентов. Про каждого из них я могу сказать много хорошего, но ограничусь перечислением дорогих мне имен и фамилий: Иван Иванович Потапов, Галина Федоровна Назарова, Александр Викторович Фотин, Лия Борисовна Дайняк, Дмитрий Иванович Тарасов, Атыя Ташевна Уразбаева, Людмила Васильевна Белякова, Мария Ивановна Кадымова, Лидия Ивановна Казарина, Фаина Давыдовна Бриль, Реваз Владимирович Хоперия, Владимир Тимофеевич Пальчун, Вера Яковлевна Кунельская, Наташа Смирнова, Надя Копина, Шота Митаишвили, Абас Талышинский, Юрий Николаевич Волков, Нелли Ильинична Мумладзе, Николай Леонидович Вознесенский и многие, многие другие. Всех их я помню, всем им обязан и благодарен. Конечно, с кем-то из них был ближе... Жизни учился у Юры Волкова, хирургии — у Володи Пальчуна, дружбе — у Люси Беляковой, отношению с людьми — у Галины Федоровны Назаровой. Но над всеми стоит мой Учитель — Борис Сергеевич Преображенский и его школа.

Извините, мой читатель, за такое эмоциональное вступление к этой главе. Конечно, нахождение рядом с таким человеком в течение почти 30 лет обогатило меня массой впечатлений, встречами с интересными людьми, необычными ситуациями. О некоторых из них я и постарался рассказать в этой главе. У меня не было цели написать биографию Бориса Сергеевича Преображенского; это лишь некоторые штрихи к его портрету.

* * *

Отношение Бориса Сергеевича к педагогическому процессу было исключительно ответственным. Это отличало его от многих других выдающихся профессоров. Он вникал во все нюансы; уже с середины августа начинал переписку с заведующим учебной частью. Следил за судьбой новых молодых преподавателей, но не просто контролировал, а старался помочь советом, благо преподавательский опыт у него был огромным. Вот один из примеров.

В учебный план входила демонстрация тонзиллэктомии. Эта операция довольно часто сопровождается обильным кровотечением, и его остановка сопряжена с рядом трудностей. Борис Сергеевич считал, что каждый не только будущий хирург, но и терапевт просто обязан знать нюансы этой операции, а потому должен наблюдать ее проведение на пациенте. Для этого он требовал специальной расстановки студентов во время демонстрации. Группа делилась на две части, студенты стояли за спиной преподавателя, и те, кто стоял у правого его плеча, видели удаление правой миндалины, кто у левого — левой миндалины. Если этот порядок нарушался, ассистент получал серьезный выговор.

* * *

Борис Сергеевич большое значение придавал студенческому кружку. Я состоял в нем с 1-го курса, хотя преподавание оториноларингологии проходило на 5-м. Можно сказать, что в тот период я был самоучкой, и с этим связаны некоторые мои навыки в ЛОР-осмотре. Например, я подметил, что Борис Сергеевич располагает лобный рефлектор перед правым глазом. Возможно, так было принято в прежние времена, а может, Л.И. Свержевский его так научил. И когда я добрался до 5-го курса, уже не стал переучиваться. Так и смотрю до сих пор.

Но вернемся к кружку. Вел его доцент кафедры Иван Иванович Потапов. Тогда большим достижением считалось, если студент выходил с докладом на Павловской сессии в институте. Мне это удалось, а руководитель кружка не пришел на доклад. Узнав

об этом, Борис Сергеевич, не стесняясь меня, распекал Ивана Ивановича в резких выражениях. Это я запомнил навсегда, и сейчас на нашей кафедре преподаватели — все бывшие кружковцы.

Кстати, при подготовке одного доклада произошел курьез. Борис Сергеевич поручил мне написать историю ЛОР-отделения Первой Градской больницы, дал адреса медсестер, вышедших к тому моменту на пенсию. Звоню операционной сестре Агриппине Андреевне, договариваюсь о встрече, приезжаю. Встречает неприветливо, спрашивает, зачем приехал. Ссылаюсь на поручение Бориса Сергеевича. Ответ неожиданный: «Так чего же он хочет? Чтобы я рассказала, как он во время дежурства Р. к его жене в 20-й корпус бегал?»

* * *

Борис Сергеевич решил взять меня на кафедру с должности городского ординатора. В то время это было очень непросто, ведь ассистент — это воспитатель студентов, а евреям не очень-то доверяли. И вот он поехал к ректору Юрию Михайловичу Лопухину. Далее привожу рассказ Юрия Михайловича, поведанный мне гораздо позднее этих событий: «Приезжает ко мне твой старик, просит разрешить взять тебя на кафедру. Главный аргумент: этот молодой человек обладает всеми достоинствами русского человека и лишен недостатков еврейской нации». Лопухин не устоял...

* * *

Показываю профессору Якову Соломоновичу Темкину фотографию Бориса Сергеевича Преображенского с сотрудниками кафедры. На фото пять человек: В.Т. Пальчун, Г.Ф. Назарова, Л.В. Белякова, М.И. Кадымова и я, тогда молодой ассистент. Комментарий Якова Соломоновича: «Что творится у Бориса Сергеевича на кафедре? У него 20 процентов евреев».

Борис Сергеевич был потомственным русским интеллигентом и никогда — антисемитом. Он был государственным и

ценил людей за их деловые качества. В его ближнем кругу были Я.С. Темкин, Л.В. Нейман, А.И. Фельдман. Думаю, дружба с ними сыграла против него, когда его пришли арестовывать по «делу врачей». После тюрьмы он стал осторожнее, но все же принципам своим не изменял.

* * *

Обход Бориса Сергеевича был целым спектаклем. В палату сначала заходил заведующий отделением, затем шеф, палатный врач и дальше по рангу. Готовились к обходу за несколько дней, учили все анализы, возможные варианты течения болезни и т. д. Это было священнодействие! Если кто-то, по мнению Бориса Сергеевича, плохо знал больного, он получал замечание, которое было закодировано под выражение «два О» («отсутствие одаренности»). Два–три раза получить «два О» означало, что он мог поставить крест на будущем этого доктора.

Однажды во время обхода в палату буквально ворвалась врач из другого отделения и, нарушая весь распорядок, выпалила: «Борис Сергеевич, на машине разбился Ландау, нужна Ваша срочная консультация!» Борис Сергеевич обомлел от такой наглости и грозно ответил: «Вы что себе позволяете? Нарушили обход профессора! Я ни на какие частные консультации не выезжаю!» Врач сконфуженно удалилась. Через несколько минут входит медсестра и говорит, что Бориса Сергеевича «просят к телефону из секретариата Н.С. Хрущева». На обход он уже не вернулся и срочно выехал на консультацию, там решали вопрос о наложении трахеостомы. Конечно, дело было в том, что Борис Сергеевич не знал, кто такой Ландау...

* * *

ЛОР-отделением у Бориса Сергеевича заведовал Реваз Владимирович Хоперия (я о нем уже упоминал). Красавец-мужчина, любил жизнь, вино, женщин. Преображенский способствовал, чтобы Хоперия стал главным внештатным оториноларингологом Москвы (должность хлопотливая, да и не очень

почетная). Однажды снимаю телефонную трубку, слышу голос с грузинским акцентом: «Позови, пожалуйста, самый главный отоларинголог Москвы Резо Хоперия».

Реваз дружил со многими актерами, в том числе с Мстиславом Ростроповичем (у него был гайморит). Ростропович был очень простым в общении. Однажды сказал мне: «Знаете, почему мы с Галей так любим друг друга? Да потому что иногда видимся раз в несколько месяцев». Но мне показалось, что он лукавил: в Вишневской он души не чаял.

* * *

Авторитет Бориса Сергеевича был огромным. Его хорошее отношение заслужить было нелегко, но если кому-то это удавалось, ему могли прощаться некоторые ошибки, но не предательство. Ну, а уж если кого-то Борис Сергеевич невзлюбил, то это на всю жизнь. Переубедить его было трудно. Кроме того, он был прекрасным психологом. Однажды мы с Галиной Федоровной Назаровой пришли к нему просить за сотрудника, хотели оставить в клинике, потому что он неплохо оперировал. К нашему удивлению Борис Сергеевич отказал, а когда мы поинтересовались мотивами, неожиданно объяснил: «Вы его жену видели? Она же красавица! Такой мордovorot всю жизнь ради нее будет по частным поликлиникам бегать, деньги зарабатывать».

И попутно рассказал нам историю знаменитого мхатовского артиста Михаила Яншина, женатого на не менее знаменитой актрисе цыганского театра «Ромэн» Ляле Черной. Преображенский был лечащим врачом Яншина, и тот постоянно ему жаловался на богемную обстановку в доме. Сам Борис Сергеевич тоже в первом браке был женат на актрисе Малого театра — Алле Васильевне Преображенской, так что имел основания для такого рода суждений.

* * *

Однажды я стал свидетелем того, как Борис Сергеевич по телефону просил министра принять его для беседы. Тот отка-

зал, ссылаясь на занятость. Борис Сергеевич положил трубку и с горечью сказал мне: «Вот, Михаил Рафаилович, когда я Сталина лечил, он навытяжку передо мной стоял». Он хорошо понимал тогда значение близости к вождю. В любую погоду, при любом самочувствии ездил в Кремль на консультации, первые поздравления с праздниками — в секретариат Сталина. Сталин к нему много лет хорошо относился, а главное, доверял, что было редко. Хотя Борис Сергеевич был ему классово чужд: сын профессора, беспартийный.

* * *

После выхода из тюрьмы Борис Сергеевич оказался в сложном положении в вопросе отношений с И.И. Щербатовым. Как вести себя? Ведь они работали в одном институте, часто встречались, их связывала одна специальность... Конечно, можно было бы заняться отмщением. Но Борис Сергеевич был выше этого, дело для него всегда преобладало над личным. И вот, например, идет заседание ученого совета, защищают диссертацию с кафедры Ивана Ивановича, наступает момент голосования. Борис Сергеевич поднимает бюллетель и показывает его Щербатову: «Я проголосовал „за“»... Аналогично поступал и Щербатов.

* * *

Борис Сергеевич крайне негативно относился к «подаркам» от пациентов. Когда я работал у него, принять деньги от больного считалось тяжким грехом. Однажды наш профессор Галина Федоровна Назарова после консультации открыла преподнесенную ей коробку конфет и обнаружила там купюру. Она бежала за пациентом от Первой Градской больницы до Октябрьской площади, чтобы вернуть деньги. Кстати, когда Борис Сергеевич назначил Реваза Владимировича Хоперия заведующим отделением, он просил его, зная грузинские порядки, не принимать от пациентов деньги. «Не хочу, чтобы клиника превратилась в рынок, — говорил он. — Если вам будут нужны деньги, обращайтесь ко мне». И действительно, часто помогал аспирантам, хотя не был уж так богат.

Еще в советские времена был такой случай. Когда я стал отказываться от гонорара, пациент, директор магазина, начал меня увещевать: «Михаил Рафаилович, но я же беру...» Конечно, сейчас другие времена, но я до сих пор испытываю неловкость, когда больные предлагают деньги за консультацию. Все же деньги не должны стоять в отношениях между врачом и пациентом.

* * *

Однажды у нас сломался операционный микроскоп. Вызвали мастера, и его работу, конечно, нужно было оплатить. Позже Борис Сергеевич спрашивает меня, сколько было заплачено. Отвечаю: «Четыре поллитровки водки». Уточняет, сколько стоит «одна поллитра»? Я тогда очень удивился, а он действительно этого не знал.

* * *

Борис Сергеевич не был жадным человеком, во всяком случае денег специально не копил. И когда собрался покупать дачу у Константина Симонова, насколько я знаю, у него же и занимал некоторую сумму.

Я бывал у него в Переделкине несколько раз. Помню, на террасе стояли стулья с отпиленными ножками. Оказалось, что Симонов принимал делегацию писателей из Средней Азии, а поскольку они привыкли сидеть на корточках, отпилил ножки. Дачу Симоновы продали, но Валентина Серова, бывшая тогда женой поэта, оставила за собой гостевой домик. Однажды ночью она приехала с шофером, который был в подпитии, и попросила у Бориса Сергеевича долото и молоток, чтобы выбить из изразцовой печи какие-то страшно ценные плитки, привезенные ей Константином Михайловичем из Парижа. Борис Сергеевич попросил ее подождать до утра, но она не согласилась, и изразцы, конечно, разбились. Позднее Преображенский купил и гостевой домик.

* * *

На нашей кафедре был аспирант, а затем ассистент Абас Мехтиевич Тальшинский. Он прошел всю войну, был очень принципиальным человеком. Вообще Борис Сергеевич не любил, когда ему возражали (впрочем, как и все начальники), но от Абаса терпел. «Нэээт, Борис Сергеевич, — тянул слова Тальшинский, — это не так надо сделать». А Борис Сергеевич молчал и часто даже соглашался. Затем Абас уехал в Рязань профессором кафедры. Там работала К., милая женщина, но специалист она была неважный. Когда она возражала профессору, почему, например, именно так нужно оперировать, а не иначе, Абас отвечал: «Читать надо»...

Когда Борис Сергеевич постарел, он однажды сказал мне: «После моей смерти отдайте выставку об истории кафедры Абасу в Рязань». А ведь мы все считали, что Борис Сергеевич его недолюбливал. Может, это так и было, но он понимал, что Тальшинский — один из самых преданных ему людей...

* * *

Предлагают мне вступить в партию, прихожу к Борису Сергеевичу за советом. Ответ неожиданный: «Вы знаете, я беспартийный, но вам советую вступить. Пусть в партии будет больше порядочных людей».

* * *

Борис Сергеевич к старости стал плохо слышать. Он научился как-то скрывать этот недостаток, но однажды тугоухость привела к комическому случаю. На кафедре шел экзамен, Борису Сергеевичу сдавал студент, у которого было много пропущенных лекций. Профессор интересуется причиной пропусков.

— Да я спортсмен, — отвечал студент, — приходится много ездить по соревнованиям.

— Так вы спортсмен? — Борис Сергеевич так называл спортсменов. — И каким же спортом занимаетесь?

— Я играю в шашки, чемпион страны.

— В шашки? — удивился Борис Сергеевич. — Какие же, позвольте узнать?

— В столеточные, — отвечает студент.

— В котлеточные? — Борис Сергеевич уточняет, не расслышав.

Это вызвало у молодого человека приступ хохота. Конечно, это было нетактично, Борис Сергеевич обиделся и поставил студенту двойку. Потом стоило больших трудов добиться для него удовлетворительной оценки.

* * *

Очень большое значение Борис Сергеевич придавал женам сотрудников кафедры, правильно оценивая их влияние на мужей. Старался понравиться, уделяя личное внимание на банкетах. Этому, кстати, по его собственным словам, он научился у Хрущева. Как-то Никита Сергеевич вывел А. Аристову из ЦК партии и отослал его послом в Польшу, потому что считал, что супруга Аристову оказывала отрицательное влияние на работу мужа.

* * *

Вспомнилось, как Борис Сергеевич отозвался о Н.Н. Блохине, известном советском онкохирурге, в течение 10 лет возглавлявшем Академию медицинских наук СССР. В те времена президент АМН обычно становился и академиком АН. Кроме Николая Николаевича Блохина. Преображенский так сказал по этому поводу: «Знаете почему? Слишком порядочный человек».

* * *

Я долго не женился. Среди прочих причин — желание моего шефа. Борис Сергеевич очень тактично обрисовывал мне прелести холостяцкой жизни. Теперь я понимаю его мотивы: важно иметь преданного тебе и специальности ученика и ни с кем его не делить. Но все же, хоть и довольно поздно, это случилось.

Я боялся рассказать Борису Сергеевичу, тянул с признанием. И вот везу его на дачу; как сейчас помню, едем по Калининскому проспекту, и я говорю: «Борис Сергеевич, а ведь я женился...» Пауза, затем: «Остановите машину». Ну, думаю, сейчас будет гроза. Подруливаю к кинотеатру «Октябрь». Слышу вопрос: «И кто же Ваша жена?» Отвечаю: «Наша студентка». И вдруг: «Михаил Рафаилович, Вы кончили банально...»

И ведь был прав. Такие браки недолговечны. Кстати, развод у меня был довольно необычным. Дело было так. Моя бывшая жена задумала эмигрировать в Америку, я же категорически отказался. Тогда она решила развестись со мной и оформить фиктивный брак с американцем. Для меня же главной проблемой была дочка, с которой я не собирался расставаться. Отобрать ребенка у матери можно было только по суду, да и то сделать это было крайне сложно. Все, конечно, были на моей стороне — и судья, и прокурор, но жена трижды не являлась в суд. В конце концов ее все же заставили явиться на судебное заседание. До сих пор безмерно благодарен Эммануилу Марковичу Когану, моему другу, нашему институтскому профессору, участнику войны, выступившему свидетелем и так многое сделавшему для меня в этой ситуации.

* * *

А эта история связана с моей защитой. В одной группе со мной училась очень милая и порядочная студентка Валя Дубовик. У нас случился длительный студенческий роман, платонический, что было естественным для тех времен. На кафедре анатомии нам преподавал ассистент, высокий, интересный, знающий, к тому же сын заведующего кафедрой анатомии Рязанского медицинского института Вадим Борисович Соколов. Он по-настоящему влюбился в Валю и очень хотел на ней жениться. На его стороне были все преимущества, на моей — только взаимная любовь. В общем вся эта история тянулась несколько лет. По окончании института я уехал работать в Бологое, а он все-таки женился на Вале.

Теперь возвращаюсь к началу истории, связанной с моей защитой. Она, естественно, должна была состояться в родном вузе. И вдруг выясняется, что председатель ученого совета — Вадим Борисович Соколов, к тому времени декан лечебного факультета. Рассказываю обо всем Борису Сергеевичу. Он весьма неожиданно для меня воспринимает эту историю вполне серьезно, считает, что может сыграть роль мстительность. В итоге защита была перенесена в Совет Академии медицинских наук и прошла вполне успешно.

* * *

Здание, где располагалась Первая Градская больница, было ужасным, в прошлом это была церковь. На первом этаже находилась глазная клиника, на втором — неврология, на третьем — ЛОР-отделение. Больным, многие из которых имели одышку, приходилось подниматься в наше отделение по винтовой лестнице, и к 3-му этажу стеноз первой степени переходил в третью. Борис Сергеевич многие годы пытался получить новое помещение, и вот, наконец, ему это удалось. Помещение оказалось бывшим школьным зданием, но вполне приличным, и Борис Сергеевич им очень гордился.

Как-то в Москву приехал американский сенатор, по профессии оториноларинголог. Из Верховного Совета позвонили и попросили Бориса Сергеевича принять этого американца. Преображенский согласился, американец приехал в клинику. Ему показали ряд тяжелых больных, пригласили на операцию. Кончается визит, собираемся в кабинете, пьем чай. Выступает сенатор и говорит примерно следующее: «Какие хорошие врачи, какие трудные операции они делают, я восхищен! Единственный недостаток — ужасное помещение». Представляете разочарование шефа?

Еще один случай. Приезжает в клинику другой иностранец, если не ошибаюсь, немец. Приглашаем его в операционную. Вмешательство серьезное, пациенту дают наркоз. Внезапно немец срывается с места и с криком «Пиф-паф!» убегает. Все в недоумении. Оказывается, наркоз эфирный, а хирург использует электрокоагулятор, что в цивилизованной медицине категорически запрещено. А мы-то ничего и

не знали. Правильно когда-то Черчилль сказал: «Россию невозможно победить, потому что у русских „окопный“ быт».

* * *

У Бориса Сергеевича было два сына. Младший сын Вадим — физик, тогда это была самая модная специальность. Старший сын Юрий — оториноларинголог, заведовал ЛОР-кафедрой в Университете дружбы народов. Юрий Борисович на отца похож был только внешне, довольно желчный, любитель охоты, рыбалки, хороший механик. Впрочем, хирургом был неплохим. Едем однажды в Минздрав на заседание комиссии по новой медицинской технике, обсуждаем предстоящую повестку, и Юрий Борисович говорит: «Только время с этой комиссией теряем, все равно ничего путного не добьемся». Борис Сергеевич удивленно и с огорчением отвечает: «Юра, ты негосударственный человек». Впрочем, ближе к истине, наверное, был именно Юрий Борисович.

* * *

Своеобразные отношения сложились у Преображенского с очень талантливым патофизиологом, заведующим кафедрой нашего института Андреем Дмитриевичем Адо. Его основным научным направлением была аллергология — в 50–60-е годы новая медицинская специальность. Аллергические реакции у пациентов возникали часто, но механизмы их развития и методы терапии были мало изучены. Помню на одной из дискуссий выдающийся ученый И.В. Давыдовский говорил: «Вот Андрей Дмитриевич нас тут пугает, а мне совершенно не страшно...»

Андрея Дмитриевича, его работы долго не признавали, несколько раз не избирали в Академию медицинских наук СССР, и он в конце концов понял, что нужна поддержка клиницистов. К чести и дальновидности Бориса Сергеевича, он тоже хорошо понимал, что именно аллергия играет важную роль в патогенезе заболеваний верхних дыхательных путей. В 60-е годы аллергология стала одним из основных научно-практических направлений нашей кафедры. И темой своей кандидатской диссертации я выбрал аллергические гаймориты.

А вот такая история случилась на защите докторской диссертации Лии Борисовны Дайняк. Защита проходила в ученом совете Института сердечно-сосудистой хирургии. Первым защищался Григорий Цукерман, тема диссертации — хирургия сердца. Подобные операции только начали проводить в нашей стране, и все присутствовавшие слушали его, затаив дыхание. Как?! Операции на самом сердце!!! Многочасовые, опасные, частые осложнения, высокая смертность... Потом начинается защита Лии Борисовны: сколько раз пациент чихнул, какого цвета выделения из носа... По залу проносится вздох разочарования. Оппонент профессор Я.С. Темкин выходит на трибуну, чувствует, что ему каким-то образом необходимо переломить настроение в зале. Начинает так: «Конечно, от аллергического ринита еще никто не умирал, но я не знаю ни одного пациента с аллергическим ринитом, который живет хорошо». Каждый в зале понял, что и лечение насморка крайне важно...

* * *

Любопытная история связана с награждением Бориса Сергеевича званием Героя Социалистического Труда. Дело было во времена Брежнева. Порядок присвоения такого звания тогда был следующим: комбайнеры, доярки, трактористы, рабочие утверждались списком, а интеллигенция, в особенности люди творческого труда, обсуждались на Политбюро. Когда дошло до Бориса Сергеевича, встал Брежнев и произнес: «Преображенский — достойный человек, он прекрасно носовые перегородки ломает». А незадолго до этого Борис Сергеевич его оперировал.

О присвоении звания объявили поздно вечером. Мы практически всей кафедрой в тот время были на съезде в Волгограде. Гуляем по бульвару, навстречу бежит запыхавшийся профессор Ермолаев из Ленинграда, подбегает к Преображенскому и буквально кричит: «Борис Сергеевич, только что по радио передали, что Вам присвоено звание Героя Социалистического Труда! Разрешите Вас поздравить! Я Вам первый об этом сказал, запомните, Борис Сергеевич!» Ну, конечно, это дело мы всем коллективом тут же отметили в ресторане.

* * *

Всесоюзные съезды оториноларингологов проходили раз в 4–5 лет в разных городах СССР. На одном из съездов — в Ереване — Борис Сергеевич (а он уже часто болел, неважно было с сердцем) произнес прощальную речь, которая всех растрогала. Кстати, в ту поездку в Ереван мне повезло: мирового значения художник Мартирос Сарьян пригласил Преображенского в галерею, а Борис Сергеевич взял меня с собой.

До последних дней Борис Сергеевич оставался политиком. Даже на Всесоюзном съезде он провел в председатели своего ученика Ивана Ивановича Потапова, который конкурировал с ленинградским профессором Лопотко. Вообще к выборам, даже в общественные организации, Борис Сергеевич всегда относился очень заинтересованно. Так, например, он всех собирал перед выборами в правление Московского общества оториноларингологов, и его, в некоторой степени, конкурент И.И. Щербатов никогда не проходил при голосовании. Соперниками их еще считали и потому, что к Борису Сергеевичу хорошо относился Сталин, а к Щербатову — Берия и Устинов (министр обороны).

* * *

Борис Сергеевич шутил, что врачи делаются на две категории: те, кому нечего есть, и те, кому некогда есть. Со временем я понял, что есть и третья категория: те, кому нечем есть.

* * *

Я всю жизнь приходил на работу в галстук, а способствовал этому один из рассказов Бориса Сергеевича. Однажды летом в отсутствие его шефа Л.И. Свержевского в клинику позвонили от председателя Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинина с просьбой срочно приехать. Борис Сергеевич отправился туда прямо с операции. Секретарь просит его немного подождать, предлагает чай. Через несколько минут появляется Калинин — в черном костюме, при галстук. Преображенский же был в майке, да еще с надпи-

стью «Динамо»... Больше такой легкомысленности в одежде Борис Сергеевич себе никогда не позволял. И даже когда много лет спустя я вез шефа на дачу, а такое случалось не раз, он снимал галстук только после того, как мы выезжали из города.

* * *

В 1970 году в Москве проходила крупная научная конференция, но с местами в гостиницах было очень трудно, поскольку в это же время проводили мероприятия, приуроченные к празднованию юбилея В.И. Ленина. Борис Сергеевич просил предупредить всех делегатов, чтобы они не приезжали вдвоем (подразумевалось, с дамами сердца). Я сижу в оргкомитете. Подходит профессор Михайловский из Махачкалы и просит двухместный номер. Далее следует такой диалог:

— Но разве Вы не получили наше письмо с предупреждением? Как же Вы не понимаете, что в этом году огромные сложности с размещением в гостиницах?

— Я-то понимаю, а вот моя жена — нет.

* * *

Во время пребывания в Бологом совершенно неожиданно получаю официальное письмо из редакции журнала «Вестник оториноларингологии» с предложением написать передовицу (!) о лечении хронических гнойных средних отитов в условиях сельской местности. Конечно, такого почетного задания я не ожидал. А суть была в том, что необходимым условием эффективности лечения было частое посещение врача для удаления гноя (туалет уха). Но как деревенским жителям это делать, если до Бологого им ехать 30, а то и 40 километров? Если же гной не удалять, то никакие местные препараты не действуют... Вот я и придумал спринцовку, с помощью которой пациенты могли самостоятельно проводить эту процедуру. Действительно, статья была напечатана и даже доложена на заседании Московского научного общества. Меня стали узнавать. Кто-то даже сказал: «Вы тот доктор, который маточную спринцовку для уха

приспособил...» Но дело здесь, конечно, не том, что я предложил новый способ лечения. Я описываю этот случай для того, чтобы подчеркнуть, как Борис Сергеевич относился к молодежи. Что значило тогда для меня его внимание! Я готов был горы свернуть!

Глава 2. Бологое

После окончания института по распределению я приехал в небольшой город Бологое тогда Калининской, теперь Тверской области. Первые самостоятельные шаги — и в жизни, и в профессии... С этим периодом связано много воспоминаний, подчас забавных. Поделюсь некоторыми из них.

* * *

Одним из первых пациентов был мужчина, который жаловался на потерю слуха. Осматриваю, ставлю диагноз: экссудативный средний отит. При таком заболевании для улучшения слуха проводят катетеризацию уха с последующим продуванием: врач специальную металлическую трубочку вводит через нос в носоглотку, определенным движением подводит вслепую к евстахиевой трубе, через которую с помощью резиновой груши накачивается воздух. Барабанная перепонка становится на место, и слух восстанавливается. Всю эту процедуру я провел успешно, к больному в тот же момент вернулся слух, мы оба счастливы. Настало время вынуть катетер из носа, а он за что-то зацепился и никак не хочет выходить. А за дверью уже нервничают следующие пациенты... Представляете картину? Передо мной сидит взрослый мужчина, из его носа торчит трубка. Отправлять его с этой конструкцией в Калинин? Прославиться на всю область? Лихорадочно ищу выход. Говорю пациенту: «Сразу трубку вынимать нельзя. Вы, пожалуйста, посидите так минут 30 в коридоре». Не знаю, на что надеялся... Пригласил следующего пациента, но слушал его вполуха... Внезапно открывается дверь, и на пороге появляется смущенный первый пациент с катетером в руках: «Простите, доктор, случайно потянул за конец трубочки, и она сама раньше времени вышла из носа...». Какое облегчение!

* * *

Вместе со мной в Бологом работала супружеская пара, она — анестезиолог, ее муж — стоматолог. Однажды он при удалении зуба вместо новокаина ввел в десну эфир. Все врачи сбежались, решаем, что делать. Принесли справочник по антидотам. Находим раздел, посвященный эфиру. Подробно описано, что нужно делать при его передозировке, но при введении в качестве газообразного наркотического вещества. А при введении подкожно — ни слова. Реплика супруги: «Видишь, Иван, какой ты м***? Авторы даже представить себе не могли, что найдется человек, который введет эфир шприцем в десну!»

* * *

Приходит старенькая бабушка, плохо слышит. Говорит: «Доктор, я уже никуда не хожу, только к тебе и в церковь...»

* * *

Воскресный день, купаюсь в озере. Подъезжает машина скорой помощи, объявляется по громкоговорителю: «Доктора Богомильского срочно в больницу!» Приезжаю, сидят супруги с грудным ребенком. Выясняется, что он взял в рот монету и как будто подавился. Делаю рентгенографию: действительно, монета лежит на входе в гортань, но так удачно, что есть просвет для дыхания. В принципе обычная процедура — прямая ларингоскопия с извлечением инородного тела. Проблема в том, что мой стаж 3–4 месяца и этой методикой я не владею. Нужно срочно везти ребенка в Калинин. Выясняем расписание поездов, ближайший пассажирский через три с половиной часа. Обращаюсь в горком партии, объясняю серьезность ситуации. Секретарь горкома Александр Африканович (запомнил необычное отчество) дает команду остановить ближайший товарняк. Едем на вокзал: я, операционная сестра с набором для трахеотомии (которую я на тот момент делал только на собаках в годы студенчества), отец ребенка тракторист, мама с ребенком на руках. Садимся в тендер, который расположен вблизи от кабины машиниста. Трогаемся, тут же выясняется, что трясет

неимоверно. Каждый толчок смертельно опасен, велика угроза, что монета полностью перекроет вход в гортань. Тем временем по телефону предупреждают областную больницу о нашем приезде. Едем медленно, несколько часов. Наконец, приезжаем. На площади ожидает машина, через несколько минут мы в операционной, появляется ассистент ЛОР-кафедры, делает прямую ларингоскопию и изящным движением извлекает трехкопеечную монету. Помню, что наряду с громадным облегчением я почувствовал такую ущербность. И весь первый отпуск провел в ЛОР-отделении детской больницы имени Дзержинского, которым заведовал мой отец и где тогда лежало много детей с папилломатозом гортани. Каждый день делал по несколько этих злосчастных прямых ларингоскопий! Кстати, мне это помогло, когда судьба распорядилась о некотором изменении характера в работе (перешел в ЛОР-педиатрию).

* * *

В нескольких десятках километров от Бологого находится станция Лыкошино. Еще примерно часа два на повозке с лошадьёю, и ты в лагере для преступников — инвалидов первой и второй групп. Их положено осматривать два раза в год, поездку оплачивает МВД, и довольно неплохо. Все происходит примерно таким образом: специалисты принимают в отдельных кабинетах, организацию возглавляет местный фельдшер, его помощник из числа заключенных разводит пациентов по врачам. В день нужно принять около 100 человек, поэтому для врачей предусмотрен перерыв. Слышу за дверью голос разводящего: «Ребята, сейчас перерыв. Доктор пообедает, выпьет и дальше будет смотреть». В ответ негодующие выкрики: «Ага, выпьет! А что он потом в ухе увидит?!»

* * *

Осматриваю пожилого заключенного по фамилии Рабинович (статья за растрату в крупных размерах, естественно, директор магазина). Жалуется, что у него перед арестом профессор Фельдман обнаружил рак гортани. Просит дать заключение о необходимости именно его консультации (по инструкции кон-

сультация профессора возможна, но только в Ленинграде). Фельдшер объясняет, что дать такое заключение я имею право, так как именно Фельдман наблюдал больного до ареста. Беседую с больным об организации этого визита. Я знал, что Фельдман широко занимался частной практикой, и его визит, например, с Гнездиновского переулка (где он жил) до Петровки (10 минут на машине) стоил около 100 рублей. Больной об этой стороне вопроса просит не беспокоиться.

Приезжаем в колонию через год. Рабиновича среди заключенных нет. Интересуюсь у фельдшера его судьбой. Рассказывает, что, действительно, профессор Фельдман приезжал, после осмотра написал заключение о наличии раковой опухоли, больного комиссовали. Он вернулся в семью, но через неделю соседи написали письмо в прокуратуру, а когда пришли оперативники и предъявили ордер, у Рабиновича случился инфаркт, и он умер прямо на месте.

* * *

В Бологом жила привлекательна ленинградка Лариса, бывшая замужем за местным работником КГБ, майором, тоже весьма симпатичным человеком. И ребенок у них был, но жили они неважно: он любил ее безгранично, но и ревновал неистово. Я, признаться, поглядывал в ее сторону, но этим все и ограничивалось. Отработал я в Бологом три года и уехал. Остались товарищи. Через год приехал к ним в гости на рыбалку. Готовим снасти на берегу озера. Вдруг подходит здоровый мужик, как оказалось, муж Ларисы. Я его сначала и не узнал... «Я сейчас жену избил, — говорит, обращаясь ко мне. — Она лежит в квартире...» Я ничего не понял, спрашиваю его совершенно искренне, какое отношение к этому имею я. Он объясняет, что после моего отъезда Лариса «призналась» ему, что между нами было роман, думая, наверно, что я уже никогда не вернусь... Сыграла на повышение... Вот так оказался я без вины виноватым. Стоило больших трудов убедить его в моей невинности, но все же он попросил меня уехать. Даже билет в Москву купил. Мы оба, кажется, вздохнули с облегчением, но рыбалка сорвалась.

* * *

В Бологом я работал и жил в одном доме с моим однокурсником Виктором Когановым. Он был акушером-гинекологом. Кроме того, он был хорошим футболистом и играл за сборную города. По характеру Виктор был парнем вызывающим, рискованным. Однажды сделал аборт и проткнул матку. Началось кровотечение. Мы как могли его останавливали, но пришлось вызвать из Калинина областного специалиста И. Чернявского. Он даже оказался моим дальним родственником. Женщину пришлось оперировать, все закончилось благополучно, но потом И. Чернявский мне сказал про Коганова: «Твоему другу в руки скальпель давать нельзя!»

Кстати, сам Чернявский мыл руки не до, а после операции и даже обосновывал это довольно убедительно...

* * *

Шофер главного врача просит удалить ему миндалины. Делаем анализы. Выясняется, что свертываемость крови неважная. Но я — молодой хирург, руки чешутся, соглашаюсь. Конечно, кровотечение... Всю ночь сидим с операционной сестрой, держим кохер с тампоном в нише. Других способов остановки кровотечения я не знал. Пациент же говорил примерно следующее: «Ну что, доктор, к утру умру? У меня детишек трое. Ты уж их не оставь...» Хорошая в Бологом была врачебная школа! Больше никогда в жизни не оперировал больных с подозрительными анализами, несмотря ни на какие уговоры!

* * *

Через три года работы в Бологом я вернулся в Москву на собственной «Победе». В то время Н.С. Хрущев из экономических соображений решил сократить водителей персональных машин, а сами транспортные средства разрешил продать начальникам. Я в то время заведовал поликлиникой, а потому имел возможность купить автомобиль, который, к слову, уже накатал 500 тысяч километров по «прекрасным» дорогам Калининской области.

Владельцев машин было очень мало, и я пользовался успехом. Это был кабриолет с брезентовой крышей. Друзья шутили: «Михаил любит, когда ему в ж*** дует!»

Сейчас, конечно, совершенно другое время, но все-таки интересно вспомнить отношения с автомобилем в 60-е годы... Начнем с того, что для того, чтобы приобрести «Волгу», «Победу» или «Москвич 401», нужно было постоять в очереди лет 5. С запчастями было очень просто — их не было вообще, а потому любой агрегат чинили до последнего, латали дыры в кузове, варили дно. За резиной тоже была очередь, и когда удавалось ее купить, то в гражданский паспорт (!) ставили отметку об приобретении. На машинах почти все ездили исключительно летом, потому что зимой они не заводились. Я зимой приезжал в Первую Градскую больницу на машине, но если операция затягивалась, то мне приходилось размываться, идти к машине и лить кипяток на карбюратор, после этого заводить двигатель и греть машину минут двадцать. Только после этого возвращался в операционную. Но мы были молоды, счастливы, без страха ездили на этих автомобилях к морю... Моторы доводили до такого состояния, что, похоже, масла тратили больше, чем бензина. А когда появились «Жигули» (прототипом которых был «Фиат 124»), они казались нам верхом совершенства!

Глава 3. Из собственной практики

Я прожил длинную жизнь врача и вынес два главных урока. Первый: медицина, врачевание в России — это не служба, это служение людям. Второй: когда человек здоров, у него много желаний и планов; когда человек заболел, желание только одно — выздороветь.

На профессиональном пути мне довелось встретиться со множеством чисто медицинских проблем, посчастливилось стоять у истоков нового направления в медицинской науке — кохлеарной имплантации (об этом отдельный рассказ) и стать участником (или свидетелем) большого числа поучительных историй. Но

поскольку еще на этапе, когда я только задумал написать книгу воспоминаний, мне хотелось, чтобы она носила больше беллетристический характер, ограничусь описанием понятных для любого человека историй, а не только медицинских.

* * *

Поступил к нам в Первую Градскую больницу старик, около 90 лет, армянин, отец секретаря обкома партии г. Ленинакана. При обращении к местным врачам у него была обнаружена опухоль гортани, доброкачественная, но довольно больших размеров, на тонкой ножке. Операция была опасной, поскольку в момент удаления опухоль могла быть аспирирована, что грозило удушьем. Нам удалось удалить ее без осложнений. В дальнейшем у нас с пациентом возникли добрые отношения, человеком он был очень интересным. Спрашиваю его:

— Вас в больницу 4-го Управления госпитализировали?

Отвечает положительно.

— А почему там не удалили? Как Вам это объясняли?

— Говорили, что ничего страшного... Рассосется...

Конечно, кому нужны проблемы с секретарем обкома?

* * *

Прибежали как-то молодожены. Рассказывают: у него был металлический рубль, а у нее — полтинник. Хотели объединить капиталы, но не могли договориться. Тогда она сказала: «Лучше проглочу, чем отдавать тебе». И действительно — проглотила. Он со словами «так не доставайся же ты никому», глотает рубль. Дальнейший путь монет: полтинник прошел в желудок, а рубль застрял в пищеводе. Беда их объединила, прибежали в больницу. Рубль достал и отдал владельцу. На конференции Борис Сергеевич Преображенский ругал меня за это. Оказывается, что все, что достали из организма, принадлежит клинике. И у этого правила есть история. Когда-то у богатой купчихи Базановой

извлекли из пищевода крупный бриллиант. Она судилась с больницей, но камня назад не получила. А решение было таким: бриллиант продали, и на все вырученные деньги построили здание ЛОР-клиники 1-го Медицинского института на ул. Россолимо и даже присвоили кафедре имя Базановой. Таким образом обе стороны были удовлетворены.

* * *

В детстве, в послевоенные годы, у меня был товарищ Витя Брыкин. Мы жили в одном доме, он был сыном дворничихи. Виктор был из блатных, а тогда дружба с ними была очень почетной. Не раз он сидел за мелкие кражи или хулиганство, а когда возвращался, шел по Малому Головину переулку в кепке мелкокозырке, тельняшке и клешах и цедил сквозь зубы «А ну, кому 9 грамм?» (свинцовых пуль).

С тех пор прошли десятки лет, я уже профессор, делаю обход в Первой Градской больнице. Показывают больного, лицо забинтовано. Рядом с его постелью сидит милиционер. Докладывают, что этот пациент во время побега упал лицом на колючую проволоку, находившуюся под током, и получил ожоги. Назначаю лечение, возвращаюсь в кабинет. Стучится доктор, смущенная, говорит: «Михаил Рафаилович, этот больной, оказывается, Вас знает. Спрашивает меня: „А это не Мишаня Богомильский? Мы с ним в детстве жили в одном доме“».

Да, судьба-злодейка...

* * *

90-е годы, смутное время, беспредел, разборки... Выстрелили в сынишку адвоката — из мести. Пулька попала в решетчатый лабиринт и застряла там. Удалил ее довольно легко. Кончается дежурство, приходит медсестра и говорит: «Там у ворот Вас ждут бандиты, судя по всему с Северного Кавказа, хотят забрать пульку». Оно и понятно — вещественное доказательство, оставлять нельзя. Иду к главному врачу, моему другу Михаилу Анисимовичу

Корнюшину, и отдаю пульку ему со словами «Похвастайся, какие у тебя врачи умелые». Он расточает комплименты, благодарит. В это время входит секретарша и тоже говорит, что бандиты ждут. Пытаюсь быстро уйти, но слышу: «Забери пульку, тебе нужнее». Умоляюще смотрит... Своя рубашка ближе к телу.

* * *

Оперировал я мальчишку лет 15, болезнь опасная: опухоль в носоглотке — ангиофиброма. Во время операции обычно сильное кровотечение, в те времена была высокая смертность. Мать верующая, перед операцией пошла в церковь, поставила свечку, поклялась Богу: останется сын живым — будет священником. Так и получилось. Володя Студеникин окончил религиозное учебное заведение в Загорске, затем Духовную академию в Ленинграде, получил приход... Мы даже подружились, я бывал у него дома: прекрасная квартира, стены увешаны иконами, женился на красивой хористке. Как-то приезжает на осмотр. Расспрашиваю, как живет, где служит. Но Володя отвечает, что бросил это дело, очень много священников стало хороших, приходов не хватает. Открыл антикварный магазин. Однажды ему приносят какие-то изделия, явно украденные, как потом оказалось, из Эрмитажа. Вызвал милицию, преступников повязали. Этот сюжет даже показали по телевидению. Я был горд, ведь, получится, я тоже имею отношение к этой истории.

* * *

Во дворе на веревке развешано белье. Мальчишка решил покататься на веревке, как на качелях, ухватился за нее, но под тяжестью тела длинный гвоздь, на котором была закреплена веревка, выскочил из дерева и пробил ему голову. Вызвали скорую, привезли в больницу. Удалил гвоздь длиной 10 сантиметров. Никаких симптомов, никаких серьезных повреждений... Действительно, кому что суждено...

Похожий случай. Дежурю в Первой Градской. Привозят мужчину с лесопилки. Работал на станке, большая длинная щепка

пробила гайморovou пазуху и вышла за ухом в области сосцевидного отростка. Чувствует себя нормально, даже кровотечения нет. С ним приехал инженер по технике безопасности, чуть ли не в обмороке. Еще бы, могла и тюрьма грозить. Сам я в сомнении: вроде все хорошо, а удалять нужно, хотя риск большой. Как ни странно, удаление оказалось простым. Правда, впоследствии пришлось несколько раз оперировать на гайморовой пазухе, поскольку там оставались микрокусочки дерева, вызывавшие воспаление.

* * *

Пятилетнему мальчику удаляю миндалины. Начинается кровотечение, а он рот не открывает. Кричу: «Открой рот! Кровью истечешь...» В ответ слышу: «А я ее глотаю, она никуда не денется...»

* * *

Привозят прямо со свадьбы жениха, естественно, пьяного. Какой-то гость в драке откусил ему кончик носа. Его (нос) привезли с собой. Жених буянит, посылает меня матом. Приношу зеркало, прошу посмотреть. Смотрит, тут же умолкает. «Шей, — говорит, — хоть без наркоза». Так и терпел. А нос прижился.

* * *

Напротив Первой Градской больницы был гастроном, а там, разумеется, отдел, где продают водку, которую часто тут же и распивали. Один из таких алкашей отправлен в наше отделение, поскольку кашляет и дышит неважно. Выясняется: закусывал водку рыбкой и нечаянно вдохнул. Рыбка в правом бронхе, попала туда легко, а вытаскивать было трудно, поскольку плавники мешали. Все закончилось хорошо. Пьяницам везет, это известно...

* * *

Довольно необычный случай. Ребенок из Средней Азии. Делаю радикальную операцию на ухе. В ходе операции обнаруживаю какой-то черный предмет. Отдаю его операционной сестре с

просьбой отмыть. Выясняется — таракан. Сестра утверждала, что еще живой. Но это вряд ли.

* * *

В Москве в Сокольниках проходит какая-то выставка. Оттуда привозят ребенка с инородным телом, как позже выяснилось, значком — звезда Давида. С большим трудом извлекаю, все-таки шесть острых углов. Операционная сестра шутит: «Вот специально такие значки придумали для русских детей».

* * *

Лечилась в Первой Градской больнице Таня К. с довольно редким психическим заболеванием — синдромом Мюнхгаузена. При этом расстройстве пациенты постоянно ищут предлоги для привлечения внимания и искусственно вызывают симптомы какой-либо болезни. Таня для этих целей глотала предметы, вызывала скорую, а далее происходил целый спектакль с ней в главной роли. В качестве инородного тела годилось все: металлические шары от спинок кроватей, кольца, ключи... Но предпочитала она все же острые предметы, потому что их нужно было извлекать срочно, тогда как шарики могли выходить естественным путем и славы ей не прибавляли. Каждый раз повторялось одно и то же действие. Поступив в палату, она начинала командовать: «Так, кто мне сегодня будет вилку удалять? Богомильский? Нет, не желаю! Сегодня пускай Чканников мной занимается». Врачи иногда шли на хитрость: давали расширяющие мышечную стенку пищевода препараты, инородное тело проходило в желудок, после чего передавали Таню хирургам. На наших глазах она из цветущей девушки превратилась в изможденного человека. Ее дальнейшей судьбы я не знаю, но говорили, что в приемном отделении психиатрической больницы имени Соловьева висело объявление «Татьяну К. не принимать».

* * *

Поступил к нам однажды для удаления миндалин ребенок 5–7 лет с синдромом Картагенера. Одним из симптомов этой

болезни является необычное расположение сердца: у таких пациентов оно находится не с левой, а с правой стороны. Читаю его амбулаторную карту. Раз 10–15 в течение жизни был у педиатров, причем разных. Все выслушивали тоны сердца с левой (!) стороны, мало того, эти тоны подробно описывали...

* * *

Юноша проходил диспансеризацию перед призывом в армию. Никаких проблем у него не было, считался совершенно здоровым, однако при рентгеновском исследовании была обнаружена остеома решетчатого лабиринта. Опухоль доброкачественная, но удалять ее необходимо, так как она будет продолжать расти. Удаление происходит приблизительно так: сначала остеома обнажается, а когда доступ становится достаточным, накладываются щипцы, остеома постепенно раскачивается и, поскольку она имеет, как правило, тонкую ножку, удаляется целиком. В тот раз так все и происходило. Я удалил опухоль, посмотрел на лицо больного и... к своему удивлению и ужасу не обнаружил глазного яблока! Оказалось, что нижняя стенка орбиты была резко истончена и местами отсутствовала, в результате глаз оказался в верхнечелюстной пазухе. Я позвал Бориса Сергеевича Преображенского, и вместе стали думать, как вернуть глаз в орбиту. Пригласили на консультацию челюстно-лицевого хирурга, профессора Федора Михайловича Хитрова. Незадолго до этого Федор Михайлович вернулся из Англии и привез оттуда быстротвердеющую пластмассу (тогда в нашей стране о ней ничего не знали). Он предложил залить этой массой пазуху, устроить как бы ложе для глазного яблока. Но Борису Сергеевичу такой вариант не понравился. Он считал, что обязательно будет нагноение, и предложил мне затампонировать пазуху небольшими марлевыми турундами, а на них уложить глаз. Так я и поступил, а затем каждый день удалял постепенно по одной турунде. Происходило замещение пространства грануляциями, которые затем зарубцевались. В общем глаз остался на своем месте, хотя и имелся небольшой энофтальм (западение). Кстати, без жалоб отца пациента не обошлось. Правда, последствий они не имели, потому

что продемонстрировали ему удаленную остеому величиной примерно 3×4 см.

* * *

Один из моих пациентов — Толя Стаценко... Замечательный, благодарный пациент... Примечательно, что он дважды попал под нож Богомильских: в первый раз его оперировал мой отец в детской больнице имени Дзержинского, делал мастоидэктомию, а второй раз уже в возрасте 25–30 лет его оперировал я в Первой Градской больнице — проводил радикальную операцию на том же ухе. Мы подружились. Он родом с Кубани (станция Старотитаровская), и я ездил к нему в гости. Однажды мы пошли на бахчу выбирать арбуз с его товарищем, главным агрономом Павликом. Тот долго ходил по полю, выбирал по каким-то известным только ему признакам достойный арбуз, наконец, поднял огромный, весом 10–12 кг, принесли домой, и оказался он невкусным! Это к тому как выбирать... А жена Толи, сотрудница Академии имени Тимирязева, подарила мне саженец груши. Как ни странно, он прижился и пару сезонов давал плоды. И вдруг дерево засохло. В тот год его жена заболела и скоропостижно скончалась от рака. Мистика!

* * *

Пригласили меня в Нью-Йоркский университет. Присутствую на операции. Ее проводит директор клиники — дама. Операция несложная — шунтирование барабанной полости через разрез барабанной перепонки. Проводится анестезия, после чего миссис командует какие-то номера. Через минуту по пневмопочте доставляют шунт в коробочке, стерилизованный, определенной формы и величины... Вспоминаю свои операции. Примерный разговор с операционной сестрой: «Таня, дай полиэтиленовую трубочку от системы переливания крови». Затем с помощью ножниц моделирую, придаю нужную форму и размер. На это уходит 20–30 минут, и только потом начинается сама операция — минут 5–7.

* * *

Поступила к нам в Первую Градскую больницу буфетчица из генеральского госпиталя. В последнее время стала кашлять, заподозрили туберкулез. Сделали рентген, и в правом бронхе обнаружили часть зубного протеза. Женщина вспомнила, что какое-то время назад действительно обнаружила дефект в пластмассовом съемном протезе, но не придавала этому значения. Оказалось, она его вдохнула. Фрагмент удалил. Тогда подумалось, что если бы она не с генералами работала, то вряд ли бы так озаботились по поводу возможного туберкулеза.

* * *

Как-то во время моего ночного дежурства поступил пациент со стенозом (затрудненное дыхание). Причина довольно редкая: тимус (железа, которая находится за грудиной) увеличился и сдавил трахею. Что делать, как помочь? Придумал: взял желудочный зонд и через гортань ввел его в правый бронх. Пациент задышал хотя бы одним легким. Было это в 60-е годы. Тогда еще даже интубационных трубок не было. Лежит он у нас в отделении, а что дальше? Обратились к хирургам с просьбой удалить опухоль. Операция предстоит необычная, и берутся за нее только потому, что другого выхода не видно. Да, забыл упомянуть, что пациенту около 40 лет, он карлик, работает бухгалтером на большом заводе. Просит меня: «Михаил Рафаилович, не отдавайте меня хирургам, они меня зарежут...» Он, конечно, понимал сложность и опасность ситуации. Я тянул с переводом сколько мог, но все же его пришлось направить в клинику Бакулева. К сожалению, его прогноз сбился...

* * *

В времена Андропова принялись активно бороться со всякого рода взяточничеством. Как-то я оперировал сына полковника КГБ, начальника правительственной дачи в Пицунде. Он в благодарность принес мне бутылку коньяка. Я ему говорю: «Как же так, сейчас идет борьба со взятками, а Вы мне коньяк принесли?» На что он отвечает: «Таких, как Вы, Михаил Рафаилович, это не касается».

* * *

Европейский съезд оториноларингологов в Будапеште. Я один из модераторов симпозиума по тимпанопластике. Если объяснять в двух словах, это операция по улучшению слуха при разрушении гнойным процессом среднего уха. При этой операции, в частности, в ряде случаев заменяется барабанная перепонка, состоящая из нескольких слоев. Вместо разрушенной перепонки используют различные трансплантаты, например кожу, фасции, стенки сосудов и прочее. Так вот, каждый модератор рассказывает, какие трансплантаты используют в его стране и чем объясняется этот выбор. Доходит очередь до меня. И тут я вспоминаю историю, связанную с моей докторской диссертацией. Дело было так. Мне хотелось использовать в этих операциях оригинальную ткань, и пришла мысль о крайней плоти. Эта ткань действительно во многом аналогична барабанной перепонке — тонкая, упругая, состоит из двух слоев (кожа и слизистая оболочка). С этим предложением я пришел к Борису Сергеевичу Преображенскому. Он долго смеялся, а потом сказал: «Михаил Рафаилович, хорошо, что Вы не офтальмолог, а то у Ваших больных мог бы быть х**вый взгляд на жизнь!» Эту историю я рассказал сидящим в зале и имел огромный успех.

* * *

Одним из научных направлений нашей клиники было удаление миндалин у лиц пожилого возраста. Этой теме была посвящена диссертация аспирантки Марины Евгеньевны Загорянской. Однажды она сделала тонзилэктомию пациенту 70 лет. Операция и восстановление прошли успешно. Выписываясь, пациент хитро улыбнулся и сказал Марина Евгеньевне: «Простите, я Вас обманул: мне не 70, а 80 лет. Я боялся, что Вы откажитесь оперировать меня, а я так устал от ангин».

* * *

Прощаюсь с оперированным пациентом, генералом с Лубянки. Имя у него было оригинальное — Иван Абрамович. Подробно объясняю ему, когда и куда нужно прийти на перевязку. Он слушал, а потом говорит: «Михаил Рафаилович, не волнуйтесь. Когда надо будет, я Вас сам найду...»

Глава 4. Кохлеарная имплантация

В 70-е годы я увлекся новым в то время научно-практическим направлением, которое сейчас носит название «кохлеарная имплантация». Речь идет о хирургическом способе лечения глухих людей, которым не помогают даже мощные усилители звука — слуховые аппараты и уж тем более лекарства. Разработка этого направления стала возможна благодаря стремительному росту компьютерных технологий. На моей памяти электронные вычислительные машины, как некогда называли компьютеры, из громоздких шкафов размером с комнату начали быстро превращаться в миниатюрные устройства. И сегодня их уже можно не только носить в кармане, но и имплантировать в человеческий организм.

Операция по установке импланта — сложное мероприятие, в особенности когда это касается уха. Ведь электроды от импланта проводятся во внутреннее ухо, на котором до той поры вообще никаких хирургических вмешательств не проводилось. Чтобы не утомлять читателя подробностями, опишу процесс так: звук достигает имплантированного в ухо устройства (истинного протеза улитки), в нем преобразуется в электрофизиологические импульсы, которые уже по слуховому нерву двигаются в височные доли коры головного мозга. Для развития этого направления потребовался труд и талант разных специалистов — физиков, физиологов, химиков, компьютерщиков, отохирургов, аудиологов и многих других. Задача была, как выразался В.И. Ленин, архиважная, вместе с тем сложная и чрезвычайно увлекательная.

Главным мои «поводырем» в этих изысканиях был ректор 2-го Мединститута академик Юрий Михайлович Лопухин. Началось все с того, что он придумал провести «конкурс идей» в открытом соревновании. Я оказался в числе победителей. Юрий Михайлович на основании этого дал мне несколько научных ставок, помещение и кое-какую аппаратуру. В первый состав лаборатории, которая первоначально называлась «Искусственное ухо», вошли физики А. Ремизов, А. Тихомиров, физиологи И. Дьяконова, Н. Коновалов, химик И. Колобов, компьютерщик Ю. Ивенский, аудиологи-сурдологи Я. Сапожников, И. Рахманова, Р. Аблаева, оториноларингологи В. Федосеев, О. Карнеева, М. Голосовский. Кто-то работал на ставке, кто-то — как энтузиаст. Я занял должность заведующего лабораторией, поскольку за несколько лет до этого, в 1971 году, защитил докторскую диссертацию по проблемам тимпаноластики, хорошо владел микрохирургией уха и знал аудиологию. Поэтому проблем с операциями для меня не было. Мы получили в качестве клинической базы небольшое ЛОР-отделение медсанчасти Мосгортранса и приступили к работе.

Как советовал Юрий Михайлович, мы начали с привлечения ряда влиятельных организаций, например Всесоюзного общества глухих (ВОГ), непосредственной задачей которого было оказание помощи глухим людям. Казалось бы, эта организация в первую очередь должна быть заинтересована в новых разработках, но в жизни иногда бывает все наоборот. Так как во главе ВОГ стоял глухой человек, мы с ним общались через переводчика. Герой Советского Союза, он позиционировал себя как бывший партизан. Меня как-то насторожило, что он довольно неохотно шел на контакты, срывал назначенные встречи, не приезжал в ЛОР-отделение. И тогда мне искушенные люди объяснили, что наша работа может идти в разрез с его личными интересами, ведь он заинтересован в том, чтобы глухих людей не становилось меньше. Но не тут-то было! Я вспомнил, что учился в институте с Леонидом Ивановичем Дорофеевым, бывшим в ту пору заведующим отделом социальной помощи в ЦК партии. Пришлось пожаловаться ему на поведение председателя ВОГ, и буквально через несколько

дней тот «прилетел» в медсанчасть, внешне проявляя глубокую заинтересованность, но, в общем, все равно саботировал эту разработку. Кстати, в свое время на аналогичное отношение к своим разработкам со стороны Всесоюзного общества слепых жаловался и Святослав Федоров.

Начал я с примера отрицательного, но, к счастью, он оказался совершенно не типичным. В Советском Союзе многое — будь то стройка или научное исследование — держалось на энтузиазме. Однажды мне назначает встречу министр среднего машиностроения Е.П. Славский. Это было полузасекреченное ведомство, которое занималось производством изделий для оборонного комплекса. Отнесся Славский ко встрече очень серьезно. Собрал нужных людей, директоров заводов, руководителей конструкторских бюро и дал поручения, касавшиеся нашего проекта. По окончании собрания я спросил, почему он принял проблему глухих так близко к сердцу. «Я, знаете ли, всю жизнь работал на войну, многие годы потратил, можно сказать, на разработку способов убийства людей, а сейчас так хочется восполнить это». Оказалось, так думают многие военные.

Еще одним полезным советом Ю.М. Лопухина было искать поддержки влиятельных людей, у которых есть глухие дети. Выяснилось, они есть у ряда деятелей науки и культуры... Не помню точно, но какое-то содействие они оказали. Нужно сказать, что все старались помочь, причем бескорыстно. Когда мы прооперировали первых пациентов (это было в 1982 году), Лопухин посоветовал «застолбить» этот метод в СССР. Материал собран, книжка написана, обращаюсь в издательство «Медицина». Директор издательства академик Ю.П. Лисицын прочитал, вызывает меня и говорит: «Издаем незамедлительно». Книга вышла через 6 месяцев, хотя в то время средний срок для изданий был 3–4 года.

Работа над созданием импланта напоминала бег с препятствиями. Нужна оболочка для импланта. Современный завод по изготовлению слуховых аппаратов находился в Таллине. Уже через три

месяца «медлительные» эстонцы привезли образцы. Возникла проблема с микроэлектроникой. Ее производство было сосредоточено в Зеленограде. Начинаются бесконечные поездки, и снова — все поддерживают, в том числе военные, ведь все схемы на строгом учете, но их умудряются как-то доставать. Для проведения кохлеарной имплантации нужны электроды. К кому обратиться? Решил поехать на Украину, где был завод по производству проводов. Приезжаю в Каменец-Подольский. Директор вызывает главного инженера, у того дочь поступает в медицинский институт в Киеве, перспективы неясны. Получаю предложение: примите во 2-й Мед, девочка — отличница, будут электроды. Звоню в Москву, ректору Лопухину, тот очень поддерживает эту разработку и немедленно отвечает: «Наука требует жертв, принимай предложение». А дальше завод с неподдельным интересом разрабатывает электроды, да еще и из драгметаллов — платиново-иридиевый сплав. Они у меня до сих пор хранятся. Приняли ли девочку? Не знаю, но судя по энтузиазму — да.

Юрий Михайлович Лопухин организует визит тогдашнего председателя Государственного комитета по науке и технике Гурия Ивановича Марчука к нам в ЦНИЛ. Тот приезжает в окружении чиновников. Спрашиваю, сколько времени у меня для доклада, отвечает — 15 минут. Ректор понимает, что этого мало, говорит мне на ухо: «Иди к лифтерше, пусть лифт „сломается“». Докладываю. Марчук раздает поручения, видно, что ему нравится. Но спешит на заседание Совета министров. На 15-й минуте идем к лифту на 6-м этаже. Едем вниз, а лифт «внезапно» останавливается на 5-м. Я продолжаю ему что-то объяснять. Минут 10 стоим, затем лифт спускается вниз. Главное — он понял проблему.

Мы с А.Н. Ремизовым получаем приглашение на Конгресс по кохлеарной имплантации в Париже. Всего в шести странах мира (!) делают эту операцию, и приглашение очень почетно для нашей страны. Начинаем оформление документов для поездки. Юрий Михайлович волнуется, звонит в Минздрав, Государственный комитет по науке и технике... и вдруг за две недели до отъезда сооб-

щает нам, что все сорвалось по неизвестной причине. Предполагали что угодно, но оказалось все до примитивного просто. Буквально перед нашей поездкой заболел пневмонией секретарь компартии Болгарии Вылко Червенков. На лечение направлен наш крупный академик. Не хватает валюты. Приняли решение убрать некоторые «излишние» поездки за рубеж, в том числе и нашу. Более того, мы не только «отказались», но и написали президенту Конгресса профессору Портману, что решение обосновано политическими причинами, в связи с организованной западными правительствами акцией по поводу сбитого южнокорейского самолета. Тем не менее француз прислал нам труды Конгресса и, конечно, в какие-то политические причины не поверил.

По приглашению знаменитого оториноларинголога, одного из основоположников кохлеарной имплантации Грэма Кларка я посетил Мельбурнский университет, где он заведует кафедрой, а в описываемое время был деканом факультета. Приезжаю в клинику в назначенное время, к 10 часам утра. Меня встречает доцент Пайман, извиняется за Кларка, того неожиданно вызвал ректор. Через полчаса звонит Кларк, интересуется, встретили ли меня, советует зайти в бар, попить пива, поскольку совещание у ректора может затянуться. Переносит общую встречу и конференцию на три часа. Пайман гостеприимен, показывает университет, пьет пиво и т. д. Кларк звонит буквально каждые полчаса, чистый интеллигент, чувствует себя неудобно, приезжает действительно к трем. Собирает коллектив, приглашенных и демонстрирует нескольких больных. В заключение преподносит мне собственную книгу с трогательной надписью. Но выражает опасение, как бы не было перевеса багажа — книга тяжелая. Я тоже достаю книгу, которую привез в качестве подарка, — «Аллергические заболевания верхних дыхательных путей», достаточно увесистую, и успокаиваю, что компенсирую этим перевес. Оба смеемся, довольные. Кларк просит сделать фото на память, оно у меня есть *(на вкладки)*.

Эта история имеет неожиданное продолжение. Несколько лет тому назад я был приглашен в Тулузу на Съезд по кохлеарной

имплантации в качестве почетного гостя. За рубежом меня называли «The father of Russian cochlear implantation» («Отец российской кохлеарной имплантации»). Узнаю, что должен прилететь из Австралии Кларк, ужасно хочется с ним встретиться. Прошло лет 20. Узнает ли меня? И вот его привозят на конференцию, кругом толпа, журналисты, телевидение. Коротко объясняю мотивы встречи его помощнице, она все понимает и подводит меня к Кларку. Он меня узнает, более того, говорит: «Вы тот русский, который подарил мне оранжевую книгу». Завязывается разговор, пытаюсь объяснить, почему у меня такой плохой английский. Рассказываю, что когда я учился в школе и институте, то хорошее знание английского языка вызывало подозрения и не приветствовалось, поскольку могло свидетельствовать о шпионаже. Как назло никак не могу вспомнить, как по-английски будет «шпион». И вдруг приходит в голову сравнение со Сноуденом. Говорю: «As Snowden». Кларк оказывается человеком с чувством юмора, все понимает и смеется. Вспоминаю историю, рассказанную им еще в Мельбурне. К Кларку приехал врач из Германии. После встречи Грэм подарил немцу специально сделанный для гостей сувенир — кохлеарный имплант без начинки, игрушка. Через какое-то время получает письмо: «Уважаемый доктор Кларк, я сделал операцию, установил Ваш протез, но больной ничего не слышит...»

Еще одно воспоминание о времени, относящемуся к началу истории кохлеарной имплантации в СССР, да и во всем мире. Первые такого рода операции были проведены в США профессором Хаусом. К нему на учебу потянулись врачи из разных стран. Хаус снял операцию на видео и продавал кассеты по 200 долларов. Однажды в нашей клинике раздается телефонный звонок. Звонила коллега из Варшавы, которая через Москву возвращалась от Хауса. Она везла с собой кассету с записью операции и предлагала мне ее посмотреть. Сложность была в том, что в Москве она была всего один день. Докладываю куратору института в КГБ, что мне необходима эта встреча, объясняю практическую важность просмотра видео, и он

дает добро, но рекомендует на встречу взять кого-нибудь еще. И вот мы с профессором Ремизовым на пороге гостиничного номера в ожидании просмотра операции... К несчастью, выясняется, что системы советского и американского телевидения не совпадают. Мы берем кассету с собой и целый день пытаемся найти возможность устроить просмотр операции... увы, безуспешно... Спустя время я лечил пациента с Лубянки и рассказал ему эту историю. «Что же Вы не обратились к нам? Мы с радостью помогли бы в таком благородном деле!» Действительно, как же я не догадался!

В этой главе я описал злоключения, которые происходили вокруг решения проблемы кохлеарной имплантации, поскольку эта книга предназначена для широкого круга читателей. Для специалистов нами выпущены две монографии. Но нигде до этого не были описаны наши человеческие переживания, которые сопровождали первые операции. А они, конечно же, были. Помню, как у одного больного после вскрытия лабиринта возникали приступы рвоты и головокружения при малейших движениях головы, и как мы сидели около него трое суток, не зная, чем все этого кончится. Но вспоминается и радость, когда наша первая пациентка Надя К., оглохшая после введения стрептомицина, которым ее спасали после операции по поводу внематочной беременности, выступила на заседании Московского научного общества и спела песню об олимпийском Мишке (а оглохла Надя задолго до Олимпийский игр в Москве и слышать эту песню раньше никак не могла).

Десятки лет прошли, и теперь я понимаю: в творческом отношении это были самые лучшие годы моей жизни! Помогали все — учителя, друзья, малознакомые люди просто из искренних побуждений. Да, многое изменилось...

Узнав о том, что я готовлю книгу воспоминаний, и, конечно, предполагая, что в ней будет глава, посвященная кохлеарной имплантации, мой давний друг из ФРГ профессор Михаэль А. Попп, председатель правления компании «Бионорика», прислал мне такое письмо: «Дорогой Михаил!

В эти непростые для многих времена особенно ценным становится помнить о близких — о семье, друзьях, многолетних партнерах и стремиться поддерживать друг друга, пускай и на расстоянии. Мы знакомы более 20 лет, но Ваша профессиональная деятельность, в частности направленная на развитие в России кохлеарной имплантации у детей, имеет гораздо больший стаж. Я хочу поблагодарить Вас за плодотворное сотрудничество, за Ваше участие в наших проектах и мероприятиях, поддержку наших начинаний. Желаю Вам многих лет бодрости — для новых свершений и глав в автобиографии». Спасибо, дорогой друг!

Глава 5. Предшественники и современники

Хочется поделиться с вами воспоминаниями об известных клиницистах, ведущих оториноларингологах, терапевтах, ревматологах, хирургах, с которыми меня сводила судьба в разные годы жизни. Все они были людьми неординарными и заслуживают того, чтобы новые поколения помнили о них.

* * *

Основатель нашей кафедры детской оториноларингологии Иван Иванович Щербатов был очень интересной личностью. Родом из Одессы, человек способный, хорошо знавший английский язык, что в те времена было редкостью даже среди профессуры. Но главное, он был прекрасным хирургом — очень смелым, брался за любые операции. Правда, у него была, как теперь говорят, мощная «крыша»: он, можно сказать, дружил с Лаврентием Павловичем Берией. Иван Иванович, еще будучи ассистентом, женился на дочери своего шефа — Василия Кузьмича Трутнева. Она была способным офтальмологом и хорошим организатором, много лет успешно руководила Научно-исследовательским институтом глазных болезней им. Гельмгольца. В 30-е годы В.К. Трутнева перевели из Казани в Москву, и он стал консультантом Кремлевской больницы. Министром здравоохранения в те времена был С.В. Курашов, как раз выходец из Казани, и по его протекции многие способные ученые из Татарстана оказались в столице. И.И. Щербатов полу-

чил отдел в московском НИИ оториноларингологии и однажды вместо тестя приехал на консультацию к Л.П. Берии, который жил на улице Алексея Толстого, напротив Филатовской детской больницы. Берия страдал фарингитом. Заболевание распространенное, безобидное, но мешающее наслаждаться едой. Иван Иванович смазывал ему заднюю стенку глотки раствором Люголя, и временно все симптомы проходили. Берии этот метод нравился, да и сам Иван Иванович пришелся ему по душе — грубоватый, прямой, довольно остроумный. И Берия, когда приезжал домой обедать, стал приглашать к себе Щербатова, благо тот тоже был не дурак хорошо покушать и выпить вина. Однажды Берия спросил Щербатова:

— Иван, а где ты работаешь?

— В Боткинской.

— Так тебе далековато ездить. А что это за больница напротив, на Садовом кольце?

— Там филиал кафедры Бориса Сергеевича Преображенского.

— Ну, этот вопрос мы решим.

На следующий день Бориса Сергеевича вызывает ректор 2-го Медицинского института М.Г. Сироткина и предлагает ему отказаться от базы в Филатовской больнице в пользу Щербатова. Борис Сергеевич возмутился, но в ответ Мария Гавриловна объяснила, что это решение такого человека, с которым спорить не рекомендуется. Конечно, профессор Преображенский был уязвлен, тем более что руководил этим детским филиалом его сын Юрий Борисович Преображенский. Но пришлось смириться. Так они стали врагами.

Когда же началось «дело врачей», Щербатова ввели в комиссию по анализу историй болезни руководителей страны, которых лечили эти самые «враги народа». Справедливости ради нужно отметить, что особой активности Иван Иванович не проявил, хотя, конечно, и отказаться не мог, иначе и сам мог оказаться пособником «врагов». И когда Бориса Сергеевича посадили в тюрьму, он, естественно, занял его место. Щербатов был человеком умным и не

мог не понимать, что все это сфабриковано. Свидетельством этому его поведение на новой кафедре. Так, он не занял профессорский кабинет, а попросил отвести ему палату. Однажды спросил лекционного ассистента Ю.Н. Волкова (дословно): «А как эту лекцию читал Борис Сергеевич?» Это-то убийца и враг?! Никого не уволил, взял только на кафедру М., к которой был равнодушен. Я в те времена был студентом-кружковцем. Щербатов меня знал через отца, к которому он благоволил.

У Щербатова была дочь, студентка педиатрического факультета. И вот она стала посещать кружок на кафедре лечебного факультета, где я был помощником руководителя. Однажды встречает меня в главном корпусе Иван Иванович и вдруг говорит: «Ты что на моей дочке не женишься? Знаешь, какой я богатый!» Кстати, Ольга действительно была очень хорошей девушкой, правда, в личной жизни ей впоследствии не повезло. Когда «дело врачей» после смерти Сталина закончилось, Иван Иванович тут же вернулся к себе на детскую кафедру.

В дальнейшем отношения Преображенского и Щербатова складывались любопытно. Конечно, Борис Сергеевич в душе считал Ивана Ивановича злейшим врагом, но ведь они работали в одном институте, по одной специальности, и неизбежно было много точек соприкосновения. Был заключен в общих интересах негласный мир. Но однажды Борис Сергеевич мне пожаловался, что не знает, как поступить на предстоящем чествовании по поводу 70-летия. Оно должно было происходить в клинике 4-го Управления на улице Грановского. «Что мне делать, — сокрушался Борис Сергеевич, — ведь Щербатов при поздравлении и вручении адреса будет пытаться меня расцеловать, я этого категорически не желаю». И вот вечером накануне торжества вдруг раздается его звонок: «Михаил Рафаилович, я придумал, как поступить! Он раскроет объятия, а я в это время низко ему поклонюсь...» Так и произошло.

Умирал Иван Иванович Щербатов тяжело. Он страдал диабетом, и уже в преклонном возрасте ему ампутировали ногу. Но он оказался человеком мужественным, работал до последнего, на костылях.

* * *

Ответственным секретарем журнала «Вестник оториноларингологии» был профессор Л.В. Нейман, личность блестящая. Он, кстати, был однокурсником и товарищем моего отца. У него была сложная профессиональная биография: во время войны он был начальником госпиталя для контуженных, потерявших слух бойцов, затем работал консультантом в специализированной поликлинике для глухонемых, позже заведовал кафедрой дефектологии в Педагогическом институте. С ним приключилась такая история. Он помог больному с потерей слуха, и тот пригласил Льва Владимировича в гости. Входит профессор в квартиру и слышит необычный голос: «Докторррр Нейман лечит уши, докторррр Нейман лечит уши». Оказалось, специально к его приходу научили попугая. Немалых трудов это стоило. Лев Владимирович был очень тронут.

* * *

Как-то везу Якова Соломоновича Темкина на дачу, по тем временам очень неплохую, естественно, по Казанской железной дороге. Доехали. Спрашивает, нравится ли мне дом. Отвечаю утвердительно. Это гонорар, говорит, за книгу «Глухота и тугоухость».

Да, были времена, когда на эти деньги можно было дачу построить.

* * *

Дочь Я.С. Темкина Изабелла была замужем за профессором Валентином Иосифовичем Калиной. Я готовился к защите кандидатской диссертации, и Борис Сергеевич посоветовал мне просить Валентина Иосифовича выступить в качестве оппонента. Как-то поздно вечером в моей квартире раздался телефонный звонок. Слышу встревоженный голос Бориса Сергеевича: «Вы уже договорились с Калиной? Еще нет? Это очень хорошо». Оказывается, он выяснил, что Калина разводится с дочерью Темкина. Великий психолог был Борис Сергеевич.

Профессор Калина считался любвеобильным, женился 6 или 7 раз. Комментарий моего отца: «Просто очень порядочный по отношению к женщинам человек, считает обязательным жениться на каждой, с которой переспал».

* * *

Одна из самых распространенных в оториноларингологии болезней — хронический тонзиллит (воспаление небных миндалин). И многие годы ученые ведут дискуссию: удалять миндалины или нет. На одном из съездов оториноларингологов выступил профессор Темкин и заявил: «Нет проблемы хронического тонзиллита; есть проблема, как уложить пациента на операцию». И действительно, это было трудно, потому что не хватало коек, и нужно было ждать операции по несколько месяцев.

* * *

Вхожу с отцом на заседание Московского научного общества оториноларингологов. Встречаем Темкина, здороваемся. Яков Соломонович, кивая на меня, спрашивает отца: «Что, Рафаша, ты теперь на живчика ловишь?»

Яков Соломонович вообще был очень остроумным человеком. После окончания «дела врачей» его на кафедре не восстановили, а он был врожденным педагогом, и вдруг оказался без аудитории. На какое-то время этой аудиторией стал я. После заседаний Московского общества оториноларингологов мы часто ходили пешком до Арбата, где он жил, и я заслушивался его историями. Одна запомнилась особенно. Рассказывает: «Осматриваю глотку пациентки, удивляюсь увиденным и спрашиваю: „Какой же коновал удалял Вам миндалины?“ Отвечает: „Профессор Темкин!“».

Как-то Яков Соломонович сказал своему ассистенту Исааку Гольдману: «Исаак, ты не просто красив, ты возмутительно красив!». Это было правдой.

Когда Яков Соломонович умер, на его поминках была только водка и очень много черной икры — все, как он просил своих дочерей.

* * *

Мой друг Марк Шустер очень любил писать статьи в журналы, в частности в «Вестник оториноларингологии», в редколлегию которого входил еще один мой близкий товарищ Юрий Михайлович Овчинников, остроумный и язвительный по характеру человек. Однажды мы собрались общей компанией, и Марк жалуется, что его статьи с трудом проходят редколлегию. Ответ Овчинникова: «Да ты устроил целую Шустериаду!» Чуть не подрались...

* * *

Мы с Владимиром Тимофеевичем Пальчуном — молодые ассистенты. В клинику приходит очень миленькая медсестра. Обращаем на нее внимание, и не без успеха... Через какое-то время она поступает в институт и исчезает из виду. Проходит несколько месяцев, и она звонит с просьбой дать справку, что болела. Причина: пропустила экзамен в институте, и теперь ей грозит отчисление. В память о прежней дружбе пишу справку, что она обращалась в стационар для удаления инородного тела из горла. Все довольны. Но позже выяснилось, что она делала криминальный аборт, было кровотечение, поэтому и экзамен пропустила. Дело на контроле в МВД, в общем, «пахнет керосином». Нужна вторая подпись врача для достоверности. Обращаюсь к Пальчуну. Он только спросил, где подписать. Настоящий друг.

* * *

Среди оториноларингологов был известен очень хороший специалист Борис Ш. Но у него было слабое место: он очень любил писать, настоящий графоман. И вот он подал в Союз писателей заявление с просьбой принять его в члены и, видимо, от волнения сделал ошибку в ключевом в этой истории слове — «песателей». Говорят, что сохранилась резолюция А.А. Фадеева на этой бумаге: «В пез** таких песателей».

* * *

Иногда жизнь устраивает такие парадоксы... После кончины Ивана Ивановича Щербатова кафедру возглавила его ученица И.Л. Кручинина, а затем, в 1985 году, кафедрой стал заведовать я, ученик Бориса Сергеевича Преображенского. Кстати, на этой кафедре при Иване Ивановиче работал доцент Соломон Исаакович Вульфсон. Замечательный человек, очень мягкий, прекрасный специалист. Вместе с профессором А.И. Фельдманом они написали первый в СССР учебник по детской оториноларингологии. Вульфсон был женат на дочери Фельдмана Валентине Александровне, тоже оториноларингологе, консультанте Большого театра. У него была дочь Марина, естественно, Соломоновна. Затем они развелись, и Валентина Александровна вышла замуж за известного гроссмейстера Евгения Загорянского. Тот Марину удочерил, и она стала Мариной Евгеньевной. Это все обычные житейские дела, но, к сожалению, Марина по решению мамы прекратила все отношения с родным отцом, который очень переживал такую незаслуженную обиду. Он, кстати, учился на одном курсе с моим отцом, и они очень хорошо относились друг к другу.

* * *

Профессор Андрей Гаврилович Лихачев очень заботился о своем здоровье. Он одно время был редактором журнала, а также заведовал кафедрой в 1-м Мединституте. Входя в зал, первым делом закрывал все форточки. Однажды говорит мне: «Вот твой Борис Сергеевич все ездил в Кремлевку к вождам, не щадил себя, а где он теперь? (к тому времени Борис Сергеевич уже скончался) А я, как видишь, работаю еще...»

* * *

У одного из министров здравоохранения был рецидивирующий полипоз носа. Его по этому поводу оперировали несколько раз. Как известно, одной из частых причин повторного роста полипов является аллергия. И все шло к тому, что будет открыт новый

институт аллергологии. Уже были готовы и здание, и структура. Я в этом институте должен был получить ЛОР-отдел. И вдруг полипы у министра перестали расти, и он потерял интерес к аллергологии. Так в Москве вместо Института аллергологии был открыт Институт иммунологии (сначала во главе с Р.В. Петровым, а затем К.П. Кашкиным).

* * *

Не помню точно, в каком году, врачам были повышены зарплаты. Министр здравоохранения В.В. Трофимов приехал в Государственный научно-технический комитет, и там его все поздравляют с этим решением. «А мне-то что, — отвечает. — Жена как давала полтора рубля на обед, так и дает...»

* * *

Съезд оториноларингологов в Нижнем Новгороде. Заключительный банкет на теплоходе. Мы с Пальчуном приезжаем на пристань, а теплоход с профессурой уже отошел от причала. Слышим разговор, видимо, провожавших аспирантов: «Слушай, а если пароход утонет, сколько мест сразу освободится!» А ведь многие так думают...

* * *

Во время войны правительство было эвакуировано в Куйбышев. Лечсанупр Кремля также. К Борису Сергеевичу Преображенскому приезжает секретарь обкома. У него маленькая доброкачественная опухоль голосовой связки — фиброма. Спрашивает, что с ним будет. Преображенский предлагает утром натошак приехать для небольшой операции. Через час телефонный звонок от профессора, заведующего кафедрой местного вуза: «Что Вы наделали! Я же ему (секретарю) сказал, что опухоль может перерасти в злокачественную, держу его на поводке, уже и новое здание для клиники построили с его помощью. Вы приехали и уехали, а нам здесь жить!»

* * *

В Смоленске работал профессор Иван Яковлевич Сендульский. Он был прекрасным ЛОР-хирургом, написал несколько хороших книг. Потом переехал в Москву, руководил ЛОР-клиникой в МОНИКИ. Выступает на заседании Московского научного общества и говорит: «Нам партия и правительство доверили ухо, горло и нос советских людей!». А что, верно!

* * *

Мало кому известно, что жена министра внутренних дел СССР Н.А. Щелокова Светлана Владимировна была очень неплохим оториноларингологом, работала на кафедре сначала Медикостоматологического, затем 1-го Медицинского института. Даже была соавтором ряда толковых монографий. Умная, честная и с очень хорошим характером. Ее шефом был мой старший товарищ, друг Юрий Николаевич Волков. Мы несколько раз вместе ходили на хоккей. Просто судьба сложилась трагически, такие были времена...

* * *

К ленинградскому профессору Мариусу Стефановичу Плужникову пришла за отзывом на диссертацию молодой врач. Она изучала диагностику и лечение заболеваний основных пазух в раннем детском возрасте. Девушка была симпатичная, скромная, располагала к себе. Мариус ей говорит: «Танечка, я отзыв Вам, конечно, дам, но... между нами: мы-то знаем, что у таких детей основных пазух еще нет».

* * *

Тбилиси. Мы в гостях у доктора Вахтанга Нацвилишвили. Прекрасный грузинский стол, вино, тосты... Время от времени в гостиную заглядывает теща хозяина дома: «Вахтанги...» Тот послушно выходит и возвращается через 10–15 минут. Так происходило несколько раз. Стало любопытно, решил выйти за ними. Оказывается, что в соседней комнате оборудована

небольшая операционная. Теща готовит ребенка, выкладывает инструменты. Вахтанг проводит аденотомию и возвращается к гостям...

* * *

Еще одна грузинская история. Обход делает профессор Ч. Он подходит к пациенту, деревенскому жителю, которого оперировал накануне. Врач докладывает, что после операции появился паралич лицевого нерва (а это вина хирурга). Ч. не теряется и грозно спрашивает: «А до операции у тебя было перекошено лицо?» Пациент молчит, похоже, вообще плохо понимает по-русски. Профессор торжествующе восклицает: «Сволочь! Скрыл врожденный паралич!» Находчив...

* * *

Анатолий Иннокентьевич Нестеров, выдающийся ревматолог, возглавлял кафедру факультетской терапии 2-го Медицинского института. Он прожил долгую жизнь. Какое-то время оставался вдовцом, а потом вновь женился — на молодой женщине. Брак этот состоялся не сразу, поскольку жених был неординарной личностью, консультантом членов Правительства, лауреатом Ленинской премии, а главное, слишком уж велика была разница в возрасте — около 50 лет.

Как-то я сидел у Анатолия Иннокентьевича в кабинете. Он вышел на минуту. Раздается настойчивый телефонный звонок, снимаю трубку и слышу голос жены: «Дедуля, здравствуй...» Я знал об этой семейной паре не понаслышке, поскольку дружил с сыном Нестерова, Сергеем, с которым вместе играли в волейбол за институт.

Здание, где находилась кафедра факультетской терапии, было в жутком состоянии. Однажды у меня в кабинете раздался телефонный звонок, слышу голос Нестерова: «Михаил Рафаилович, бросайте все и немедленно ко мне в кабинет! Вы нужны как

секретарь партийной организации». Бегу на территорию Первой Градской, поднимаюсь по лестнице, захожу в кабинет и вижу: сидит перепуганный Анатолий Иннокентьевич, рядом стоит бледный главный врач Андрей Лысов, а на письменном столе лежит громадный кусок штукатурки с потолка. Повезло.

* * *

На кафедре у А.Н. Нестерова работал очень интересный человек, доцент Баранович Максимилиан Казимирович. Его жена Нина Владиславовна была аллергологом-терапевтом и работала на соседней кафедре. Баранович блестяще читал лекции, его обожали студенты и особенно студентки. Ему нравилось общаться с молодежью! Как это часто бывает у талантливых людей, страдал «российской болезнью». Его нередко можно было встретить в гастрономе напротив Первой Градской, где продавали водку в розлив, и студенты метко окрестили этот магазин «У Барановича». Мне кажется, так его называют и до сих пор, хотя уже никто не помнит самого Максимилиана Казимировича.

* * *

Александра Николаевича Бакулева, заведующего кафедрой факультетской хирургии, я, к сожалению, застал на склоне его лет, когда порою он был неадекватен, например, при мне не узнавал своего доцента Рынейского, гневно кричал: «Вы кто такой, как попали ко мне в клинику?» Но уважением пользовался безоговорочным, хирургом был смелым и блестящим, первые операции на сердце в нашей стране — его заслуга. Он был из одной деревни с помощником Сталина А. Поскребышевым, который имел фельдшерское образование; они дружили, помогали друг другу, но, говорили, что в личных целях никогда не использовали возможности. Да и Сталин этого не любил. В конце жизни, как это часто бывает, среди его учеников разгорелась борьба за кресло. Ближайшие старшие ученики Мешалкин, Жмур воевали между собой и не брали в расчет самого молодого и талантливого — Виктора Сергеевича Савельева. А он не вступал ни с кем в борьбу, оперировал с утра до ночи, был

окружен молодежью, которая к нему тянулась. И в конечном итоге все устроилось таким образом: Е.Н. Мешалкин организовал Центр сердечно-сосудистой хирургии в Новосибирске, с ним уехали Медведев, Натрадзе, Францев и другие. А в Бакулевской клинике продолжили работу сторонники Виктора Сергеевича: В. Буянов, Е. Яблоков, А. Кириенко, И. Затевахин, Э. Думпе и другие. Рядом был организован Институт сердечно-сосудистой хирургии во главе сначала с С.А. Колесниковым, а затем В.И. Бураковским, практически это была одна школа. В период становления отечественной кардиохирургии случались и печальные исходы. После одного из них пришел мужчина, родственник скончавшегося пациента, вызвал хирурга и прямо на лестнице выстрелил во врача, пуля выбила ему глаз. В качестве некоей «компенсации» врач был переведен с должности просто научного сотрудника на должность старшего научного сотрудника.

* * *

Игорь Иванович Затевахин и Эдуард Павлович Думпе, о которых я упоминал выше, были моими близкими друзьями. Игорь стал академиком, главным хирургом России. Нас сблизила личная история: в один год мы женились на трех студентках одного курса Юле, Алле и Марине. Игорь вообще свою жену «свел со двора» у известного и обеспеченного журналиста Ц.

Рано умерли Женя Яблоков, Эдик Думпе, Валя Буянов, да и Виктор Сергеевич мог бы еще пожить и поработать. Он ко мне тепло относился, многие его советы для меня бесценны до сих пор. Тяжелая работа у хирурга, да и нервная...

* * *

Клинику акушерства и гинекологии 2-го Медицинского института возглавлял профессор Л.С. Персианинов, а у него ассистентом работала Галина Михайловна, ставшая позднее супругой Виктора Сергеевича Савельева. Конечно, злые языки считали, что успехи Галины Михайловны связаны с поддержкой Виктора Сергеевича, но я знаю эту кухню изнутри, и все, кто был рядом, понимали,

какая талантливая и незаурядная это женщина. В ней сочетались хирургические способности, научное предвидение, педагогический дар и красивая внешность с гордой осанкой, что также немаловажно. Думаю, если фамилия Савельева и играла какую-то роль, то только на первых порах. А вот Виктор Сергеевич приобрел не только прекрасную жену, но и верного друга. Совсем недавно Галина Михайловна стала Героем Труда России.

* * *

Кафедрой общей хирургии нашего института заведовал Юлий Ефимович Березов. Его отец, выдающийся российский хирург, работал в Нижнем Новгороде. Юлий Ефимович хирург был смелый, любил оперировать и отличался еще и тем, что очень шумно и экстравагантно вел себя во время операции. Он воспитал много учеников, был весьма честолобив, но никак не мог получить звание Заслуженного деятеля науки. Говорили, что из-за еврейского происхождения. И тут свою положительную роль сыграл В.С. Савельев, лично упросивший тогдашнего министра здравоохранения Б.В. Петровского. Звание Березову в конце концов присвоили, но жизнь его закончилась неожиданно печально. На кафедре у Березова работал ассистентом Юлий Крелин. Он считался писателем, написал несколько неплохих книжек, в основном посвященных профессии врача. В какой-то момент отношения Березова с Крелиным испортились. Дальше события развивались почти мистически. Крелин написал книгу о работе клиники, где вывел Березова под другой фамилией. По ее содержанию, шеф умирает от рака желудка. Так вот, в это трудно поверить, но Юлий Ефимович действительно через какое-то время заболевает и умирает от этой болезни. Мистического ужаса добавляет еще тот факт, что рак желудка был основным научным и хирургическим направлением его работы.

* * *

На базе Первой Градской больницы располагалась и кафедра патологической физиологии, которую возглавлял Андрей Дмитриевич Адо, талантливый и необычный человек. Он разрабатывал в то

время совершенно новое перспективное направление — аллергологию, ему нужно было опираться на видных клиницистов, и он искал их дружбу, в частности Бориса Сергеевича Преображенского. Их многолетний научный контакт способствовал развитию такого направления, как аллергия ЛОР-органов. Из нашей и его кафедр вышел целый ряд диссертаций, в том числе и моя кандидатская, посвященная значению аллергии при гайморитах. Борис Сергеевич рассказывал историю, которая послужила толчком к изучению аллергии. Аллергическим ринитом страдал Вячеслав Михайлович Молотов, глава Правительства и министр иностранных дел. Однажды при подписании какого-то важного договора у него из носа закапала жидкость и попала на важную бумагу. Он был очень расстроен и поручил Борису Сергеевичу срочно заняться этими болезнями.

Андрей Дмитриевич обладал довольно необычной внешностью. Сам он был очень подвижный, энергичный, на первый взгляд, не от мира сего. Однажды мы с его сотрудниками обсуждали пациента, у которого была аллергия на исландскую селедку. Ввели аллерген под кожу, и неожиданно у больного начался приступ бронхиальной астмы. Далее описываю возникшую сцену: мы с врачом-пульмонологом И. Порошиной ищем вену, чтобы ввести гормон, над нами стоит научный сотрудник А.А. Польшер и фотографирует отекающую руку и задыхающегося больного, а вокруг стола, где лежит больной, бегают Андрей Дмитриевич с ужасом в глазах и причитаниями. Все закончилось благополучно, из угрожающего состояния пациента удалось вывести, но он написал жалобу, где были такие слова: «Меня лечили врачи И. Порошина и М. Богомильский и „некто Адо“». Не похож он был на академика...

* * *

Михаил Васильевич Громов возглавлял кафедру травматологии. Он был прекрасным специалистом, имел громадный клинический опыт. Фронтвик, физически очень сильный, настоящий мужчина, хороший товарищ. Мы жили с ним в одном доме, часто встречались, конечно, выпивали. Оратором он был неважным, однажды сказал мне: «Я получил медаль ВДНХе». Светлая ему память!

* * *

Кафедрой пропедевтики внутренних болезней заведовал А. Шелагуров. Кроме того, он консультировал в 4-м Управлении. Как терапевта я знал его плохо, но слышал, что способных людей на кафедре он слегка притормаживал. Так, однажды ко мне как к секретарю партийной организации обратился его доцент В. Мурашко с необычной просьбой — поспособствовать тому, чтобы шеф прочел его докторскую диссертацию, которая лежала на его столе около года. Дело щепетильное, но мы разработали целый план. Я пришел с комиссией на кафедру якобы для проверки хода выполнения научных работ. Комиссия выяснила, что Мурашко не уложился в срок, возникло предложение дать ему строгий выговор и указать научному консультанту — Шелагурову — на беспорядок на кафедре. Шелагуров, будучи беспартийным, побаивался всяких партийных замечаний и быстро диссертацию прочитал. Оказалось, что и партия могла быть полезной...

* * *

Академик, педиатр Нина Ивановна Нисевич прожила очень долго, до 96 лет. Была абсолютно сохранна — и умственно, и физически. И вот она поехала в Чехословакию навестить дочь, которая там жила постоянно. Погостила недели две–три, а когда настала пора возвращаться домой и Нина Ивановна стала прощаться, внучка, девочка лет 7–8, ей и говорит: «Бабушка, как мне жаль, что у вас в стране эвтаназия запрещена...» Сердобольный ребенок.

* * *

Среди моих друзей — прекрасный детский кардиохирург Вячеслав Иванович Францев. К слову, это у него в МОНКИ в палате клиники проводили свой медовый месяц тогда бесквартирные Иосиф и Нелли Кобзон. Вячеслав Иванович был человеком компанейским, настоящим другом, довольно бесстрашным, во всяком случае — не приспособленец. Любил, как все мы, выпить, ино-

гда увлекался и не скрывал этого. Пришел к нему устраиваться на работу неплохой врач Сева Безбородов. Слава достал бутылку коньяку, они выпили, понравились друг другу, долго беседовали, оба были философски настроены. В итоге Слава сказал: «Сева, ты мне нравишься, я бы тебя взял. Но, понимаешь, ты человек выпивающий, и я человек выпивающий, а клиника у меня маленькая, всего семь хирургов, и двух алкоголиков будет многовато».

* * *

Сажу на лекции по физиологии. Читает профессор Эзрат Асратович Асратян. Рядом со мной мой друг грузин Леня Басилая, он дремлет. А Асратян увлеченно, громко произносит «Посылая импульсы...». Толкаю в бок Басилая: «Леня, он тебя вызывает...» Тот встает и покорно спускается к кафедре. Все смотрят с недоумением.

* * *

Кафедру урологии возглавлял блестящий хирург Николай Алексеевич Лопаткин. Я, кстати, учился у него в группе, когда он был еще аспирантом. Характер у Николая Алексеевича был непростой, но ему все прощалось за выдающийся талант и беззаветную преданность профессии. С В.С. Савельевым они дружили, но слегка ревновали друг друга как хирурги, в серьезных же вопросах поддерживали. Так вот, Николай Алексеевич был консультантом Кремлевки и лечил самого Брежнева. Специальность уролога, так же как, например, и стоматолога, всегда была связана с некоторыми подношениями, и на Лопаткина написали анонимку. Бумага попала ко мне как к секретарю партбюро. Прихожу, конечно, к Николаю Алексеевичу, которого я безгранично уважал, показываю ему письмо, вместе вырабатываем линию поведения, поскольку из райкома должна прибыть комиссия для проверки. Приходит комиссия, беседуем, показываем истории болезни... Звонит телефон, Николай Алексеевич снимает трубку, примерный разговор: «Здравствуйте, Леонид Ильич! Вы в Киеве? Когда прилетаете, завтра? Конечно, буду. В какое время Вам удобно?». Комиссия быстро ретируется.

Николай Алексеевич рассказывал мне такую историю. Брежнев ему жалуется: «Коля, в Кремлевке никак не могут сделать мне хороший зубной протез, все равно шепелявлю». Лопаткин советует: «Леонид Ильич, найдите хорошего частного специалиста-еврея, он Вам все сделает». Леонид Ильич обещал подумать...

* * *

Очень многим в своей творческой судьбе я обязан тогдашнему ректору 2-го Мединститута Юрию Михайловичу Лопухину. Он был выдающийся человек, и каждая минута общения с ним была просто наслаждением. Многие годы я работал рядом в ректорате, знал его замечательную супругу Надежду Сергеевну. В нем счастливо сочетались качества ученого, педагога, оратора. А в Минздраве его недолюбливали за самостоятельность мышления. Однажды говорит: «У нас в стране управлять очень просто: командуешь направо — все идут направо, командуешь налево — все идут налево». Однажды Юрий Михайлович заболел тяжелой ангиной, позвонил на кафедру. Дело происходило в летний период, шеф был в отпуске, и так я, тогда молодой ассистент, оказался в квартире Юрия Михайловича на Кутузовском проспекте. Осмотрел, поставил диагноз, назначил лечение, собираюсь уходить. Слышу, как Юрий Михайлович говорит жене: «Надя, пусть доктор возьмет ящик мандаринов, что мне грузины привезли». Пытаюсь отказаться, ведь для меня и так честь лечить ректора. На это Юрий Михайлович мне отвечает: «А вот Ленин врачам платил!»

* * *

Однажды с участием Ю.М. Лопухина произошел довольно комический случай. Наша компания, благодаря одному из товарищей, корреспонденту фотохроники ТАСС Борису Трепетову, оказалась в ресторане «София» на закрытом приеме, который устраивало болгарское посольство. Стоим у столика, выпиваем, закусываем. Вдруг в зале появляется Лопухин. Здесь нужно отметить, что Юрий Михайлович бальзамировал тело Георгия Димитрова,

болгарского вождя, и его на приемы всегда приглашали официально. В отличие от нас, ведь мы попали на это мероприятие исключительно потому, что Трепетов в это время встречался с дамой, которая была начальником протокольного отдела и имела доступ к приглашениям гостей. Так вот, Лопухин увидел меня и подзывает к себе. Повод оказался незначительным, он просил проконсультировать свою родственницу. Договорились, отхожу, и вдруг ко мне подходит метрдотель и приглашает в отдельный кабинет. Естественно, начал нервничать, захожу, там стоит накрытый стол. Ничего не понимая, возвращаюсь к друзьям, которые встречают меня дружным хохотом. Оказывается, во время разговора с Лопухиным они подозревали метрдотеля и сообщили ему, указывая на мою личность, что это инвалид, Герой Советского Союза, стоит на протезе, и ему а-ля фуршет очень тяжело и его нужно посадить к столику...

* * *

Даже будучи ректором, Юрий Михайлович Лопухин не оставлял работу в Мавзолее Ленина. Это давало ему возможность пользоваться правительственной связью, так называемой вертушкой. Ведь если звонок совершался по вертушке, то отказывать было не принято.

* * *

Едем с ректором Ю.М. Лопухиным к министру здравоохранения Т. Вопрос очень важный — о переводе Центральной научно-исследовательской лаборатории 2-го Мединститута в 1-ю категорию. От этого зависят зарплата, отпуска и т. д. нескольких сотен сотрудников. Через три дня нужно было ехать к заместителю министра финансов за окончательной подписью. А без Т. нельзя. Спрашивает, в какое время. Лопухин сообщает, что встреча в 11 утра. «В 11 точно не смогу — внук из пионерского лагеря возвращается». И я его понимаю...

* * *

Открывается новое здание 2-го Московского медицинского института в Тропареве. Митинг, приезжает первый секретарь Московского горкома партии В.В. Гришин, выступает, путает слова, ударения... Вслед за ним слово берет ректор вуза Юрий Михайлович Лопухин, академик, блестящий лектор, а тут не лучше Гришина. На следующий день встречаю Лопухина. Спрашивает, как впечатление. Отвечаю: «Все прошло прекрасно, но что это Вы так разволновались, не могли двух слов связать?» Смотрит на меня с хитрецей: «А ты что, хотел, чтобы я лучше Гришина выступил?» Не все так просто.

* * *

Спускаюсь по лестнице, навстречу профессор Бадалян. Его только что избрали заведующим кафедрой, весь светится и радостно сообщает: «Все, теперь любая дама моя!»

* * *

В 1991 году, когда М.С. Горбачев был отстранен от власти, он находился в Форосе. В состав делегации, вылетавшей в Крым, требовалось включить профессоров, которые удостоверили бы его «болезнь». Большинство под разными предлогами отказывались от этой миссии. Согласие дали двое врачей из нашего университета — Е. Гусев и Б. Барт. Конечно, они рисковали, но помочь больному для них всегда было делом чести.

Помню, как В. Пальчун с абсцессом глотки и температурой 39 градусов ехал на консультацию. Я четыре новогодних ночи провел в операционной Морозовской больницы. Но это было не исключением, а правилом. Так нас воспитали учителя. Вечная им благодарность.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЖИЗНЬ, ТЫ ПРЕКРАСНА!

Глава 1. Верные друзья

О некоторых друзьях мне хотелось бы рассказать особо. Это Юрий Николаевич Волков, Владимир Давыдович Копп, Давид Родионович Каплунов, Борис Константинович Шуркалин, Феликс Михайлович Яжгур, Леонид Михайлович Рошаль.

* * *

Юрий Николаевич Волков — мой старший товарищ, в определенном смысле заменивший мне отца. Очень разные по характеру, мы нуждались друг в друге. Много лет ежевечерне после программы «Время» вели разговоры на самые разные темы, но только не о политике. Любое замечание в этом отношении встречало со стороны Волкова такую реакцию: «Это не телефонный разговор». Он знал, о чем говорил...

Биография Юрия Николаевича удивительна. Родился в семье чекиста; его отец, Николай Иванович, был сменным шофером Серго Орджоникидзе. До революции родители жили в Петербурге и работали в службе то ли членов царской фамилии, то ли высших чиновников. Когда правительство переехало в Москву, многие предпочли не менять прислугу и взяли их с собой. Николая Ивановича я помню хорошо, хотя почти ничего о нем сказать не могу. Это был довольно хмурый, неразговорчивый человек. Когда в квартире появлялись люди, он тут же уходил к себе в комнату, ни с кем не разговаривал. Для этого, видимо, были основания. Как и

*Первый автомобиль. Сколько историй с ним было связано!
Кстати, изначально это был кабриолет с брезентовой крышей,
но потом провели, как сказали бы сейчас, тюнинг.*

полагалось в то время, он состоял в первичной партийной организации Кремля. И когда состоялся XVII съезд партии, на котором, в числе прочих, решался вопрос, кому быть генеральным секретарем — Сталину или Кирову, Николай Иванович неожиданно заболел, на предварительное заседание парторганизации не пришел и, естественно, не голосовал. Возможно, благодаря этому и остался живым (тот съезд получил название «расстрельного», т. к. огромное число его делегатов позже было репрессировано). Волковы жили в полуподвале дома Наркомата тяжелой промышленности, который в то время возглавлял Орджоникидзе. Кстати, когда Орджоникидзе застрелился, Николай Иванович одним из первых вошел в комнату и увидел эту жуткую картину. Но Сталин его не тронул, и умер Николай Иванович своей смертью.

Юрий Николаевич рассказывал, что до 1934 года, до убийства Кирова, обслуживающий персонал жил непосредственно в Кремле, дети играли все вместе, независимо от ранга родителей, учились почти все в одной школе на Знаменке. Семьи питались по талонам спецпайков в распределителе, который располагался на первом этаже «Дома на Набережной», там, где долгие годы потом был гастроном. Волков хорошо знал Василия Сталина, Светлану — меньше: она была маленькая и в компанию не допускалась. Юра поступил в МВТУ, а когда началась финская война, был мобилизован — тогда никому в голову не приходила мысль уклоняться от армии. Он сразу попал в гущу боевых действий на Карельском перешейке. По его рассказам, финны были хорошо подготовлены, все позиции пристреляны, были построены доты и дзоты. Если был приказ взять, например, высоту, как правило, погибало две трети роты или батальона, но Волков остался жив и был направлен в командное училище. Только начал занятия — Отечественная война, опять на фронт. Воевать пришлось недолго — попал в окружение. В том аду уже никто не понимал, где немцы, а где свои... Кто побежал налево, были убиты, кто направо — попали в плен, в том числе и Волков. В лагере отношение было ужасным, немцы свирепствовали, большинство пленных умирало от голода. Однажды кто-то пустил слух, что Волков еврей.

Его вывели перед строем и велели раздеться догола, только потом отпустили. Выжил он потому, что попал на работу в лазарет, ведь перед войной он успел окончить краткие курсы для фельдшеров и имел при себе значок с медицинским крестом. Кошмар продолжался до Сталинградской битвы, а потом в отношении к пленным произошел перелом, видимо, немцы поняли, что война может быть и проиграна. Дальше Юрия Николаевича перевели в лагерь на территорию Чехословакии, и его взяла в работницы какая-то немка средних лет. Никогда Волков не рассказывал мне об их отношениях, но я понимал, что он выжил благодаря им. В мае 1945 года в деревне появились наши мотоциклисты. «Русский?» — спросили они. «Да, пленный», — ответил Волков. «Сейчас не до этих деталей. Поехали с нами брать Прагу». Но после окончания войны все было уже не так просто. Специальная «фильтровальная» комиссия выясняла обстоятельства пленения, поскольку это считалось изменой Родине. И тут, как я понимаю, Волкову сумел помочь отец-чекист. Юрий вернулся в Москву и поступил во 2-й Мединститут, где мы и познакомились.

Разница в годах у нас с Юрой была большая — почти полтора десятка лет. Но меня почему-то приняли в его довольно пеструю компанию уже сложившихся людей. Там были крупные инженеры, ученые, даже заместитель министра, лауреат Ленинской премии и т. д. Время проводили интересно, например на зимний период снимали избу в Перхушково, ходили на лыжах, закусывали без претензий, чем бог послал, и были счастливы! А однажды мы на какое-то время оказались в компании с женами крупных военачальников. Получилось это потому, что среди наших подруг была акушер-гинеколог. Мы были довольно бедные люди (хотя этого и не понимали) и вдруг оказались среди роскоши. В генеральском доме в Ржевском переулке жил начальник штаба Объединенных Вооруженных сил стран-участниц Варшавского договора П.И. Батов, и мы вдруг оказались в этой квартире, поскольку были знакомы с его женой Ниной. Весь коридор в картинах, посуда, хрусталь... Он человек очень занятой, все время на работе, в разъездах. Также помню жен прослав-

ленных полководцев Телегина и Кравченко, вокруг которых мы, беззаботная молодежь, резвились. Но, узнав об этой истории, мой старший брат категорически запретил эти встречи. «Ты что, не понимаешь, с кем связался?! Да на тебя машина наедет, и никто разбираться не будет, почему!» А я и в самом деле долго не понимал, в чем я мог быть виноват?

Историй, связанных с Волковым, в том числе смешных или любопытных, было множество. О некоторых хотелось бы рассказать.

Наше первое знакомство состоялось в ЛОР-отделении Первой Градской больницы. Я студент 1-го или 2-го курса, прихожу вечером, открываю дверь ординаторской, вижу — сидят два врача. Это были Волков и его товарищ по ординатуре Коля Вознесенский. Спрашивают: «Кто ты? Чего пришел?» Отвечаю, что студент, а пришел... смотреть больных, помогать на операциях. Слышу: «Ну, вот пока ты не начал оперировать, бери авоську и три рубля, сходи в гастроном напротив и принеси шесть бутылок пива». Я пошел и принес «Жигулевское». И сразу у нас установились теплые отношения старшего и младшего. Действительно, Волков начал брать меня в ассистенты, а специалист и хирург он был прекрасный, стал моим наставником в оториноларингологии, да и, пожалуй, в жизни. Вместе мы проводили много времени, я подружился с его товарищами. Часто мы собирались, ухаживали за дамами...

По окончании аспирантуры у Бориса Сергеевича Преображенского Юрий Николаевич работал в Институте сердечно-сосудистой хирургии, затем в клинике Центрального института усовершенствования врачей под руководством Ивана Ивановича Потапова. Потапов его любил и, несмотря на одну историю, взял к себе ассистентом. А история такая. Иван Иванович вел студенческий кружок, помогала ему аспирант Валя Леонова. Очень симпатичная женщина, привлекала мужские взгляды, и я не был исключением. Поделился своими планами с Волковым, а он мне отсоветовал. Рассказывает, как он сам обжегся. Однажды Волков ее прижал на лестнице, со смехом Валентина Ивановна освободилась, но на следующий день Потапов при встрече сказал ему: «Юра, а ты ока-

зывается — шалун!» К его словам я прислушался. Впоследствии Валентина Ивановна работала в системе 4-го Управления, ездила с Булганиным и Хрущевым в заграничные поездки, следила за их голосом. Кстати, муж Вали был летчиком-испытателем.

Личная жизнь Юрия Николаевича как-то не складывалась. В институте он женился на студентке своего курса Людмиле, дочери актера театра имени Вахтангова, поэтому в те годы он вращался в театральном мире. Дружил с Юрием Любимовым, они вместе ездили в отпуск. Через какое-то время наступило взаимное охлаждение с женой. Мила жила своей жизнью, и связывала их только общая дочь. У Волкова появилась постоянная подруга, Алена, гораздо моложе, операционная сестра, искренне любившая его, кроме того, очень хороший друг. Мы много ездили вместе отдыхать, звали ее Штурманом. Появился сын, очень похожий внешне на Юрия Николаевича... Впрочем Волков продолжал жить в одной квартире с Людмилой и дочкой. Прошли годы, и Людмила, несколько постарев и перестав пользоваться интересом у мужчин, вновь обратила свое внимание на Волкова. Вначале он был несколько удивлен, но когда Мила «арестовала» его зарплату, забеспокоился. К Штурману он относился хорошо и расставаться с ней не хотел. История довольно обычная, но закончилась трагически. Желая напугать Юру, Мила наглоталась таблеток, и спасти ее не удалось. А дальше еще одна беда: от Волкова уходит дочь (вскоре она разбилась на машине). Из-за этих событий он вполне мог лишиться работы. Спасло его только то, что на его кафедре работала Светлана Щелокова, жена министра внутренних дел.

Волкова все обожали, но он был с некоторой ленцой и никак не мог сосредоточиться, чтобы закончить докторскую диссертацию. Профессор Я.С. Темкин как-то сказал ему: «Юра, возьми газету и перепиши текст, все равно никто против тебя не проголосует».

Однажды в квартире Волкова образовалась необычная компания, уж и не помню, по какому поводу. Его отец к тому времени умер, а вот друзья его в тот день пришли. Среди них было двое для меня

очень интересных людей: один из руководителей строительства ДнепроГЭС и сестра жены Орджоникидзе. Я, конечно, уединился с ними в комнате Николая Ивановича, а они, как это свойственно старикам, завалили меня историями. Вот одна из них. Считалось, что Сталин и Орджоникидзе — близкие друзья. Может, так оно и было, но Сталин ревновал Серго к Ленину, потому что тот был его прямым учеником, а Сталин — нет. Как-то возвращались они из Парижа с тиражом нелегальной литературы. В поезде выпили чаю и легли спать. Внезапно появились жандармы, но Сталина в это время в купе не оказалось. Серго арестовали, и он попал в тюрьму. Сталин потом как-то оправдал свое отсутствие: то ли соскочил с поезда, не успев разбудить товарища, то ли еще что-то. Но кошка между ними в тот раз пробежала.

В Первой Градской больнице работал Илиодор Ефимович Склянкин. Был он страшно честолюбивым, считал себя выдающимся хирургом, а потому брался за любые операции. А Юрий Николаевич Волков, как я уже отметил, был с некоторой ленцой. И вот, например, поступает в поликлинику больной для операции — резекции носовой перегородки. Операция довольно продолжительная, а тут конец рабочего дня, и у Волкова запланирована пашлычная. Заводит разговор со мной, что операция сложная, могут быть осложнения, требуется большое мастерство. Илиодор сидит недалеко, начинает прислушиваться, интересуется подробностями. Волков отмахивается, мол, нет, Илиодор, ты вряд ли справишься. «А ну, покажите больного, — заводится Склянкин, — я все сделаю по первому классу». Берется оперировать, а мы с Волковым отправляемся обедать..

* * *

У Юрия Николаевича был маленький «Москвич». Он жил на Крымском Валу и ставил машину у подъезда, на пригорке. Как-то мы вытащили мотор (а был он довольно легкий) и отнесли в квартиру для небольшого ремонта. Представьте удивление Юрия Николаевича, когда утром, выйдя из дома, он не обнаружил машину на том месте, где мы оставили ее вечером! Куда же

она могла уехать без мотора?! Оказывается, ночью была попытка угона. Ребята сели в салон, сняли автомобиль с ручного тормоза и покатались вниз, в сторону Парка культуры... Видимо, там они пытались запустить двигатель, которого позже не обнаружили под капотом. Какое разочарование их постигло!

Последние годы жизни Юра каждое лето проводил у меня на даче, и мы получали наслаждение от длинных бесед на террасе.

* * *

Воспоминания о Владимире Давыдовиче Коппе, которого все близкие люди звали Владик, есть почти в каждой главе этой книги. Это мой лучший друг, даже больше — почти брат. Всю жизнь у нас были общие интересы: в школе, в институте, в спорте, в медицине... Владик был интересной личностью, остроумный, обаятельный, очень коммуникабельный. У него была масса друзей — писателей, артистов, композиторов, в общем, людей богемы. Он занимал пост главного врача популярного в то время московского роддома №23, клинической базы кафедры акушерства и гинекологии 2-го Медицинского института, которую уже тогда возглавляла академик, профессор Галина Михайловна Савельева. Кстати, там начинал врачебную деятельность ныне всем известный блестящий врач и хирург Марк Аркадьевич Курцер. Все советские знаменитости старались, чтобы их жены и дочери рожали именно в роддоме №23. Там, кстати, родилась и моя дочь Даша.

В 1978 году Копп уехал в Австралию. Перед отъездом мы отправились на машине Владика по адресам друзей с прощальным визитом. Заехали, в частности, к Иосифу Кобзону. Владик поднялся в квартиру, а мы с его женой Панной остались в машине. Через несколько минут возвращается ужасно расстроенный. «Представляете, он назвал меня предателем!» Мы, конечно, осудили певца, полагая, что он имел в виду предательство по отношению к советской власти, ведь тогда эмиграция считалась чуть ли не изменой Родине. Но впоследствии выяснилось, что

Кобзон говорил о предательстве друзей. Впрочем, так и было. Я, Леонид Рошаль, Алена Рождественская, супруга Роберта Рождественского, и многие другие — все мы потеряли близкого человека, с которым десятки лет рядом шли по жизни. К счастью, вскоре началась перестройка, и мы начали видаться: то я прилетал в Австралию, то Владик с Панной приезжали в Россию. Кроме того, мы встречались и на «нейтральной территории» — в Америке, Франции, но, конечно, это было уже не совсем как прежде... Нужно сказать, эмиграция доставила много горя и хлопот родственникам и друзьям, оставшимся в СССР. Что двигало теми, кто принимал решение уехать? Причин было много, в том числе и политические мотивы, и желание воссоединиться с родственниками, но на самом деле 90% отъезжающих руководствовались материальными соображениями. Владик, кстати, писал мне, что когда он приходит в мясную лавку и выбирает баранину для шашлыка, то переживает, что не может купить ее и для меня (как это бывало в Москве, где у него были многочисленные связи в магазинах). Насколько я знаю, Кобзон тоже приезжал в Мельбурн и виделся там с Коппом, и постепенно отношения восстановились.

Вспомнилось, как на одном из юбилеев Иофиса Давыдовича тамадой был известный на всю страну конферансье Борис Сергеевич Брунов. Когда очередь поздравлять юбиляра дошла до Владимира Коппа, он сыпал блистательным шутками, остроумными экспромтами... Зал был покорен, а Брунов объявил, что в присутствии Владика не сможет продолжать вести вечер и уступает ему место тамады. Кстати, мне кажется, что Клара Новикова иногда до сих пор цитирует шутки Коппа.

* * *

С моим другом Давидом Родионовичем Каплуновым у нас удивительно схожие судьбы. Оба родились в 1934 году. Дошкольные годы провели на одной улице в дачном поселке Ильинском. Оба выбрали профессии своих отцов: он горняка, я врача. В юношеские годы полюбили волейбол, участвовали в одних турнирах, правда, играли друг против друга: он был нападающим «Локомотива»,

а я — защитником «Динамо». Оба женились довольно поздно, и оба, к несчастью, рано развелись. Отвоевали в суде детей: я дочь Дашу, он сына Юлия. Похожей, оказалась, и творческая жизнь, увлеклись наукой и преподавательской деятельностью, стали руководителями довольно больших коллективов, лауреатами разных премий, профессорами, членами-корреспондентами РАН. Особенно мы с Давидом Родионовичем сблизились в последние годы, когда круг самых близких друзей и родных поредел, а потребность в дружеском общении, наоборот, возросла. Да еще прибавились общие воспоминания. Теперь мы часами можем обсуждать самые разные проблемы: международные, спортивные, дачные, реже, к сожалению, сексуальные...

Долик, как мы все его зовем, человек мудрый, и я прислушиваюсь к его советам. Не знаю, правильно ли мы прожили жизнь, но как мы это делали — нам нравится. Кстати, это он придумал название для моей книги, и поэтому первый экземпляр я подарю именно ему.

* * *

К друзьям, которыми я горжусь, относится Леонид Рошаль. Мы сокурсники, хотя учились на разных факультетах: я на лечебном, он на педиатрическом. На первых курсах нас связывала работа в Научном студенческом обществе, выступления на Павловских сессиях. Рошаль всегда был великолепным организатором, проводил Всесоюзные студенческие конференции по детской хирургии, дневал и ночевал в Филатовской больнице, а там было у кого учиться, ведь это был период расцвета специальности — С. Терновский, С. Долецкий, Ю. Исаков, Э. Степанов, В. Михельсон, А. Немсадзе, В. Гераськин.... Какие имена! Затем были МОНИКИ, сложная хирургия, увлечение легочной патологией, Институт педиатрии, скорая помощь... В общем хорошая хирургическая школа! Но главное не в этом. Основная черта характера Леонида Михайловича — и как человека, и как врача — это готовность в любую минуту прийти на помощь больному, родственнику, другу, незнакомому человеку... Всегда бескорыстно, иногда вопреки собственным интересам.

Уже в пору врачебной зрелости, когда мы стали довольно известными профессорами, у нас образовалась тесная компания, куда входили, помимо Лени, В. Копп (акушер), Ф. Яжгур (уролог), В. Францев (детский хирург-кардиолог), Нелли Рошаль (аллерголог), А. Коновалов (нейрохирург) и другие. Уже почти никого не осталось, но мы помним о них всегда!

Как-то моя дочка Даша заболела мононуклеарной ангиной. Вечером к нам заехал Леня, отругал меня за то, что я не сделал ей анализ крови, и велел на следующий день к 8 утра приехать к нему в 20-ю больницу. На этом как бы мимолетный разговор закончился. Мы, конечно, проспали. Дашино состояние опасений не вызывало. В 8.15 звонит встревоженный Рошаль: «Даша, ты где? Почему опаздываешь?» И подобных случаев в нашей общей биографии немало.

Спитак, Дубровка, Дагестан и т. д., и т. д. Рошаль всегда там где трудно, где опасно. И это черта его характера, по-другому он просто не может. И нужно сказать, что в достижении цели, которую считал справедливой и благородной, всегда проявлял решительность и настойчивость, не трусил. Конечно, для некоторых Рошаль — неудобный человек.

Один факт не могу не привести. В строительстве и оборудовании клиники ему очень помог тогдашний мэр Москвы Ю.М. Лужков. Стройка шла трудно, но когда она завершилась, была подготовлена фотовыставка, отражавшая все этапы строительства. Позже Лужков был отстранен от должности столичного градоначальника. Через пару лет я приехал к Леониду в клинику — все фото были на месте, в том числе и те, на которых был изображен Юрий Михайлович.

Я все думал, какие недостатки ему свойственны, и ведь нашел! Совершенно непьющий человек Леонид Михайлович Рошаль. Как же ему непросто в России!

* * *

Многолетними моими друзьями были Феликс Яжгур и его жена Светлана. Феликс заведовал урологическим отделением в Басманной больнице, замечательно оперировал, а ведь больница была скорпомощной, и туда попадали очень сложные больные. Но главное, он был очень честным хирургом, что встречается далеко не всегда. Помню, как у Владика Коппа обнаружили камень в мочеточнике. Естественно, он обратился к Феликсу, которого мы, друзья, звали Филимоном. После осмотра он сказала Владика: «Камень я, конечно, удалить могу, но лучше это сделает Николай Алексеевич Лопаткин». Эта честность дорогого стоит! Сумел оставить честолюбие в стороне. Правда, иногда Феликс из-за этого страдал. В начале 90-х годов Яжгуры переехали в Израиль. Его взяли на работу в клинику дежурантом. Во время одного из дежурств привезли больного с тяжелой травмой почки. Феликс оперировал почти всю ночь, почку спас, но на утренней конференции получил от руководства замечание: с их точки зрения, почку надо было удалить, так как эти операции гораздо дороже, и клинике они выгоднее. Я, кстати, давно обратил внимание на то, что такая линия поведения для западных врачей характерна. И нашим врачам-эмигрантам трудно к этому привыкнуть. Во всяком случае в прежние годы было именно так.

* * *

Эммануил Маркович Коган, светлая ему память и благодарность, человек кристальной честности, мой верный старший друг. Прошел войну, служил в саперном взводе. Рассказывал, что медицинской работы (ранений) у них было мало, ведь, как известно, сапер ошибается только один раз. До его отъезда в Германию мы были довольно близкими друзьями. Он возглавлял Центральную научно-исследовательскую лабораторию, помогал мне с организацией лаборатории кохлеарной имплантации. Каждое воскресенье я заезжал за ним на Комсомольский проспект, и мы шли на каток «Люкс» в Лужниках. В эмиграции он очень скучал и часто приезжал в Москву погостить (помогал ему в этом племянник — Марик

Курцер), но вернуться насовсем не мог, поскольку жена его была тяжело больна, и именно в Германии она получала эффективное лечение.

Эммочка, как мы его звали, помогал мне еще в одном необычном деле. Моя первая жена эмигрировала в США и пыталась отсудить у меня дочь. И Эммануил Маркович успешно выступал в суде как представитель института. И Даша осталась со мной.

* * *

Борис Шуркалин — один из моих, к сожалению, уже немногочисленных друзей студенческой поры. Прекрасный хирург, один из основоположников эндоскопических операций в нашей стране, ученик Ю. Лопухина и А. Гуляева, заведовал кафедрой во 2-м Медицинском институте. Поначалу нас подружил волейбол. Вообще я заметил, что спортсменам присуще чувство верности. Десятки лет мы вместе, боеем за «Спартак», но главное в нашей дружбе — супруга Бориса Тамара, прекрасный врач, умница и самоотверженная жена. Они вместе окончили институт, вместе поехали на целину. Помню, я приехал на Казанский вокзал встречать студенческий отряд. Ребята работали на целине отлично. Тем не менее на вагоне мелом было написано пожелание катиться им всем к такой-то матери.... Меня это очень насмешило...

Дай бог всем моим друзьям здоровья и благополучия!

Глава 2. Личные истории

Меня женили студенты как бы на спор. Был я успешным доктором, перспективным. Писал докторскую диссертацию. Вел группу очень «деятельных» студентов, среди которых была и красивая девушка Марина, моя будущая первая жена. И вот всем коллективом они решили нас поженить. А мы, между прочим, были непротив. Ребята организовывали какие-то праздники, приглашали на них и меня. Так был сделан первый шаг — возникла дружба, неформальные отношения. Затем Марина обратилась ко мне с просьбой об операции — тонзиллэктомии. Как по заказу, на

второй день возникло кровотечение. Стал приезжать вечером в отделение, оказалось, что неприятности сближают... Ну а потом пришлось жениться. Уже позже я нашел методичку по изучению оториноларингологии для студентов, в которой староста группы написал ей как бы напутствие: «Он взял тебя за горло, а ты возьми его за сердце».

* * *

Можно ли получить квартиру за спичку? Оказывается, да. Рассказываю. После развода с первой женой в конце 70-х годов, я остался с семилетней дочкой на руках, в маленькой однокомнатной квартире очень низкого качества на первом этаже блочного дома на Севастопольском проспекте. Жена моя, кстати, по национальности русская, уехала по фиктивному браку в Америку (я уже об этом рассказывал). Ее родители были против отъезда. Как же, отец — старый коммунист, первый пионер Татарстана, мать — метростроевец первого призыва, очень лояльные к советской власти люди, честные и порядочные. Они очень помогли мне с дочерью на первых порах, за что я им искренне благодарен. И так, я попал в сложную жизненную ситуацию, мне приходилось очень много работать, совмещать руководство ЛОР-кафедрой во 2-м Медицинском институте с большой хирургической деятельностью в Первой Градской больнице и т. д. Надо сказать, в институте ко мне отнеслись с большим пониманием и сочувствием, а главное, пытались реально помочь. И вот однажды мне звонит секретарь парткома Николай Яковлевич Копыт и просит проконсультировать заместителя председателя Черемушкинского исполкома по жилью. Конечно, таким образом он пытался помочь мне решить квартирный вопрос. Приезжает ко мне больной, рассказывает, что у него хроническое воспаление среднего уха, гноетечение несколько лет. Врачи из Кремлевской больницы, несмотря на применение самых дорогих заграничных лекарств, ничего не могут поделать, и через десять дней ему назначена операция (радикальная трепанация, довольно серьезное вмешательство). Осматриваю ухо под микроскопом, вижу какое-то инородное тело необычного беловатого

цвета. Извлекаю с помощью микрощипцов... Половина спички! Действительно, больной вспоминает, что когда-то он после очередной чистки уха заметил, что половинка спички куда-то исчезла, но не придавал этому значения. Далее инородное тело вызвало рост грануляций и почти скрылось из вида. Через неделю — сухое ухо, операция не понадобилась. Стоило ли это квартиры? Благодарный пациент сказал: «Вы меня не торопите, я сам подберу Вам квартиру». Через несколько месяцев мне была выделена комната в 2-комнатной квартире на Профсоюзной улице, в сталинском доме. А потом дочка поменялась с жильцом, который проживал во второй комнате. Кстати, обмен тоже происходил своеобразно. Бюро обмена Москвы не соглашалось, чтобы несовершеннолетняя девочка участвовала в обмене. Посоветовали мне обратиться в горком партии к третьему секретарю, женщине (к сожалению, забыл ее фамилию), считавшейся грубой и даже жестокой. Пришел к ней на прием, рассказал свою историю. Она сняла трубку, позвонила начальнику бюро обмена и примерно в матерных выражениях стала кричать: «Машка, ты что делаешь, профессор-хирург остался с ребенком на руках, мать уехала в Америку. Завтра вызываю тебя на бюро, останешься без партбилета!» Через два часа мне домой привезли обменный ордер.

* * *

Почти у каждого серьезного человека есть хобби. Есть оно и у меня: многие годы я коллекционирую фигурки докторов. С чего началось это увлечение, уже и не вспомню. Среди экспонатов много весьма оригинальных. Мои друзья и просто знакомые часто дарят «коллег», зная, что это доставит мне удовольствие. Кроме того, обычно эти фигурки недороги, что является приятным обстоятельством для дарителей. С коллекцией связано несколько историй.

Первым на мою коллекцию обратил внимание телеведущий Андрей Малахов и показал ее по телевидению, кажется, это была передача «Доброе утро». Признаюсь, я сначала колебался, стоит ли показывать мое собрание, думал, что это может уронить мой

авторитет как врача. Но он с таким тактом и юмором вел передачу, что сомнения быстро развеялись. Тот показ даже в некоторой степени способствовал росту моей популярности.

Однажды произошла трогательная история, имеющая непосредственное отношение к моей коллекции. Мы приехали на конгресс в Роттердам за пару дней до его начала и решили поехать за город посмотреть голландскую деревню. Гуляем, обнаруживаем магазин игрушек. Конечно, заходим, и я интересуюсь у девушки-продавца, есть ли фигурки врачей. Она достает каталог (оказывается, есть и такое), находит там образцы... Но выясняется, что в ее магазине их нет. Увидев мое разочарование, продавец и сама огорчилась. Уходя, оставляем ей визитки. Проходит около месяца, и я достаю из почтового ящика извещение о посылке из Нидерландов. Я был уверен, что это материалы конгресса. На почте получил бандероль с... тщательно упакованными фигурками докторов и запиской. Был очень тронут. Позже с оказией отправил продавщице российские сувениры.

Конечно, неблагодарное дело описывать игрушки (так же как и живопись), но расскажу хотя бы про одну, которую приобрел в Арабских Эмиратах. Операционный стол, над ним склонились хирурги. На полу под больным лежит пинцет — уронили при вскрытии брюшной полости. Один из врачей пытается достать этот пинцет через живот (видимо, так проще и быстрее).

* * *

Однажды на даче заметил, что дятел в течение нескольких дней подлетает к стене дома и долбит одну и ту же доску, расширяя отверстие в ней. Я стал наблюдать за процессом. Выяснилось, что другая птица снесла там яйца, птенцы вылупились в положенный срок, но из-за узости щели не могли выбраться наружу. И дятел пришел на помощь этой семейке, расширил отверстие, и малыши были спасены. Хороший пример для людей!

* * *

Банкет в Научном центре здоровья детей Академии медицинских наук. Во главе стола — директор, академик Александр Александрович Баранов и его супруга Лейла Сеймуровна (в будущем тоже академик), прекрасный педиатр и очень эффектная женщина. Мне предоставляется слово, говорю примерно следующее: «Поскольку у меня устойчивая репутация нормального мужчины и все знающие меня поймут правильно: я Александра Александровича люблю, а Лейлу Сеймуровну — уважаю!»

* * *

Сию на приеме в поликлинике. Входит очень пожилая дама, говорит: «Вы знаете, я была у Вас на приеме в 1926 году. Вы совершенно не изменились!» Как вы, наверное, догадались, уважаемая пациентка перепутала меня с моим отцом.

* * *

Во время войны у моего отца неожиданно появилась непонятная сыпь в области причинного места. Это вызвало настоящий переполох, особенно у мамы. После долгих разбирательств выяснилось, что это аллергическая реакция на только что появившийся тогда препарат сульфидин. О нем тогда мало что знали. А у некоторых раненых в госпитале после приема «красного стрептоцида» моча приобретала «кровянистый» характер.

Глава 3. Зарисовки

Среди моих друзей, пациентов, знакомых и даже родственников почему-то преобладали люди остроумные. Да и я очень смешливый человек и, видимо, обладаю некоторой наблюдательностью. Возможно, этому научила профессия, а, может, и наоборот, именно поэтому я стал неплохим доктором. А дальше оценит читатель. Что-то я заметил сам, что-то узнал из рассказов близких людей. Кстати, их авторство не оспаривается. Хронология, тематика не соблюдаются. Это просто зарисовки. И так...

* * *

Еду по Гаграм. Через дорогу висит лозунг-плакат: «Коммунизм неизбежен».

* * *

В нашем институте был разработан метод гемосорбции. Он представлял собой очистку крови от токсических веществ с помощью особых фильтров и успешно применялся у пациентов, например, с почечной недостаточностью. Наши студенты нашли ему не менее важное практическое применение. Дело происходило на Сахалине, там работали студенческие строительные бригады, в том числе и 2-го Мединститута. Ребятам там в общем нравилось, тем более что неплохо платили, но местная публика (строители) отличалась невоздержанностью к спиртному и по этой причине часто не выходила на работу. В таких случаях наши студенты по горячей просьбе прораба приводили их в чувство с помощью гемосорбции. Начальство стройки почти плакало, когда студенты уезжали...

* * *

Встречаю Новый год в богемной компании. Решено устроить вечеринку в духе Римской империи: все в туниках, вино в крупных сосудах, мясо кусками, стульев нет, стола нет, гости сидят на ковре. Действует свод законов времен Древнего Рима, за проигрыш — штрафы, самый большой — за секс с собственной женой...

* * *

Мой товарищ фотокорреспондент ТАСС Борис Трепетов был вхож всюду. Конечно, был сотрудником КГБ, курировал церковь и, кстати, очень хорошо знал все их законы и правила. Бывал на правительственных приемах и часто брал меня с собой. Давал советы, например, такие: как только добираться до стола, быстро клади в карман заграничные сигареты, которые лежат около тарелок. И действительно, через минуту все «Мальборо» исчезали.

На одном из таких мероприятий наблюдаю сцену. Все в зале выпивают, закусывают. Рядом с нами представительного вида мужчина. Официант разносит жульен, мужчина просит поставить ему, а официант неожиданно по-свойски ему отвечает: «Ты уже брал!» Я в недоумении, а Борис мне объясняет, что это сотрудники КГБ, таких здесь половина, и официанты их всех хорошо знают.

* * *

Зиновий Ефимович Гердт, прекрасный советский актер, рассказал такую историю. Как-то в составе театральной «бригады» они выступали в сельском Доме культуры на Кубани. После концерта одному из коллег Гердта удалось, правдами и неправдами, затащить очень фигуристую казачку на сеновал. Уговаривал ее несколько часов, но только под утро эта крепость сдалась. Одеваясь, дама протянула кавалеру сложенную лодочкой ладонь и произнесла: «Ну, спасибочки за компанию!»

* * *

Были мы на съезде оториноларингологов в Самаре. Как обычно, хозяева старались встречать профессуру хорошо. Повезли нас в баню, которая находилась на базе футбольной команды мастеров «Крылья Советов». Дело происходило накануне матча, все футболисты сидели в холле и смотрели телевизор. Нас провели через гостиную в баню. Парились несколько часов. Выходим, слышу голос спортсмена, с оттенком уважения и зависти: «Коля, смотри, сколько ящиков водки профессорам в баню пронесли, а они ни в одном глазу...»

* * *

Много лет мы парились в бане одной компанией. Допускалось, чтобы постоянные члены нашего «клуба» приводили с собой знаменитых друзей. Так, Игоря Квашу привел Ярослав Голованов, а кто-то еще художника Збарского. Знакомим их. Слышу комментарий Кваши: «Лева, так это твой папа из нашего Ленина чучело сделал?»

* * *

Одно время мы были связаны дружескими отношениями с главным егерем охотничьего хозяйства Совета министров РСФСР под Загорском Борисом Молокановым. Благодаря ему довольно часто ездили на охоту и рыбалку. Конечно, это была некоторая имитация, поскольку зверей приручали определенными приемами. Например, кабаны, у которых очень хорошее обоняние, кормились у корыта и переставали бояться. Тогда в них стреляли с вышки. Нас посадили в комнату на чердаке и предупредили, чтобы мы ни в коем случае вниз не спускались. Кабаны ходили вокруг, хрюкали, но к корыту так и не вышли. Оказалось, что среди нас была женщина, от которой пахло французскими духами. Кабаны, а разбираются...

По тому же принципу «натаскивают» и диких уток. Они по приобретенному сигналу поднимаются из камышей, тут их и бьют. Любителем утиной охоты был Косыгин, но предупреждал, что ему таких «студентов» не надо.

Привезли в охотхозяйство, в котором содержали оленей из Уссурийска. Дело в том, что у них какая-то особо полезная печень. При нас с машины одного подстрелили, тушу повезли к ветеринару, тот дал добро, поставил клеймо — время забоя. Тут же курьер повез печенку в Москву, в первые несколько часов она шла на стол членам Политбюро; если по времени не получалось — в столовую ЦК партии. Нам отрезали по куску, на вкус — ничего особенного.

Однажды нас поселили в только что отстроенный кордон (так назывались охотничьи домики на территории). Один из рядовых егерей, зная, что мы дружим с главным, жалуется: «Ребята, вы уж поговорите с Борисом, такой хороший кордон построили, посуда вся новая, кухня, все хорошо, но кровати жутко скрипят, перед шлюхами неудобно...». За дело переживает...

* * *

Оперировал я известного телеведущего Виктора Ивановича Балашова. Заслуженный фронтовик, имел ранение в ногу. У него

были увеличены носовые раковины, что мешало ему как диктору. Замечательный, интеллигентный человек... Как-то сказал, что получает массу писем, в том числе с признаниями от женщин, но сетовал, что в основном они от пожилых поклонниц, а вот молодые девушки предпочитают Игоря Кириллова. Увидев его в отделении, санитарка уважительно спросила: «Это кто, Левитан?»

* * *

Декан английского факультета Института иностранных языков им. М. Тореца З.В. Зарубина (к слову, дочь резидента советской разведки) была прекрасной спортсменкой, чемпионом Союза по легкой атлетике, входила в президиум Международной федерации и часто встречалась с ее президентом маркизом Эксетером. В одну из таких встреч она подарила его супруге недорогую, но красивую брошь — чешскую бижутерию. Как-то Зоя Васильевна прилетела в Лондон на легкоатлетический турнир, немного опоздала к началу, идет рядом с королевской ложей, в которой сидят маркиз с супругой. «Мадам Зарубина, идите к нам», — приглашают они Зою Васильевну. Каково же было ее удивление, когда среди бриллиантовых украшений, коими в тот день блистала маркиза, она обнаружила и свой подарок. Угодила!

* * *

Разговор в пансионате в Пицунде. Аспирант-грузин обращается к администратору: «Слушай, тут к тебе в корпус заселяется профессор, мой научный руководитель. Так вот, ты создавай ей проблемы, а я буду их решать...»

* * *

Приехал в Боржоми — всесоюзную здравницу для людей с заболеваниями суставов. Маленький милый городок среди гор, кругом одни санатории, улицы заполнены отдыхающими. Каждый второй хромает или какой-то скрюченный. Чувствую себя не в своей тарелке. Через некоторое время нашел выход — тоже захромал. Настроение сразу улучшилось.

* * *

Приезжаю в пансионат «Вороново». Заселяюсь в номер на двоих. Появляется сосед и сообщает: «Я хочу уехать на две недели; не очень расстроитесь, если останетесь здесь один?» Уехал, возвращается в последний день путевки, очень довольный. Сообщает, что прекрасно провел время и достает коньяк. Неплохой вариант отдыха от семейной жизни! Правда, дороговато...

* * *

Молодой таджик женился на русской женщине. У нее ребенок, девочка лет семи. Он активный, старается помочь ей в учебе, говорит назидательным тоном: «Учи Пюшкин, Пюшкин учи, е*** твою мать!»

* * *

В пансионате «Вороново» встречаю старинную приятельницу Иру, она работает в 1-м Мединституте. Красивая дама лет под пятьдесят, доктор наук. За ней ухаживает молодой симпатичный парень, у них завязывается роман. Ира предупреждает меня: «Не говори ему, что я профессор!» Уточняю, почему. «Может испугаться!»

* * *

Северный Кавказ. Аспирант везет меня из Ставрополя в Черкесск. Спрашиваю, сколько до него километров, отвечает, что приблизительно 70. Смотрю на столбы, уже 80–90 км, спрашиваю, а где же Черкесск, уже почти 100 км проехали, а его все нет. Ответ любопытный: «Слушай, очень медленно едем...»

* * *

Известному профессору исполняется 60 лет. Я в числе приглашенных. Поручаю аспиранту купить папку для адреса. Он едет на Арбат, привозит папку, на обложке которой надпись «Поздравляем с 70-летием!» Спрашиваю: «Ты что купил?!» Ответ: «А других не было...» Классика!

* * *

Оперировал главного архитектора города Гагры. Летом пригласил в гости. Шикарный стол, мы с супругой в центре, напротив нас на блюде — вареная голова козла. Впечатление не из приятных. Оказывается, такой обычай, для почетных гостей. Но аппетит испорчен.

Все грузины наперебой ухаживают за моей супругой, она в шутку говорит: «Не беспокойтесь, все что останется, я все доем». Грузины в шоке, шутка не доходит. Жанна обращается к соседу: «Вы не могли бы оказать мне услугу как мужчина?» Конечно, когда угодно, хоть сейчас... «Принесите, пожалуйста, шампанское». Разочарование.

* * *

Гагры. Директор автобазы при зарплате 100 рублей покупает «Мерседес». Ездить на нем боится. Перед каждой поездкой звонит в горком партии, интересуется, где секретарь. Если на месте, выезжает на «Жигулях». Осторожный человек, но все равно посадили.

* * *

Одно из развлечений в Пицунде — рыбная ловля с лодки мелкой рыбешки. Ели ее копченой. Очень вкусная, называется барабулька. Начальника лодочной станции, хромого, почему-то прозвали Геббельс.

* * *

Мой товарищ Женя Дунаевский, сын известного композитора, после смерти отца решил кое-что продать, в частности очень дорогую икону, которую затем незаконно вывезли за границу и на аукционе продали за баснословные деньги. Обман вскрылся. Дунаевского вызывают на Петровку, в МУР. Следователь спрашивает: «Так за сколько Вы продали икону?» Отвечает правдиво: «За 10 тысяч рублей». Далее следует довольно неожиданная ремарка:

«Только потому, что ты полный м***к и продал икону, стоившую десятки тысяч фунтов, за бесценок, мы тебя отпускаем». В какой-то степени это соответствовало истине.

* * *

Сидел я в артистической компании, вполне благопристойной. Среди знаменитых гостей был довольно странный человек, назовем его условно — Рабинович. Маленького роста, очень подвижный, довольно остроумный и явно близкий семье хозяев дома. Оказался он рядом со мной. Как это часто бывает, узнав, что я врач, попросил визитку. Потом жена сделала мне замечание, мол, незачем давать незнакомому человеку свои данные. И как в воду глядела: гость, и это невозможно было предугадать, оказался вором в законе... Вот несколько его рассказов, и довольно любопытных.

История первая. Описание утренней поверки в лагере. Зеки выстроены на плацу. Хмурый капитан выкрикивает фамилии:

- Петров!
- Тут!
- Сидоров!
- Здесь!
- Иванов!
- На месте!
- Рабинович!
- Здесь я, здесь, вот стою.

Капитан меряет его взглядом и неожиданно говорит: «Да ты-то кому на х** нужен...»

Вторая история. Звонок близкого друга из «Внуково», нужно обязательно, немедленно встретить. Быстро надеваю спортивный костюм, беру ключи, в машину, скорость 100 км. Останавливает

сотрудник ГАИ. Права забыл, деньги тоже. Короткий разговор, сотрудник объясняет: «Прав нет, денег нет, как же я тебя отпущу? Надо что-то отдать, хотя бы в залог». Внезапно приходит в голову спасительная идея, вынимаю изо рта протез с золотыми зубами, отдаю. Гаишник посмотрел с уважением, отпустил.

История третья. В квартире одного из знакомых Рабиновича раздается звонок из прокуратуры. Спрашивают, знает ли его хозяин квартиры. Ответ утвердительный. Звонящий уточняет, разговаривает ли Рабинович по-русски. «Конечно, разговаривает! А в чем дело?» Оказалось, что Рабинович требовал следователя со знанием еврейского языка (что разрешается законом). Замысел был прост, так он пытался затянуть дело. Но сотрудники прокуратуры оказались хитрее — нашли телефоны его знакомых в записных книжках.

* * *

Вообще-то я небольшой любитель рыбной ловли, но одну рыбалку все же запомнил. Мы приехали в гости к одному из моих бывших пациентов в Смоленскую область. Поставили сети, наловили рыбы, сварили уху. Затем компания уселась играть в преферанс, а я залез в стог сена. Утром просыпаюсь и никак не могу понять, как оказался на самом верху. Не только повторить, но даже слезть с него оказалось невозможно. Пришлось вызывать трактор... Значит, не только «море по колено»!

* * *

Спрашиваю у студентов, что такое «сексот». Никто не знает, в лучшем случае могут предположить, что это нечто, имеющее отношение к сексу. А между тем в середине прошлого века слово это было хорошо известно, означало «секретный сотрудник». Это были не штатные сотрудники МВД и даже не агенты, это были осведомители. Сообщали о настроениях граждан, рассказанных анекдотах, семейных подробностях. Сексотами часто были дворники, домоуправы, парикмахеры, учителя, врачи, то есть люди публичных профессий, те, кому доверяли. Их было огромное количество, и выполняли они «гражданский долг» с удовольствием и

небескорыстно. Именно сексоты, их доносы и привели к массовым репрессиям, к переходу от борьбы за власть к поголовным посадкам — в подавляющем большинстве случаев необоснованным. Само слово «сексот» в народе произносили с презрением, в России предатели никогда не были в почете.

А в Америке — наоборот. Приходит из колледжа сын моих друзей и с удовольствием рассказывает, как он «сдал» своего одноклассника, который списал сочинение. Мотивировал это так: «Я вчера весь вечер готовился, а он пошел на дискотеку». И пойми, кто прав...

* * *

В Вашингтоне есть музей Холокоста. Он гораздо менее известен, чем Яд ва-Шем в Иерусалиме, и с моей точки зрения — незаслуженно. Все школьники США должны посетить этот музей, он входит в программу образования. Устроен он вроде бы просто, в нем показана в интерьерах история еврейской семьи в Варшаве до войны, затем во время оккупации и до гетто и расстрелов после восстания. А рассказчик и главное действующее лицо — школьник, такой же, как посетители музея. И я видел, какими входили 8–10-летние ребята, смеялись, щебетали, как обычно ведут себя дети, и как они же с глазами, полными слез, с какими повзрослевшими лицами выходили, потрясенные увиденным. Я думаю, они уже никогда не станут расистами.

* * *

Интересная встреча была у меня с академиком О.Г. Газенко. Он в то время был директором Института медико-биологических проблем и отвечал за медицинскую часть подготовки космонавтов. Первыми в космос, как известно, полетели собаки Белка и Стрелка. Пребывание живых существ в космосе взбудоражило весь мир, и вскоре после этого Газенко отправили в командировку в Америку. Вот что он рассказал. Поездка была насыщенной: встречи со специалистами, журналистами, публикой. На одной из пресс-конференций был задан вопрос, почему русские решили отправить в космос именно собак, а не обезьян,

ведь по биологической организации они ближе к человеку. Ответ Газенко был блестящий: «Да, вы правы, обезьяны почти наши родственники. Но полеты в космос — серьезное дело, а в серьезных и трудных делах мы привыкли доверять не родственникам, а друзьям!»

* * *

Санаторий в Крыму. Объявление: «Завтра в 11 утра состоится пешая экскурсия на гору Ай-Петри. Послезавтра планируется экскурсия к скале Ай-Вазовского».

* * *

У моего товарища, знаменитого клинического фармаколога Владимира Кукеса есть брат Семен. Он занимается бизнесом и иногда по делам приезжает в Самару. Как-то зашел пообедать в кафе. Подходит официант и передает просьбу сидящих неподалеку студенток дать автограф. Семен польщен. Официант передает ему толстую книгу «Клиническая фармакология», автор В.Г. Кукес. Разочарование... Думал, его везде хорошо знают.

* * *

В одном из ЛОР-институтов работали научными сотрудниками две симпатичные девушки С. и М. Они пользовались большим успехом у мужчин. Однажды прихожу в это учреждение, иду в зал ученого совета. У дверей стоит рентгенолог, остроумный человек Я. Фастовский. Спрашиваю, что происходит в зале. Он отвечает, что идут защиты диссертаций, и добавляет: «Б*** остепеняются».

* * *

Это рассказ актера МХАТ Виталия Белякова (кстати, отца профессора О. Карнеевой). О.Н. Ефремова предупредили, что на спектакль собирается приехать Л.И. Брежнев. Актеров просят произносить текст как можно громче, так как он очень плохо слышит. Все волнуются. Кроме того, выясняется, что в тот же вечер по телевидению будут транслировать хоккейный матч

между «Спартак» и ЦСКА. По такому случаю в гостевой комнате устанавливают цветной телевизор. Брежнев приехал в театр, усаживается в ложе. Актеры стараются, почти кричат. И вдруг Леонид Ильич поднимается и, обращаясь к залу, произносит: «Может быть, кто-то что-то и слышит, но лично я — ничего». И уходит в комнату отдыха. Проходит некоторое время, он возвращается и говорит в зал: «Пока нуль-нуль...»

* * *

Поэтесса Юнна Мориц, внука которой я лечил, прощаясь, подарила мне книгу со словами: «Михаил Рафаилович, я состою в комиссии при Президенте по помилованию преступников. Если Вам что-то понадобится, всегда готова помочь...» Хорошо все-таки люди думают о профессуре!

* * *

Диктор телевидения В. Балашов рассказывал, что, попадая в студию, все, даже профессиональные актеры или политики обычно теряются, начинают волноваться, заикаться. Но было одно исключение — Юрий Гагарин. «Вошел в студию, как будто всю жизнь здесь работал. Мы все позавидовали его нервной системе!»

* * *

Я в гостях у своего ученика Смагулова в Актюбинске (это в Казахстане). Обедаем, приносят национальные блюда. Все очень вкусно! «А вот об этом блюде я должен Вас предупредить, — говорит хозяин. — Это суслик». Выглядел он очень аппетитно, вид и запах соблазнительные, но все же устоял.

* * *

Исследую слух девочки 5–6 лет. Объясняю ей, что буду шепотом называть цифры, а она, если услышит, должна будет их повторить. Тихо говорю: «Двенадцать». Девочка с видом победителя громко произносит: «Twelve!» Оказалось, в это время она занималась английским языком.

* * *

Моя предшественница по заведованию кафедрой И.Л. Кручинина уже довольно в серьезном возрасте идет по коридору клиники. Диалог на бегу:

— Откуда идете?

— Из операционной.

— Что делали?

— Аденотомию.

— Не сложно было?

— Да я ее из гроба сделаю!

* * *

Я футбольный болельщик, и в какой бы стране ни был, всегда старался посетить известные стадионы: «Камп Ноу», «Сантьяго Бернабеу», «Стад де Франс»... Приехав в Лондон, конечно, хотел побывать на «Уэмбли». А там проводилась реконструкция, и на трибуны не пускали. У входа на стадион расположился бомж. Прошу его сделать снимок на мой фотоаппарат. Он польщен этой просьбой, берет фотоаппарат, и тут выясняется, что руки у него страшно дрожат. Я понимаю, что хорошей снимок вряд ли получится. Бомж ужасно разочарован, и мне его жаль. Нахожу решение: устанавливаю его локоть на перила парапета, затвор щелкает... Снимок получился — к обоюдной радости.

* * *

В МОНИКИ строили хирургический корпус. Не достроили и законсервировали, уложив тяжелую бетонную плиту над подвалом. Прошло много лет. Было принято решение завершить строительство. Убрали плиту, а там — импортный финский лифт стоимостью несколько десятков тысяч долларов. Возможно, даже списанный... Недострой — частая история при советской власти.

* * *

Я долгое время оставался холостым, а мой старший товарищ Ю. Волков давал мне советы на будущее. Один из них: «Вот женишься, сразу объявляй, что ты охотник и рыболов. Под это дело будешь иметь возможность „отрываться“ для холостой жизни». Но это преамбула к следующей истории. Захожу как-то в магазин «Медтехника». Симпатичная продавщица показывает какой-то прибор. Пробую за ней поухаживать, назначить свидание. Она не против, но может только в субботу или воскресенье, потому что муж — охотник! Вот так, закон сохранения энергии!

* * *

К моему другу приехал коллега, японский ученый, профессор, металлург. Объясняется по-русски, но очень неважно. Рассказывает: «Я была у вас в плену, под Целябинском, в лагере. Я холосо говорила по-русски, но сейчас все забыла... Я только помню, как вас капитана говорила „Лаботай, лаботай, б**** косяглазая“».

* * *

Центральный дом ученых на Пречистенке в Москве. Рядом подворотня, а там большой мусорный контейнер, на крышке которого каллиграфическим почерком написано «Дом ученых». На ум приходят разные аналогии...

* * *

Разговор двух дам. «Я тебя с таким знаменитым доктором познакомлю. Он все некрологи подписывает...» Хорошая рекомендация!

* * *

Жанна научила своего пуделя смешному трюку. Говорила: «А ну, Кэтти, покажи, как лежит Даная на картине Рембрандта!» Та переворачивалась на спину и раскидывала лапки. Если, например, в магазин не пускали с собачкой, они демонстрировали этот номер. Никто не мог устоять, все хохотали.

* * *

Жанна много лет работала в «Интуристе» с немецкими группами. Как-то туристы пошли на концерт во Дворец съездов. А жили они в 5–7 минутах ходьбы от Кремля. Жанна объясняет им, как добраться до гостиницы пешком, но немцы все же волнуются, боятся заблудиться. Жанна успокаивает их: «Ничего, до Сталинграда-то дошли...» Аргумент подействовал!

* * *

Сухуми. Женский комиссионный магазин одежды с выразительным названием «Паук». Точнее не придумаешь!

* * *

Мой родственник, врач-оториноларинголог Г.А. Чернявский широко занимался частной практикой, ездил по вызовам на дом, имея при этом очень преданную, но страшно ревнивую жену. Она даже на фронт за ним пошла медсестрой, лишь бы не оставлять его одного. И на вызовы с ним отправлялась. Папа мой над ней пошучивал: «Нина, вот ты едешь с ним на вызов, сидишь в машине, пока он там с дамочкой забавляется. Потом он возвращается и отдает тебе гонорар, как будто за визит, и все дела...» Кстати, это иногда действительно бывало.

* * *

Обсуждали с родителями одну из моих пассий. Она была очень хорошенькая, но глуповатая. Мама удивляется: «О чем же ты с ней можешь говорить?» Неожиданный комментарий отца: «Подумаешь, Пушкина не читала!»

* * *

2000 год, Всемирный съезд педиатров в Пекине. Возвращаюсь в отель после заседания довольно поздно. Внезапно звонок от члена нашей делегации: «Михаил Рафаилович, срочно вклю-

чайте телевизор!» Включаю. На экране какой-то детектив: люди с искаженными ужасом лицами бегут по улицам Нью-Йорка, летят самолеты, кругом пожарные машины... Переключаю каналы, везде одна и та же картина... За исключением каналов китайского телевидения, по ним — репортажи о сборе урожая. Так я узнал об ужасных налетах террористов на Пентагон и Всемирный торговый центр. На следующий день американская делегация улетела на родину. Вся эта история была настолько неожиданной, к такому никто не был готов, и съезд продолжил свою работу. Правда, его освещение в прессе было очень скудным.

Через год, в сентябре 2001 года, я оказался в Нью-Йорке и поехал в нижнюю часть города, к церкви Тринити. Территория Всемирного торгового центра была огорожена, сносили остатки небоскребов. Поразила и тронула вереница памятников погибшим пожарным... Несколько тысяч ни в чем неповинных жителей погибли в тот день... Тогда я отчетливо понял, чем терроризм отличается от войны. Весь мир сочувствовал американцам, и мы, русские, в первую очередь. И вот как всего за 20 лет изменилась эта страна, кто стал ее героем?!

* * *

Из последних ярких впечатлений. 2016 год, конгресс в Барселоне. Большой зал, человек на 500. Немного опаздываю к началу. Все уже сидят на своих местах, иду по проходу в середине. Вдруг поднимается группа делегатов, начинаются объятия, поцелуи... Иностранцы ничего не понимают, спрашивают, что происходит. Им объясняют: «Да это русские с украинцами встретились!» Многие смотрели на нас с недоумением.

* * *

В 1993 году в Москву по линии «Интуриста», где Жанна работала переводчиком, приехал немец с целью лечения глаз у наших специалистов. Время было очень тяжелое, и мы решили на этом немного заработать, а именно поселить его в нашей квартире. Встретили его в «Шереметьево», привезли домой, и все, как нам

казалось, сложилось удачно. 3 октября мы поехали на дачу. Клаус же должен был остаться в городе. Квартиру мы на всякий случай поставили под вневедомственную охрану, предупредили нашего гостя, что вернемся к 6 вечера, и попросили в квартиру никого не впускать. Однако мы не учли один нюанс — немецкий педантизм. Ровно в 6 часов он снял телефонную трубку, чтобы позвонить Жанне, и охрана сработала. Приехал наряд. Милиционеры слышат, что внутри кто-то есть, и требуют немедленно открыть дверь. Напуганный Клаус видит в глазок вооруженных людей, кричит: «Миша нихт, Жанна нихт!» и баррикадирует столом дверь. Дальше он звонит своей супруге в Германию, и та сообщает ему, что в Москве переворот и стрельба у Белого дома, и все это она наблюдает в прямом эфире по телевидению! В общем у немца случился приступ «медвежьей болезни»...

Еще одна история, связанная с немецкими туристами, очень трогательна. Жанна получает письмо от бывшего туриста, в котором он рассказывает о своем брате, воевавшем на территории СССР. Он был танкистом. Во время переправы через небольшую речку в Калужской области танк был подбит. Экипаж успел выскочить через люк, но один солдат не смог вылезти и утонул. Об этом туристу написал командир расчета, дал точные координаты и нарисовал схему местности: изгиб реки, деревеньку рядом... Немец приезжает в Россию, и мы отправляемся искать этот танк и, представьте себе, находим! Очень помогли местные ребята. Немец попросил оставить его на этом месте одного, позже вернулся к машине с заплаканными глазами. Потом мы заехали в местный музей, посвященный войне, рассказали эту историю, о боях, проходивших в этой районе. Выяснилось, что они об этом не знали.

Глава 4. Встречи с замечательными людьми

Судьба подарила мне знакомство с замечательными актерами, музыкантами, писателями, поэтами, журналистами. Кто-то из них здравствует и поныне, кого-то с нами уже нет, но они всегда живы в моей памяти.

* * *

Я был приглашен на консультацию к мужу дочери Утесова Эдит. Они жили рядом с садом Эрмитаж. Звоню, дверь открывает сам Леонид Осипович. Объясняю, что я доктор, пришел по просьбе Эдит Леонидовны. «Диточка, к тебе пришел доктор. Как Вас зовут?» — уточняет он у меня. Сообщаю: «Михаил Рафаилович». Он в ответ: «О, Рафаилович! Уже хорошо...» Приглашает в свою комнату, показывает коллекцию так называемого революционного фарфора: красноармейцы, тачанки, пулеметы и прочее. В это время раздается еще один звонок, Утесов просит его простить и вновь идет открывать дверь. Возвращается с книгой, как оказалось, с воспоминаниями Корнея Чуковского, которую принес внук писателя. В содержании находит главу «Как я встречал Новый год» и заинтересованно ищет нужную страницу, поясняя, что один из 20-х годов встречал в одной компании с Чуковским. Страница найдена, и Леонид Осипович начинает механически читать вслух: «24-й (неточно) год я встречал с писателями Кавериним, Мандельштамом, Пильняком, Катаевым. Всю ночь развлекал нас своими анекдотами одессит-чечеточник Леонид Утесов...». Занавес!

* * *

Если я скажу, что Аркадий Исаакович Райкин был мегапопулярным актером на протяжении нескольких десятилетий, это будет абсолютной правдой. У него была квартира в Богословском переулке, даже не просто на верхнем этаже — в надстройке. Лифта не было, а Аркадий Исаакович тогда уже плохо себя чувствовал, да и сердце пошаливало, поэтому он снимал номер в гостинице «Пекин», располагавшейся неподалеку. Как-то приезжаю к нему домой с визитом. Он совсем плох, еле ходит, тихо говорит, глаза полужакрыты. Раздается телефонный звонок, просит ответить сына. А я приглашен на его концерт в тот вечер. Подумал еще, что, наверное, отменит выступление... Каково же было мое удивление, что концерт не только не отменили, но на сцене я увидел совсем другого человека — энергичного, живого, речь громкая. Зал охвачен восторгом...

Райкин мне рассказал такую историю. «Когда я был молодым актером, мне кто-то сказал, что Сталину понравились мои выступления. Набрался смелости, написал ему письмо примерно такого содержания: «Дорогой Иосиф Виссарионович, мне передали, что Вас заинтересовало мое творчество. Был бы счастлив выступить перед Вами». В ответ правительственная телеграмма (показывает): «А. Райкину от И. Сталина. Действительно, мне нравятся Ваши выступления. За неимением времени не могу посетить их. Желаю успеха. И. Сталин». Многие годы в сложных ситуациях, когда запрещали концерты и отдельные номера, я показывал чиновникам эту телеграмму, и она служила верной индульгенцией».

Однажды Райкин спросил меня, где я отдыхаю (ему несколько надоела Прибалтика, куда он ездил многие годы). Рассказываю ему про пансионат «Вороново». Снял там номер, правда, почти каждый вечер уезжал на концерты. Спрашиваю, понравилось ли. Отвечает, что нет: «Впечатление, что все собрано из кубиков, как в детском конструкторе». А архитектором, кстати, был сын маршала Василевского. Это был один из первых пансионатов, построенных в западном, современном стиле, облицовка из мрамора, шикарный бассейн, баня и т. д. Райкин, оказалось, человек несколько старомодный.

Аркадий Исаакович коллекционировал посуду из Гжели. Тогда это было большим дефицитом. Однажды спрашивает, люблю ли я гжель. На всякий случай отвечаю положительно. «Тогда я вам что-нибудь подарю!» Идем на кухню, там специальные стеллажи, заполненные фигурками. Долго выбирает, спрашивает, есть ли, куда положить. У меня с собой маленький «дипломат». Наконец, выбирает, как помню, петушка, и довольно большого. «Дипломат» не закрывается. Райкин облегченно вздыхает. Вижу, как он любит здесь каждую вещицу, настоящий коллекционер. Да и я тоже чувствовал себя неудобно.

* * *

С Савелием Крамаровым я учился в одной школе, он был на класс младше. Савелий вышел из самодеятельности; еще в школе вел концерты вместе с будущим народным артистом Виктором Сергачевым и моим другом Владиком Коппом. В театральные вузы не поступил, а после окончания Московского лесотехнического института каким-то образом попал в ансамбль Центрального дома работников искусств (ЦДРИ) на Пушечной улице. Тогда в Москве было очень модно участвовать в студенческих шоу: в МГУ был «Наш дом», в Институте архитектуры — «Рейсшина», в ЦДРИ — «Первый шаг» и т. д. Из этой студенческой самодеятельности вышло много талантливых актеров и режиссеров: Марк Розовский, Александр Лившиц, Александр Левенбук, Геннадий Хазанов, Александр Филипенко... В их выступлениях допускалось некоторое свободомыслие, и народ ломился в залы. Более близко я подружился с Савелием гораздо позднее, когда он уже стал известным киноартистом. Несколько историй, связанных с ним.

Савелий подал заявление об отъезде в Израиль на постоянное место жительства. Ему пришел отказ. Мы в это время отдыхаем в пансионате «Актер» в Рузе. Приглашает его на беседу руководитель Госкино СССР Н.Т. Сизов. Савелий уезжает в Москву. Возвращается жутко огорченный. Несколько часов продолжалась беседа с Сизовым. Спрашивал, что нужно Савелию — роли, деньги, звания? Ведь все есть. Савелий придумал для себя мотив — религиозные убеждения (чтобы не обидеть советскую власть). Сизов объясняет причину отказа огромной популярностью Крамарова среди масс: «Вот остался за границей выдающийся дирижер Кондрашин, никто и не заметил. А если Вы уедете, это же будет шок для народа!»

К той же истории. Мы приходим в кинотеатр «Мир» на Московский международный кинофестиваль, а нас билетерша не пускает, говорит, дано указание. После некоторого препирательства подходит Иннокентий Смоктуновский и просит нас пропустить. Ему

не отказывают. Входим в зал, полный публики. Кто помнит, он был в виде амфитеатра, вход внизу около сцены. И вдруг весь зал встает в едином порыве. Кричат: «Вот Крамаров! А говорили, что он уехал!» Вот такая популярность. Слышал, что по данным опроса, проведенного газетой «Комсомольская правда», он был на втором месте по популярности после Гагарина.

Савелий был уверен в своих силах и возможностях, говорил, что станет американским Бельмондо. Кстати, он был спортивным, прекрасно плавал, фехтовал. И очень бережно относился к своему здоровью, продукты покупал исключительно на Черемушкинском рынке, не пил, не курил. Правда, в отношении женского пола был невосдержан... У него была замечательная жена, дочь известного анестезиолога, профессора, которая просто не выдержала этого образа жизни и подала на развод. Я, кстати, отдыхал с ним однажды в Сочи, в гостинице «Жемчужина», и жить с ним в одном номере из-за поклонниц было очень трудно. Как и многие актеры, он был многолик. Образ у зрителя совершенно не соответствовал его личности. Это был умный, содержательный человек, очень начитанный и компетентный. С ним было интересно разговаривать на самые разные темы. Но когда он выходил «на люди», тут же принимал обличье шута и даже дурачка. Когда ему предлагали сделать операцию по исправлению косоглазия, отказывался: «Кто же меня тогда снимать будет?»

А вот к чужому языку способностей у него не было. Мы встретились однажды в Театре Эстрады на спектакле Еврейского театра. Савелий был с дамой, которая оказалась переводчицей с английского языка и учила его. Так вот она сказала: «У меня было много учеников, но таких неспособных к языку, как Савелий, никогда». Тем не менее в Америке он снялся в нескольких фильмах.

Пришел однажды ко мне домой. Я только что получил квартиру и купил антикварную люстру. Савелий взглянул на нее и говорит: «Знаешь, чем эта люстра хороша? День проходит, она на 5 копеек дорожает».

Неделя кино в Баку. Едет группа известных артистов. Правительственный прием, присутствует Г. Алиев, рядом народные артисты, руководство Госкино. Крамаров — в самом конце стола. Вдруг Алиев его подзывает и обращается к Сизову: «Слушай, у тебя Крамаров звание имеет? Дай немедленно, иначе я присвою народного Азербайджана! Он моим мальчишкам очень нравится!»

Период отъезда для него был очень трудным. Многие побаивались подойти, особенно актеры. Он часто спрашивал, что мне из Америки прислать, может, видеомэгнитофон? Дважды после перестройки приезжал в Москву, но даже не позвонил. Бог ему судья... По слухам, очень тяжелый конец испытал.

* * *

С Геннадием Хазановым я познакомился в годы его расцвета, когда он еще часто выступал, и каждая встреча с ним на сцене была праздником, о котором помнишь всю жизнь. Каждый его концерт становился событием. Я смешливый по натуре человек. Однажды на его концерте сидел в первом ряду, и в антракте мы с женой зашли за кулисы. Мой непрерывный смех его даже удивил: «Смотрел на тебя все отделение, неужели так смешно?» Тут он, конечно, несколько кокетничал, цену своему таланту Геннадий знал всегда.

Своим учителем Геннадий считал Аркадия Исааковича Райкина. Как-то пригласил Райкина на концерт. Выступление должно начаться вот-вот, а Райкина нет. Публика хлопает, пора начинать, притушили свет в зале. Хазанов нервничает, и вдруг из бокового входа тихо появляется Аркадий Исаакович, мелкими шажками, раскланиваясь, идет к своему месту в первом ряду, садится, а все встают, слышится громкий шепот: «Райкин пришел! Где? Да вот он...» Эффект произведен! Геннадий уверял потом, что все специально продумано.

Несмотря на некоторые гонения, на правительственные концерты Хазанова постоянно приглашали. А однажды в бане прямолинейный Кваша сказал: «Гена, а ты чего к нам пришел? Иди к своим

друзьям в Кремль...» Видимо, это считалось в актерской среде несколько предосудительным, хотя давало конкретные предпочтения.

* * *

Позвонили мне как-то из Киева и попросили проконсультировать известного певца Юрия Гуляева. У него появилась охриплость, а предстоял очень важный концерт в Московской консерватории, от успеха которого зависело присуждение Государственной премии. Мнения киевских врачей расходились. Прилетел Юрий утром, у меня шел прием больных в поликлинике. Назначенное время прошло, а его нет. Выхожу в коридор, вижу — скромно сидит в очереди. Сразу же проникся к нему симпатией и уважением. Осматриваю, оказывается, что одна голосовая связка плохо двигается. Петь сольный концерт, конечно, нельзя. Через два часа прилетает супруга, давит на меня, считает, что муж мнителен. В ответ Гуляев говорит ей: «Я закончил несколько курсов Свердловского мединститута и тоже считаю, что мне нельзя петь. Кем я буду работать, если голос потеряю, дворником?» В итоге концерт перенесли. Я уже забыл эту историю, как раздается звонок, и Юрий приглашает меня на выступление. Прихожу. Мне не просто оставлены билеты на контроле, а он сам стоит и ждет. Очень скромный и обаятельный человек с непростой судьбой. Их ребенок болел детским церебральным параличом, каждый год ездил в санатории.. Жена, конечно, натерпелась.

Юрий проникся ко мне доверием. Однажды спросил, представляю ли я, кто такие гейши. Рассказал, что был на гастролях в Японии, заработал хорошие деньги и все оставил у гейш, хотя подчеркивал, что дело не в самих девушках, а именно в необычной атмосфере.

* * *

В 70-е годы я подружился с Анатолием Борисовичем Утевским, моим одногодком. Не знаю, жив ли он сейчас... Это была яркая многогранная личность, очень красивый, остроумный, коммуни- кабельный человек, он умел влюблять в себя не только женщин,

но и мужчин. Отец — известный юрист, заведующий кафедрой уголовного права в Московском университете. Замечательная гостеприимная мама Элеонора Исааковна, старший брат (к сожалению, безвременно скончавшийся молодым, как помнится, от рака пищевода). Толян, как его называли, в те годы был сотрудником уголовного розыска, что придавало его образу таинственности. Жил он на Большом Каретном переулке в доме 15, там же, где и Владимир Высоцкий, тогда шепотной щуплый паренек, учившийся играть на гитаре, студент школы-студии МХАТ. Мы были старше его на четыре года, для того возраста большая разница. У Толяна была своя дружная компания, талантливые ребята. Их образ жизни был довольно свободный; они околачивались в саду Эрмитаж, как следует выпивали. Я же был прилежным доктором, много дежурил, в общем, тесной дружбы не получилось. Ходили, правда, вместе в гастроном на Арбате; у ребят везде были знакомства, почему-то директора магазина они звали Миша-Вася. Высоцкого помню довольно смутно, он уже в те годы был очень скрытен, близкие друзья были для него всем, а остальные, в том числе и я, — просто знакомые. Помню, как он вдруг исчез из компании. Поинтересовался у Толяна, тот ответил, что пьет уже слишком. А с Утевским связано несколько забавных историй.

Женился первый раз он довольно молодым на певице по фамилии Разинкина. В эстраде ее знали под несколько иной, шуточной фамилией: после буквы «з» вставляли «д»... Очень красивая женщина, она действительно влюбилась в Толяна. Далее обычная история: брак был недолгим, кончился судом, разделом имущества, потерей дачи и т. д. В дальнейшем Толян был осмотрительнее. Вторая его жена была популярной портнихой, называла себя «модельерша». Жили они в одном доме с писателем Поляковым, который писал тексты для Аркадия Райкина, был очень богатым. Однако у него была одна слабость: всем своим бывшим женам после развода он оставлял квартиры. Поэтому Толян прозвал его «писателем-застройщиком».

Однажды мы с Утевским поехали отдыхать в Пицунду, в Дом творчества писателей. Неугомонный выдумщик никому не давал жить спокойно. В это время в Доме творчества отдыхал в отдельном корпусе Евгений Евтушенко. Вечером в столовой появилось объявление: «Товарищи отдыхающие! Завтра в таком-то номере в такое-то время состоится встреча с поэтом Евтушенко». Легко представить, что произошло в дальнейшем.

Или вот еще: отдыхали в Сочи. Толян от имени секретаря горкома партии позвонил директору дома творчества в Пицунде и «предупредил», что завтра к ним приезжает на отдых Михаил Александрович Шолохов. Всю ночь пансионат приводили в порядок, 2 или 3 дня прекрасно кормили... Правда, потом кто-то «продал» Толяна, и его досрочно выписали. Директор даже грозил написать в железнодорожную милицию, где Утевский тогда работал.

После долгого перерыва в общении Толян обратился ко мне с какой-то медицинской проблемой, вроде с аллергическим ринитом. Обрадовались друг другу, вспоминали грехи молодости. Рассказывает, что обращался с сердечными делами к своему другу Лео Бокерии. После обследования спрашивает, как быть с сексом. Лео предупреждает: «Будь очень осторожным». «Что значит, осторожен? — говорит. — Я же привык...» А было Толяну тогда за 80 лет.

* * *

В первые годы после возвращения из Америки в Вороново приезжал Владимир Познер с женой Катей. Очень интересно рассказывал об образе жизни американцев. Тогда мы ничего об этом не знали. Например, рассуждал о том, как определяют действия политиков их национальность, раса, профессиональная подготовка и т. д. Например, Картер — фермер, крестьянское мышление, некоторое скопидомство, зато трудолюбие, отсутствие дипломатических способностей. А Генри Киссинджер — еврей, умеет ладить с разными людьми, миролюбив и пр.

Каждый вечер он ездил из Рузы в Москву, где вел передачу на Америку. Говорил, что никакой цензуры КГБ не было, что считал нужным и важным для американцев, то и говорил без всякого согласования. Такого полного доверия тогда мало кто удостоивался.

* * *

Я дружил с братьями Хайт — Аркадием и Александром. Саша играл в волейбол, потом некоторое время работал у Александра Левенбука то ли администратором, то ли директором еврейского театра. Аркадий же стал известным писателем-сатириком, драматургом, сценаристом. Так вот они с товарищами работали над произведением, которое называли в шутку «Ленинианой». Кое-что я запомнил, например «Ленин и теперь жалеет всех живых» или «Почему у Крупской глаза на выкате? Потому что она у Ленина видела...» Некоторые шутки были в стихотворной форме, и весьма фривольные. В иные времена за такую лирику можно было сесть лет на 10... Но будем считать, что это был вклад Хайтов в диссидентство.

* * *

Журналист Ярослав Голованов был замечательным рассказчиком, знал многих знаменитых людей, приводил их в нашу баню. В то время тема космоса была закрытой, и хотя бы о некоторых новостях мы узнавали именно от Ярослава. Он поведал нам немало забавных историй из жизни космонавтов. Но ограничусь этой.

Страна отмечала 100-летие Ленина, к этой дате даже был приурочен один из полетов в космос. На Байконуре собрались правительственные делегации, куча журналистов. Трансляцию вел Юрий Фокин. Он пожаловался на одного космонавта, мол, тот заранее попросил не задавать ему банальных вопросов, например о том, кому посвящен этот полет. Конечно, предполагаемый ответ — партии и правительству. «Причем он меня не просто предупредил, а сказал, что опозорит в прямом эфире, если спрошу его о чем-то подобном!» Фокин, конечно, занерв-

ничал и просил друзей-журналистов придумать ему пару вопросов, с одной стороны, простых, с другой, имеющих некоторый политический подтекст. Тогда Ярослав предложил ему такой вариант: «Юра, а ты спроси его, столетию кого он посвящает свой полет». А что? Вопрос простой и политически своевременный...

* * *

Как-то оказался на даче Роберта Рождественского в Переделкине. Мы не были близкими друзьями, но я хорошо знал жену Алену, дочек. Роберт бывал в нашей банной компании, мы его любили за человеческие качества, что уж говорить о его поэтическом даре. Так вот в тот день мы сидели за длинным столом на террасе. Хозяева дома во главе стола, Нелли Кобзон (Иосиф Давыдович был в отъезде), Лена Рошаль, Светлана Моргунова, наша замечательная телеведущая, Беллочка (друг семьи) и мы с супругой Жанной. Терраса застекленная, мы сидим напротив окон. Все тихо, мирно, Роберт читает стихи. Раздается телефонный звонок, и Алена встает, чтобы ответить. Возвращается и говорит, что сейчас придет их друг, но не один, а с генералом. Алена была уверена, что речь шла о Громе, с которым у Рождественского была большая дружба. Приходит сосед... с Руцким. Все шокированы, потому что только накануне Руцкой был отпущен из тюрьмы. За ними входит еще один мужчина, как потом выяснилось, телохранитель. Было видно, что Алена недовольна, она всегда была крайне щепетильна в выборе гостей. Руцкой располагается напротив нас с Жанной, спиной к окну. Жанна как бы между прочим предлагает мне перекусить — вдруг в Руцкого будут стрелять...

Роберт любил ходить в нашу баню, общаться со своими друзьями: известным хирургом Вячеславом Францевым, прекрасным урологом Феликсом Яжгуром, главврачом роддома №23 Владимиром Коппом, журналистом Ярославом Головановым... Человеком он был осторожным, но в нашей компании как будто раскрывался. Понимаю, как сложна была его жизнь: удивительный поэт, русский патриот по внутренним убеждениям, ему приходилось разрываться между обязанностями секретаря Союза писателей

и собственной совестью. Во многом это удавалось благодаря его мудрой жене Алене Киреевой, которая оградяла его своими советами от многих жизненных передряг. Он был, как мне казалось, однолюб и души не чаял в своих дочках.

Роберт рассказывал, как во время поездки в Нью-Йорк он, искренне веривший в доброе отношение афроамериканцев к Советскому Союзу, решил побывать в Гарлеме, хотя ему туда ехать не советовали. Но он настоял. Вышел из автобуса, подходит к первому подъезду, там получает по голове и лишается кошелька... Возвращается в автобус с подорванным мнением о любви негров к нашей стране.

Приезжает Рождественский в одну из африканских стран, знакомится с местным министром культуры, возникают дружеские отношения, завязывается переписка. Через год вновь оказывается в этой стране и, что естественно, хочет увидеться с министром. Но все как-то стыдливо опускают глаза и не могут ничего толком объяснить. Позже выяснилось, что министр был арестован за канибализм, а почти все сотрудники из его племени уволены. Что-то, не буквально, но напоминает не только Африку...

Одно время Роберт Рождественский возглавлял федерацию баскетбола. Летели они в Чили на чемпионат мира. Отношения с этой страной тогда были плохи, и всех предупредили, что будет большой «шмон» и продукты лучше не брать. Но один из игроков не послушал и решил провезти с собой батон сырокопченой колбасы. Поместил его в спортивные брюки и привязал к поясу. Проводя личный досмотр, таможенник, ощупывая спортсмена, был потрясен и смотрел ему в след с нескрываемым уважением! Вообще в те годы каждый, кто имел возможность выехать за границу, в целях экономии валюты брал с собой консервы, сало, колбасу, не говоря уже о спитных напитках. Однажды в Италии наблюдал такую сцену. К отелю подруливает автобус, выходит балетная труппа с чемоданами. Элегантные итальянцы подсакивают к девушкам, хватают чемоданы, хотят поухаживать... а чемоданы тяжеленные, поэтому

тут же опускают их на асфальт. Зато наши хрупкие девушки с легкостью их поднимают и несут в отель — привычка, своя ноша не тянет...

* * *

Многие годы я дружил с корреспондентом Фотохроники ТАСС Борисом Трепетовым. Это подразделение информационного агентства располагалась на улице 25 октября (сейчас это Никольская улица). Рядом находится ГУМ, в котором работало много симпатичных молодых продавщиц, и они «дружили домами». Корреспонденты — ребята веселые, находчивые, и мне нравилось бывать в их компании. В Фотохронике очень любили розыгрыши, как правило, комические, но иногда они могли иметь и тяжелые последствия. Расскажу о двух.

Борис со своим товарищем Игорем В. были на новогоднем вечере в Кремлевском Дворце. Там познакомились с двумя дамами и слегка за ними поухаживали. Когда вечер подходил к концу, одна из дам, обращаясь к подруге, спрашивает, кто из них будет вызывать машину. Игоря, опытного ходока, это насторожило. «Галочка, — обращается к одной из дам, — как я смогу Вас найти? Дайте телефончик...» «Я сама Вас зайду, если будет нужно», — отвечает новая знакомая. Все распрощались и разъехались. На этом коротком диалоге впоследствии и был основан розыгрыш. Спустя время мы сидели у Бориса в редакции, он позвал одну из машинисток и просит ее подыграть. Набирают номер Игоря. «Здравствуйте, это Галя, Галина Брежнева. Помните? Мы познакомились с Вами в Кремлевском Дворце...» Тот разволновался, отвечает: «Ох, Галочка, что же Вы так долго не звонили? Я так часто Вас вспоминал!» «Давайте сегодня встретимся. Есть возможность уйти с работы? Через час будет ждать машина у подъезда...» Игорь засуетился, собрал денег у сотрудников, а Борис тем временем позвонил начальнику и попросил машину для якобы срочной поездки во Внуково. Спустя час Игорь выходит к машине, шофер, который тоже был вовлечен в розыгрыш, везет его на Ленинские горы. Останавливает машину у одного из особняков и говорит, что нужно

подойти к охраннику, представиться, и тот его проведет к нужному месту. После этого водитель уезжает. Уж не знаю, что сказал Игорю охранник, но вернулся он на работу крайне потерянный.

А вот этот розыгрыш мог иметь самые серьезные последствия. Перебирает Трепетов свой архив и находит фото одного из коллег в нацистской форме. Вспоминает, что в 50-е годы к ним в Фотохронику приезжал режиссер фильма «Подвиг разведчика» и предложил подзаработать в массовке. Они с радостью согласились. Их переодели в немецкую форму, и Борис сделал несколько фото на память. А дальше сама история... Трепетов пошел в отдел кадров и незаметно положил на стол начальника фотографию коллеги. Начальник, увидев карточку, пришел в ужас, вызывает к себе в кабинет изображенного на фотографии корреспондента, начинает допытываться, где тот был в годы войны... Дает время до утра для подготовки объяснений... Злая шутка, конечно... Все могло закончиться трагедией. К счастью для Трепетова, никто не узнал имя автора этого розыгрыша.

В те годы я жил на Преображенской площади, недалеко от парка Сокольники, где часто проводили разнообразные выставки. На одну из них приехал Н.С. Хрущев. Борис Трепетов должен был, в числе прочих, освещать этот визит и взял меня с собой. Хрущев остановился возле какого-то павильона, остановилась и вся свита, включая охранников и корреспондентов. Мы с Борисом оказались совсем рядом с ним, внутри образовавшегося круга. Вдруг из ниоткуда возникает обычный работяга, слегка навеселе и настроенный довольно решительный: «Очень тебя, Никита Сергеевич, прошу, помоги с квартирой... Трое детей, жена гадюка, зарплата маленькая. Не живем, а мучаемся!» Все окружающие замерли в ожидании скандала, защелкали камерами иностранные журналисты, охранники начали волноваться... Никто не знал, как поступить. Оттаскивать мужичка нельзя, уговаривать бесполезно. Похоже, не растерялся только Хрущев: «Тебя как зовут? Василий? Ну что же ты, Вася, выбрал такое неудачное место для серьез-

ного разговора? Приходи ко мне на работу, хоть завтра, там все и решим». Работяга, довольный, удалился.

Глава 5. Вокруг земного шара

За рубежом мне доводилось бывать часто и в самом разном качестве: в молодые годы — туристом, позднее — на многочисленных конгрессах и конференциях. Поездки за границу привлекали меня не столько туристическими достопримечательностями, сколько возможностью встретиться с разными людьми, попытками понять их образ мыслей, менталитет, жизненные ценности, уяснить, чем же мы от них отличаемся. Во многом это было связано и с тем, что в молодые годы, когда формируется мировоззрение и которые я провел за «железным занавесом», мы не получали вообще никакой информации о мире, находящемся за пределами социалистического пространства. Я искренне полагал, что нужно просто правильно объяснить иностранцам, что у нас гораздо лучше, и они все поймут и будут завидовать нашему образу жизни. Интересна с этой точки зрения эволюция и моих собственных взглядов на зарубежную жизнь. Следующим этапом стал резкий переход к полному почитанию иностранного образа жизни. Теперь же наступил третий этап: я начал понимать, как живет людям хотя бы среднего класса в Америке, Европе, Азии. И прихожу к такому выводу: да, живет там, может быть, и богаче, но не лучше. Почему? Мне кажется, что заработать на жизнь там гораздо труднее, прежде всего из-за чрезвычайно высокой конкуренции во всех сферах. И еще я думаю, что если бы я работал столько, сколько работает профессор приблизительно моего уровня, то я также мог бы купить «Мерседес», лошадь и построить хорошую виллу...

Но я немного отвлекся в своем желании объяснить читателю, что в этой главе он не встретит моих впечатлений от Лувра, Прадо, Венской оперы или описания изумительных водопадов Норвегии. Конечно, от посещения этих мест у меня остались приятные воспоминания, но мне хотелось бы поделиться с вами путевыми заметками, сделанными во время посещения разных стран в контексте их традиций и культуры.

Франция

Как многие из вас, наверное, помнят, при советской власти для путешествий за границу даже за собственные деньги нужно было пройти очень строгий отбор по линии органов, судебных инстанций. Только тогда оформляли выездную визу, о которой нынешнее поколение даже не слышало. Обменять можно было не более 100 долларов, но зато советские туристы жили на всем готовом, в очень приличных отелях, с хорошей экскурсионной программой. Кстати, однажды в райкоме партии выездная комиссия из старых большевиков не пропустила меня в поездку. Один из ее членов сказал мне, что в прошлом году я уже был за границей — в Болгарии, а вот работники с фабрики имени Розы Люксембург из-за этого не могут попасть в тургруппы (о деньгах, конечно, ни слова). Я был в то время секретарем партбюро. Обратился напрямую к третьему секретарю Ленинского райкома партии М.А. Кашеенковой, и она разрешила мне поехать, объяснив, что комиссия имеет план по числу отстраненных. Так я и попал в Париж, но не как турист, а по линии Всесоюзного общества культурной связи с заграницей. В таких поездках допускалась некоторая свобода, хотя ходить можно было только по двое–трое, естественно, предварительно докладывая руководителю о маршрутах. У Ярослава Голованова в это время в Париже работал друг — Александр Сабов, собкорр «Комсомолки». Он написал ему письмо примерно такого содержания: «Покажи моему другу Париж с черного хода, только не пей с ним водку». Естественно, с этого и начали... А затем Саша сказал мне, что бульвар Клиши — это публичные дома для туристов, и мы отправились в рабочий район Сан-Дени. Единственный раз за все мои путешествия за рубеж я увидел длинные очереди к подъездам. Это были низкопробные бордели с доступными ценами и ограничениями по времени. За сутки проститутка пропускала через себя до 20–30 (!) клиентов.

Состав нашей группы был своеобразный. В основном это были рабочие завода «Серп и молот», ударники и стахановцы, цвет

рабочего класса. Поездка за границу — это была награда за самоотверженный труд. Кстати, ездили они довольно регулярно, знали дешевые магазины и что именно нужно привезти для продажи. Поскольку в таких поездках предполагались встречи с иностранцами (мы, к примеру, побывали на заводе «Рено»), то в группу старались включить пару интеллигентов. По этому признаку попал я и еще преподаватель французского языка из института имени Лесгафта. Начало поездки было обнадеживающим: приехали в отель, размещали нас по два человека в номере, со мной поселили Геннадия, слесаря высокого разряда. Он вышел на минуту, а, вернувшись, пригласил меня в соседний номер, где расположился наш руководитель, заместитель секретаря парткома завода, выпить по рюмке за приезд. Зашли в комнату, и я увидел, что весь стол заставлен бутылками водки, и не заметил даже признаков какой-либо закуски. Мой вопрос в этом отношении вызвал легкий переполох и недоумение. Кто-то предложил закусить жвачкой... Как мне объяснили, каждая смена на заводе начинается со стакана, без этого к работе не приступают. Тут только я понял, почему в то время водку начинали продавать с 11 часов («час волка»). Нужно сказать, что эти здоровые мужики знали свою меру, и никто пьяным не был. Меня ребята звали Док, относились с уважением, советовали, что выгодно купить, показывали, где есть польские магазины. Я же занимался их «образованием». В то время в Париже вышел один из первых порнофильмов «Эммануэль», на него я и повел всю группу. Интересна была реакция: все сидели притихшие, стеснялись обсуждать детали. Через несколько дней кто-то спросил меня: «Док, напომни, как фильм назывался — „Хемингуэй“?» Елисейские поля они называли Елисейскими, особо достопримечательностями не интересовались. Но при покупках проявляли сообразительность. К примеру, тогда в Союзе был очень популярен и дорог мохер, но ввозить его в мотках было запрещено. Ребята нашли выход: они вязали громадные шарфы с тем, чтобы жены их потом могли распустить и продать.

* * *

Французская кухня считается одной из самых популярных и изысканных, все ее хвалят. Но вот как это выглядело однажды: едем в загородный ресторан под Парижем, путь долгий, все проголодались, т. к. завтрак был давно. Подъезжаем. Небольшое заведение, где персонал — члены одной семьи. Входим, хозяин встречает криками восторга: «Смотрите, кто к нам приехал!» Навстречу выбегают все остальные — жена, дети, хлопают в ладоши. Громко советуются, чем нас кормить: рыбой, курицей или мясом. Наконец, решают — рыбой. Дальше начинается подробный рассказ об этой рыбе, которая восхитительна, водится только в этом притоке реки Луары, сообщают, как ее будут готовить и т. д. Затем начинается сервировка: расставляют специальные тарелки с изображением рыбы, вилки и ножи с рукоятками в виде рыбьего хвоста... Минут пятнадцать идет выбор вина. Наконец, торжественно вся семья несет подносы с этой рыбой, набрасываемся на еду... В общем похоже на обычную треску. Но после такой увертюры все кажется восхитительным! Впоследствии я не раз сталкивался во Франции с такого рода «артиллерийской подготовкой» к ужину.

* * *

Вхожу в Лувр. На первой лестничной площадке встречает Венера. Приходит в голову мысль: «Был здесь 30 лет назад. Я так изменился, а ей хоть бы что!» Как-то обидно стало...

* * *

Однажды оказался в Ницце, когда там протестовали против министра внутренних дел. По набережной шла демонстрация, в основном молодежь, студенты. Ехали грузовики, в кузове играл джаз, танцевали. Я, конечно, не удержался и присоединился к шествию. Мне в руки даже всучили какой-то плакат. Полицейские шествию не мешали, стояли вдоль обочины. Звоню Жанне в Москву, рассказываю, где я. «Немедленно уходи оттуда, — говорит встревоженная Жанна. — Ты всегда найдешь приключений на

свою голову...» Послушался, ушел, но было ужасно жаль покидать ту веселую толпу. Плакат, кстати, с собой привез, он до сих пор на даче хранится.

* * *

Знаменитое аббатство Сен-Мишель на севере Франции. Кроме уникальной архитектуры и истории, славится лучшим в мире омлетом. Очередь за ним — почти час. Весь кулинарный процесс происходит на глазах у посетителей. Необычная посуда, какие-то специальные яйца, одежда повара... Вкус, правда, самый что ни на есть обычный! Опять эти французские штучки...

* * *

Ресторан в Париже на острове Сите. Называется «Наши предки — галлы». Блюда по старинным рецептам, но главное — вино в бочках, которое включено в стоимость входного билета. Понятно, что атмосфера в зале очень теплая! Бывал там неоднократно, подружился с шансонье Аленом Палма (Alain Palma). В один из приездов выясняется, что у него выходной и он поет в другом заведении. Попросил позвонить ему, и Ален приехал через полчаса. Пели вместе, я даже чаевые собирал... Великая сила искусства!

* * *

Едем из Парижа на север Франции. По дороге останавливаемся в деревне Живерни, где расположена усадьба великого Клода Моне. Предвкушаем удовольствие от встречи со знаменитыми пейзажами, но к величайшему сожалению выясняем, что в воскресенье усадьба закрыта для посетителей. Среди нас отчаянная профессор Галина Леопольдовна Балясинская. Она перелезает через забор, открывает замок калитки, и мы, довольные, идем к пруду. Но любовались знакомыми по картинам пейзажами недолго, поскольку из дома выбежал охранник, чуть ли не с пистолетом, и задержал нас... Выручил всех гид, бывший соотечественник, одинаково хорошо знакомый с порядками и в СССР, и во Франции: отделались бутылкой хорошего коньяка...

* * *

Мы в кабаре «Мулен Руж». Кто-то интересуется у гида, можно ли пригласить танцовщицу на интимную встречу. Гид удивлен: «Думаю, можно, но стоит это будет очень дорого, ведь это не является ее профессией. А вообще Вам, что, обязательно, чтобы она еще и танцевала?»

* * *

В 2000 году у жены моего друга Владимира Копша был юбилей, и мы решили встретиться тесным кругом в Париже. Владик, живший в Австралии, заказал из Мельбурна праздничный ужин на прогулочном кораблике, курсирующем по Сене. Мы с Жанной приехали из Москвы, сын Копшов Женя прилетел из Цюриха, наш друг Соломон Сатановский — из Берлина. Вечер получился изумительным! Разве могли мы хотя бы за 10 лет до этого поверить, что такое вообще возможно!

Дания

Приглашают на банкет в мэрию. Шикарное старинное помещение, большой зал, посередине — застекленная витрина. Внутри всякий хлам: сломанные детские коляски, старый телевизор, стоптанная обувь, поношенная одежда... Интересуемся, что это такое. Оказывается, это демонстрация мусора, который выбрасывает в год среднестатистическая датская семья. Очень наглядная агитация за экологию.

Германия

Одна из моих первых поездок в Западную Германию в 1971 году была довольно любопытной. Она носила политический характер и была организована Обществом дружбы СССР и ФРГ. Дело в том, что в Западной Германии шла кампания по закреплению итогов Второй мировой войны, включая и территориальные изменения. Предстоял референдум. Существенная часть населения была против, ведь ФРГ теряла значительные территории в пользу СССР, Польши, Чехословакии и т. д. Власти вели агита-

ционную работу, и в страну зачастили группы якобы туристов. В них включали и врачей, поскольку в Германии люди этой профессии пользуются авторитетом и к их мнению прислушиваются. Ехали мы поездом до Аахена, там нас встретили представители коммунистической газеты. Время было утреннее, а в гостиницу мы могли заселиться только после 14:00, и принимающая сторона предложила нам сходить в кино — как раз началась декада датского фильма в Германии. И вот мы в кинозале... Фильм оказался порнографическим. Даже в Германии тогда никто такого не видел (эти веяния шли из Скандинавии), что уж говорить про нас, ведь, как известно, «секса в СССР не было»... Вообще в те годы для советских граждан тема свободной любви была одной из наиболее волнующих во время загранпоездки. Забавно, что на проститутку мы смотрели с жалостью — вот до чего довел таких красавиц капитализм! Однажды в Мюнхене мой товарищ В. Пальчун ушел на несколько шагов вперед, и вдруг слышу его истошный крик. Подбегаю, вижу сцену: турок, привратник бара, хватает Володю за руку и тянет внутрь к девочкам. Тот упирается, глаза молящие.. Отгаскиваю товарища и вдруг слышу раздосадованные, но очень хорошо знакомые нам матерные слова с турецким акцентом... Не уверен, истратили ли бы мы таким образом деньги, даже если они бы у нас и были, ведь это удовольствие в СССР можно было получить даром. Помните, у Жванецкого: «Девочки, оказывается, за это можно получать деньги, и очень неплохие!»

* * *

Мы, как и многие советские туристы, взяли с собой на продажу икру, чтобы вернуться домой с подарками для родных. Но продавать еще нужно уметь. Кому, как? Предлагали икру горничным в гостинице, и, хотя цену называли в 5–10 раз меньше, чем в немецких магазинах, для них все равно дорого. Ну а туркам и югославам, которых было много в Германии, она вообще была не нужна. Помню, мы каждый вечер вывешивали икру за окно, благо было холодное время года, и в конце поездки съели ее сами. Но сапоги жене я все же привез.

* * *

В Мюнхене мы пересеклись с демонстрацией немцев, требовавших освобождения нацистского преступника Рудольфа Гесса, сидевшего тогда в тюрьме Шпандау. Наш руководитель буквально затащил нас в пивной подвал, где мы это шествие и переждали. Выходим, на мостовой — газета. Незаметно подбираю. Через несколько метров подходит руководитель и забирает ее у меня — в целях моей же безопасности.

В холле гостиницы лежат газеты. Беру одну в утилитарных целях — нужно завернуть обувь. Когда вернулись в Москву, сосед, редактор Moscow Times на немецком языке, между делом интересуется, не привез ли я какое-нибудь чтиво. Вспоминаю про газету, разглаживаю и отдаю ему. А на завтра он мне показывает содержание: передовица «Дзержинский — палач русской революции» и вторая статья «Лев Троцкий — отец русской революции». Дорого мне эта история могла обойтись, попробуй, докажи, что не специально привез.

Нас знакомят с влиятельным немецким ученым-химиком, изобретателем очень популярного в то время сердечного препарата. Человек он, естественно, очень богатый. После осмотра завода — прием за городом. Приезжаем в огромный дом. Пока шли к залу, где должен был быть банкет, насчитал 15 комнат. Начинается застолье. Блюда подает миловидная дама. Очередь доходит до меня, поздравляю хозяйку дома, полагая, что это супруга профессора. Все хлопают. В конце вечера ко мне подходит хозяин, благодарит за хорошие слова, однако уточняет, что это не супруга, а любовница, а дом этот — его подарок ей. Я обескуражен и слегка завидую... Каждый вечер в новом городе — прием. Приходят очень разные люди, условие одно — знание русского языка. В основном это были бизнесмены, преподаватели колледжей. Сидим за столом, пьем пиво, дискутируем. Слышу разговор напротив: «Ты уж, Василий, помалкивал бы. Ладно, я, женился и после войны остался, а ты ведь добровольно перешел в ФРГ». История этого бывшего соотечественника

любопытна. Сам он родом из Сибири, служил по призыву матросом, попал на рейс, как тогда говорили, в «загранку». Пришли в Гамбург, небольшой компанией зашли в бар, стали танцевать. Внезапно началась драка, нагрянула полиция, и его забрали до выяснения обстоятельств. А утром теплоход ушел без моряка. Положение аховое, языка не знает, денег нет, консульства в Гамбурге не было. Вышел на улицу, подошел к полицейскому, тот спросил — русский? И написал адрес. Нашел улицу и вывеску «Народно-трудовой союз». Откуда ему было знать, что это белоэмигрантская организация? Вошел, представился. Все говорят по-русски, что его как-то успокоило. Направили к сотруднику, который объяснил его теперешнее положение и обрисовал два варианта дальнейшей жизни. Первый: попытка связаться с советским консулом; это очень сложно, но если даже и удастся, то моряка на Родине ждет потеря работы, а, возможно, и суд. Второй: знакомство с симпатичной девушкой, обучение немецкому языку и профессии, какие-то деньги, а взамен — самая простая информация, нужно писать все, что знаешь об СССР, например, какая в это время погода в Иркутске, какие улицы, как ходит транспорт и т. д., за каждую страницу — 40 марок. Условие одно — не врать. Люди пишут неделями. Через какое-то время выпускают и Василия, он получает работу маляра, знакомится с девушкой, его обучают языку. Все налаживается. Но в России мать, сестры, и он решает возвратиться. Так ли это происходило, не знаю, но советский паспорт действительно показал.

* * *

В 1972 году в Мюнхене пошли в ресторан, располагавшийся в телебашне. Денег мало, и водку приносим с собой. Профессора стесняются и предлагают разливать ее под столом. Я настаиваю, чтобы достали бутылки и поставили их на стол. Выставляем. Вдруг к нашему столику подбегает официант, хватает бутылки и уносит. На меня все набрасываются с упреками, мол, вот тоже интеллигент нашелся... Я не верю происходящему и иду на кухню. Вижу такую картину: официант наливает в рюмки немного воды

и ставит их в морозильник, чтобы, когда они красиво покроются инеем, на подносе отнести к нашему столу. Я реабилитирован.

* * *

Как я уже отметил, советские граждане, неважно, находились ли они в турпоездке или командировке, были очень ограничены в валюте. Приходилось экономить. Скажем, нужно в туалет, а стоимость посещения — одна марка. Но профессура на выдумки хитра. Идем по очереди; кто освободился, не уходит, а ставит ногу между стеной и дверью. Так проходит вся группа. Прости нас, ФРГ...

* * *

Садимся с Жанной в поезд во Франкфурте-на-Майне. Через два часа поездки она спохватывается, что забыла на столике в номере все свои украшения. Выходим на ближайшей станции и едем обратно. Каково же было наше удивление, когда на рецепции нам вручили пакет с драгоценностями, попросили проверить наличие и написать расписку. Никакого ощущения «подвига»... Горничной вручаем 50 евро, так еще и уговаривать пришлось их взять. Вот порядки...

* * *

Едем на поезде по Германии, билеты у нас особые — для пенсионеров. Входит контролерша. Она мне сразу не понравилась: длинная, тощая... Проверяет наши билеты, и выясняется, что мы сели не в тот поезд: мы едем во французском поезде, а билеты у нас на немецкий (хотя они идут по одному маршруту по территории Германии). Начинается разборка; пассажиры делятся на два лагеря, причем большинство за нас — контролеров, видимо, везде недолюбливают. Контролерша ведет себя недружелюбно. Вызывает старшего. Ему явно не хочется раздувать скандал. Да и настроение у публики вполне революционное... В общем контролеры уходят ни с чем, а мы под аплодисменты продолжаем свой путь!

* * *

Сажусь в поезд на Белорусском вокзале. В вагоне пожилая женщина из Поволжья, едет к брату в Германию, собирается репатрироваться. Обращается ко мне: «Я в Ханновер, а Вы тоже туды?» Повысится культурный уровень в Германии с их переездом...

* * *

В одну из поездок по Германии нашу делегацию возили в огромном шикарном «Мерседесе». Когда мы заходили в рестораны, шофера к общей трапезе не приглашали, он ел бутерброды за отдельным столом. Мы его, признаться, жалели, осуждали тяжелое положение рабочего человека при капитализме. Правда, к концу поездки выяснилось, что автобус стоимостью около 500 тыс. марок ему и принадлежит!

* * *

Пригласил нас в свой загородный дом профессор Герхард (клиника Шарите). Сидим в гостиной, чинно пробуем ликеры, скучно, не по-русски... Позже выясняется, что все явства и напитки расположены на кухне. Захожу туда и встречаюсь с американцем. За рюмкой быстро завязывается беседа. Сообщаю ему, что если на столе расставлены блюда, то это просто еда (food), но если рядом есть алкоголь, то это уже закуска. Он смеется, просит написать ему английскими буквами это слово. Пишу: *zakuska*. Возвращаемся вместе в гостиную, и американец говорит, что он — друг родителей Герхарда, в 30-е годы бежал из Германии от нацистов. «Я часто приезжаю в Германию, всегда останавливаюсь здесь, — добавляет мой новый знакомый. — Знаю хозяина дома с детства, но зову его исключительно „профессор Герхард“. А с этим русским познакомились всего полчаса назад, и уже на „ты“, он — Майкл, я — Джеф...»

Нидерланды

Амстердам. Легкие наркотики продаются в специальных кафе и кондитерских, их там добавляют в разные угощения. Нас предупреждают об опасности передозировки и рекомендуют на первый раз съесть не более одного пирожного с добавкой. Съели по пять

штук — никакой реакции, только деньги зря выбросили. Ох уж эти русские!

Румыния

Побывал в Румынии еще во времена правления Чаушеску. Экскурсия по городу, проезжаем мимо Пантеона. Комментарий экскурсовода: «Здесь похоронены все выдающиеся деятели коммунистического движения нашей страны и будут похоронены все остальные...» Ошибся!

Греция

Мы с Жанной в афинском магазине покупаем ей шубу. После этого нужно на экскурсию — на гору к храму Парфенон. Жара под 40 градусов. Хозяйка магазина предлагает оставить шубу у них и забрать ее на обратном пути. Жанна, наслушавшись разговоров о подмене и мошенниках, не соглашается. В итоге я был, наверное, единственным туристом, который покорил эту вершину с шубой...

Египет

Пребывание в Каире совпало с моим днем рождения. Взяли бутылку коньяка, такси и поехали на вечернее представление к Сфинксу. Остановились неподалеку, выпили по рюмке за мое здоровье, шофер тоже не отказался. Вдруг видим, скачут к нам двое конных полицейских. Ну, думаем, попали... Они остановились рядом, что-то оживленно говорят шоферу, а мы ждем ареста. Но оказалось, что предлагали провести нас на представление без билета за полцены. Знакомые порядки...

Индия

Много забавных случаев оставили в памяти поездки в Индию.

* * *

В ресторане гостиницы, в которой мы останавливались, был банкет по случаю свадьбы. Нас настойчиво приглашают при-

соединиться к торжеству. Узнав, что мы из России, поднимают тосты за нашу страну. Прямо светятся гостеприимством. Правда, по завершении праздника предлагают уплатить 100 долларов. А мы-то расслабились...

* * *

В Индии везде торгуют драгоценными камнями, даже прилагаются художественно выполненные сертификаты с печатями. Прибавьте к этому высокое искусство убеждения. По возвращении, конечно, выясняется, что все подделка.

* * *

Решили поехать кататься на слонах. Погонщики посадили нас со специальной лестницы, установленной на спины слонов, что-то прокричали и отправили этот караван в путь, сами при этом остались на поляне. Нам попался какой-то беспокойный слон, все время пытался обогнать других, хотел подраться, забраться в чашу, уйти с тропы... Натерпелись страху!

* * *

Приходим в знаменитый Тадж-Махал. У входа доморощенные гиды предлагают экскурсию. Соблазняемся. Входим внутрь, экскурсовод останавливается, набирает побольше воздуха. Издает гортанный звук, указывает на эхо. Стоит это секундное удовольствие около 30 долларов.

* * *

В начале поездки у какого-то экскурсионного места наш автобус окружила толпа, много детей, больных... Стало их жалко, через окно дал два доллара. 30 минут после этого не могли тронуться. Без помощи полицейского так и не удалось бы.

* * *

Привез из Индии бутылку местного виски, хочу угостить друзей на даче. Поставил на стол. Мой друг профессор Владимир Таточенко,

не говоря ни слова, открывает ее и выливает содержимое на землю. Несколько лет работал в Дели, качество их виски знает.

* * *

Решили взять рикшу. Дорога в гору, а вознице лет 70. Через полчаса он стал задыхаться. Мы люди сердобольные, сначала пошли рядом с телегой, потом Жанна вообще предложила его посадить, а нам толкать повозку!

Югославия

Путешествуем по Югославии с группой туристов на автобусе. Вечерами ночуем в отелях. Приезжаем поздно. Обращаем внимание, что, как правило, около часа нет горячей воды. Оказывается, расчет прост: усталые люди скорее всего лягут спать, не дождавшись душа. Крупные экономисты!

* * *

Командировка в Югославию. Во главе нашей делегации два академика — Н. Преображенский и А. Коновалов. Люди весьма уважаемые, а денег у них все равно нет. Местные коллеги об этом знают, стараются как-то помочь: вызывают якобы на консультацию и уплачивают гонорар. Нам тоже достается...

В составе той делегации была невестка члена Политбюро М.А. Сулова Людмила, врач-оториноларинголог. Назначаем ее официальным руководителем, конечно, из шкурных соображений. В Белграде нас приглашают в посольство посмотреть хороший фильм, а на следующий день мы отправляемся в поездку по стране на 10 дней. Возвращаемся обратно, сидим в гостинице. Вдруг вбегает посол, обращается к Людмиле Суловой, просит простить за то, что не мог ее разыскать на побережье, и сообщает о рождении внука. Передает большой пакет для новорожденного и уезжает. Примечателен комментарий Люды. Она на полном серьезе говорит: «Какой же хороший человек посол!» Людмила, помимо того что невестка Сулова, еще и дочь секретаря Моссовета Пегова. Конечно же, ее всю жизнь окружают теплые люди...

* * *

В Белграде (но, возможно, это было в Праге) посещаем синагогу. Интересна мемориальная доска времен оккупации: «Еврейскому народу, которого больше не существует». Просчитались нацисты!

Финляндия

1968 год. Хельсинки. Морской порт. Прибывает теплоход из Ленинграда. В стране — сухой закон. Алкоголь продается нормированно и очень дорог. Поэтому туристы из Финляндии, как говорили, «отрываются» в Питере и везут с собой по несколько бутылок. Однако таможенный контроль очень тщательный. У выхода с трапа обнаруживают бутылки, но забрать их нельзя, т. к. теплоход — чужая территория. Какой же выход? На палубе финны выпивают содержимое, а затем выходят в город. Бережливые люди!

* * *

Мы в Лапландии. Предлагают покататься на оленьих и собачьих упряжках. С оленями все проходит гладко, а с собаками случается казус. В паре со мной была довольная полная дама, она садится в специальные сани, я встаю сзади за ведущего. Каюр отдает команду, а собаки ни с места и все оглядываются на даму... Наконец, нехотя тронулись, доездили нас до леса (метров 100) и опрокинули сани... Соображают!

Италия

Командировка в Италию подходит к концу. Последний вечер в Риме, заключительный банкет. Ресторан расположен в самом центре вечного города, около Капитолия. Старинное помещение, свечи... А еды почти никакой, да и вино быстро кончается. Спрашиваем знакомого итальянца, в чем дело. Отвечает вопросом: «А вы видели новый дом президента конгресса?» Кстати, попали мы на тот банкет тоже с некоторыми приключениями. Билеты на банкет оплачены заранее, платежки на руках, деньги тоже приличные — 120 евро с человека за ужин. Подходим к организаторам конгресса, просим выдать пригласительные билеты.

В ответ неожиданно слышим, что билеты, оказывается, уже закончились. Огорченные, хотим забрать евро. «А денег тоже нет...» Конечно, начинаем возмущаться. Результат: появляются две очаровательные девушки, кокетничают, извиняются, делают вид, что готовы на все. Но с русскими такие шутки не проходят. Наш руководитель непреклонен. Поняв это, выдают билеты. Все очень легко и просто, без всяких обид... Как в том анекдоте: «Ну, не получилось...»

* * *

В Италии нам показали собак, натасканных на поиски трюфеля. На подготовку таких «охотников» уходят годы и приличные денежные суммы, что потом, конечно же, окупается: стоимость трюфелей доходит до нескольких тысяч евро. А по виду самые обычные псы. Просим разрешения сфотографироваться с ними, как со знаменитостями.

* * *

Знаменитая Пизанская башня. Вокруг толпы туристов, хотя сама башня особой архитектурной и исторической ценности не представляет. Вспоминаю разговор с Савелием Крамаровым. Как-то я спросил его, почему он не исправит косоглазие. «Да ты что! — отвечает. — Меня тогда режиссеры приглашать перестанут». Правильно говорят, что достоинства — продолжение наших недостатков.

Словакия

Эта поездка была то ли в 60-е, то ли в 70-е годы. Во время войны Словакия была в своеобразном положении: с одной стороны — союзница Германии, с другой — большое количество партизан. К ним в гости мы и приехали. Начинается ужин: на столе бесчисленное количество бутылок спиртного, а закуски никакой. Звучат тосты за мир, за дружбу, за СССР и т. д. — не выпить нельзя. В результате все пьяные. И тут подают обильное угощение: мясо, рыба, овощи... Сосед по столу, местный, объясняет, что в Словакии

такой обычай. Если закусывать сразу, пьяных не будет, зачем же тогда пить? Выброшенные деньги.

США

90-е годы. Еду к друзьям в США. Все, естественно, эмигранты. В Атланте встречаюсь со своим хорошим товарищем, в прошлом нейрохирургом Боткинской больницы Эдуардом Требелевым. Он устроен неплохо. Конечно, в нейрохирургию его не пустили, поэтому он работает страховым врачом, заработок приличный. Его жена, моя бывшая студентка, работала в Москве рентгенологом-техником. Материально у них все в порядке: свой дом, бассейн, хорошая машина... Приходим в казино. Эдик дает мне 100 долларов и уговаривает сыграть. Я в смятении чувств: в то время на эту сумму в России можно было всей семьей неплохо жить целый месяц. Эдик советует: «Ну, купишь на эти деньги какие-то шмотки, про которые потом и не вспомнишь, а игра запомнится тебе на всю жизнь!» Так и получилось. Хотя тогда проиграл все довольно быстро...

* * *

Мой товарищ и однокурсник Саша Подольский эмигрировал в США, сумел там хорошо себя проявить и занял должность заведующего патологоанатомического отделения. Как-то мне довелось побывать у него в госпитале. Сидим в кабинете, а в операционной идет хирургическое вмешательство — вскрытие желудка с биопсией. Присылают ткань на исследование, от результатов которого зависит дальнейший объем операции: если доброкачественные клетки, все замечательно, если злокачественные, то... Саша смотрит в микроскоп и сообщает хирургу по громкой связи, что у него есть подозрения на злокачественный процесс. В Америке в подобных случаях положено получить второе заключение. Решают, куда отправить образец ткани. Хирург, как я понял, предложил отправить к своему знакомому. Курьер везет препарат в другую клинику, а мы идем обедать. Через полтора–два часа приходит неутешительный результат — надо

удалять желудок. Хирург, не скрывая, радуется. Еще бы, цена вопроса несколько тысяч долларов...

Япония

70-е годы. Намечено путешествие в Японию. Маршрут сложный: сначала летим до Хабаровска, оттуда поездом до Владивостока (прямых рейсов из Москвы еще не было). В Хабаровске закупили замороженных гигантских крабов — редкая, но очень неплохая закуска. Во Владивостоке грузимся на пароход с гордым названием «Россия» (раньше он назывался «Черненко», теперь надпись небрежно закрашена, и буквы проступают сквозь слой краски). За несколько часов до посадки неожиданно выясняем, что вышло разрешение на приобретение импортных автомобилей. Прибалты хитро улыбаются, видимо, они знали об этом и готовились, приобрели валюту. Многие бросились в буфет продавать взятые с собой коньяк и водку. Поездка внезапно приобрела иной смысл. А вообще-то она планировалась как визит представителей всех союзных республик, как визит дружбы народов. Тут же выясняется механизм приобретения автомобилей, естественно, старых и снятых с учета. В каждом городе была выделена территория типа нашей свалки. Владельцы сдавали туда списанные авто с условием, что тормоза и рулевое управление должны быть в исправном состоянии. Только тогда машину можно было продавать за мизерные деньги. Среди пассажиров начался ажиотаж. Иномарка в то время была исключительной редкостью. Даже в Москве, например, владельцами «Мерседесов» среди моих знакомых были только Владимир Высоцкий и Евгений Дунаевский. Первый город, куда мы приплыли (сейчас уже не вспомню его название), был местом своеобразным. Там был действующий вулкан, экология плохая, поэтому жителям платили надбавку за сложные условия проживания. Машины в этой местности быстро подвергались коррозии, но зато и цены здесь были ниже, чем в других городах. Покупка происходила примерно так: за 30–40 минут до прибытия у трапа на нижней палубе скапли-

вались пассажиры. После швартовки все бежали к свалке. Там стояли 40–50 машин. Главное было успеть запрыгнуть в приглянувшуюся. Через 10–15 минут появлялся владелец и объявлял цену. Торговаться было некогда... Купившие машины, получив на них документы, подъезжали к пароходу, и матросы грузили приобретение в трюм. Кстати, к концу поездки автомобилями были заставлены все палубы, каждое свободное место. По желанию можно было устранить во время рейса какие-то неисправности и даже покрасить кузов. Это был существенный заработок для экипажа. Лично у меня вся эта авантюра не вызвала интереса: во-первых, я предчувствовал какой-то подвох, во-вторых, небольшие деньги, которые я имел, предназначались на покупку машины, но только вязальной. Правда, неожиданно появился шанс. Капитан парохода заболел ангиной, а перед рейсом меня с ним познакомил заведующий ЛОР-кафедрой во Владивостоке Виталий Шевцов. И я вдруг оказался нужным для капитана человеком. Вылечился он быстро, стал приглашать меня в каюту, оказывая внимание, чем-то хотел отблагодарить и поинтересовался, нет ли у меня планов приобрести личный автомобиль. В одном из городов, когда корабль пришвартовался к пристани, он дал команду никого на берег не выпускать. А мы с ним сошли, сели в такси и приехали в нужное место. Некоторое время выбирали авто, но я все же не соблазнился. Как оказалось в дальнейшем, мне крупно повезло. Дальше дело развивалось так. Все оставшиеся дни пассажиры, купившие машины, были безмерно счастливы, все время проводили около них. И вот мы прибываем во Владивосток, время — около 3–4-х часов дня. По радио объявление: в первую очередь на берег выходят пассажиры, которые машины не приобрели. В итоге на пароходе остаются «автомобилисты», еще не чувствующие грядущей беды. Как оказалось, по пристани проходит узкоколейка. Появился поезд, остановился и как бы «отрезал» пароход от выхода. Проходит минут 30. Выясняется, что машинист куда-то ушел, выгрузка задерживается. Так продолжается до 7 часов вечера. Стемнело. Наконец, появился машинист и освобождает пристань для выгрузки. Все

облегченно вздыхают. Из трюма выезжает первый автомобиль, и тут же к водителю подходит группа крепких ребят, благородно предлагают продать авто за те деньги, которые потрачены (на каждом ветровом стекле висит табличка с ценой для таможни). Водитель, разумеется, отказывается и тогда слышит удар по стеклу, по крыше... Милиции, конечно, нет. Беспредел длится не один час. Исключение, только если в машине несколько пассажиров и существует возможность отпора. Только тогда я окончательно понял, как мне повезло, хотя и меня ждали некоторые приключения, связанные с таможенным досмотром. Но это уже другая история. И прежде чем ее рассказать, небольшое отступление.

Среди пассажиров теплохода был известный футболист Анатолий Бышовец, в то время уже тренер олимпийской сборной по футболу. Он путешествовал с женой, она была тоже известной спортсменкой. И вот он подходит ко мне, извиняется и говорит: «Знаю, что Вы доктор. Я совершенно здоров, но у меня к Вам просьба. Я привык перед обедом выпивать рюмку водки, но в одиночку не могу. Не могли бы Вы пересесть к нам за стол и составить мне компанию в этом деле?» Почему на эту роль он выбрал именно меня, до сих пор загадка, но согласился я, как ни странно, без колебаний. Так вот на таможне у него тоже появился повод помочь мне. У меня были некоторые проблемы с составом багажа. В Токио в это время представителем Аэрофлота работал мой товарищ Виталий. Он, конечно, загрузил меня подарками, и получилось, что мой багаж был на гораздо большую сумму, чем нам выдали перед поездкой. Молодой таможенник потребовал объяснить, на какие деньги я все это купил. Дело грозило конфискацией, тут меня и выручил Бышовец, которого во Владивостоке все знали (он проводил там сборы перед Олимпиадой), а потому его просьбу не могли не уважить.

* * *

С Японией связана и такая смешная история. В составе нашей делегации был азербайджанец, заместитель директора одного из

московских гастрономов, крупный смуглый мужчина, волосатая грудь, руки, а также бородка. И вот приезжаем мы в зоопарк, подходим к вольеру, за сеткой шимпанзе увлеченно играет в мяч. Нам смешно, кто-то ее подбадривает, хлопает в ладоши. Неожиданно обезьяна прекращает игру, пристально всматривается в нашего коллегу по группе, подбегает к сетке и начинает оказывать ему какие-то явно дружелюбные знаки внимания. А он жутко смущается и обиженно уходит. Шимпанзе тоже озадачена, вроде встретила своего и отвергнута, нехорошо...

* * *

Повели нас в японскую баню. Она действительно необычна. Садись в горячую бочку и таким образом паришься. Но больше всего нас удивило поведение служительницы: при нашем появлении она бросилась в предбанник и убрала все фены, видимо, во избежание использования в качестве сувенира...

* * *

Посмотрел я, что такое ловля рыбы по-японски. Прибываем в порт и видим такую сцену. На пристань приезжает автомобиль, из него выходит мужчина, достает самые современные принадлежности для ловли: спиннинг, наживка, стульчик, масса других аксессуаров для рыбалки... Закидывает спиннинг, скручивает катушку. Ничего не поймал. Все складывает в обратном порядке, садится в автомобиль и довольный уезжает — хорошо отдохнул.

* * *

Вот еще одно наблюдение. Моряки с нашего корабля по центральной улице везут тачку с подержанными баллонами. Оказывается, размер подходит под «Волгу», по нашим меркам ездить еще можно, по японским — нельзя. Моряки возвращаются во Владивосток — неплохой бизнес.

Вообще в ту эпоху купить за границей за копейки и продать с хорошей прибылью в Советском Союзе было обычным делом для тех, кто имел возможность выезжать за рубеж. Мой товарищ, предста-

витель Аэрофлота, зарабатывал по тем временам очень неплохо. Он, так же как и все его коллеги, покупал, например, магнитофонные кассеты и на родине их продавал с ощутимой разницей в цене: за одну кассету выручал до 7–10 долларов. При этом на еде, конечно, экономили...

* * *

Во время нашего пребывания в Японии открылся Диснейленд. Популярность его была невероятно велика, посетить приезжали туристы из разных стран. Делегация наша была довольно представительной, и нам купили билеты, кстати, весьма дорогие (а для нас в то время почти недосыгаемые!). Пока стояли в очереди на вход, обнаружили, что двух наших девушек нет. Стали волноваться, но наш гид, человек опытный (кстати, русский), предположил, что они билеты продали. Так и оказалось. Думаю, это была их последняя поездка.

Конечно, зрелище это было совершенно необычным. Помню, одно из развлечений называлось «Полет в космос» и полностью его имитировало. Необычным было все, а главное — встречный космический корабль, который как будто сталкивался на встречных курсах с нашим. Действительно, нервы были на пределе... Примечательно, что пока стояли в очереди в этот павильон, через каждые 20–30 метров нас встречало объявление примерно такого содержания: «Если у вас высокое давление или слабая нервная система, просим отказаться от посещения аттрациона». Пугались многие, но из очереди никто не выходил. Поверьте, оно того стоило, во всяком случае у меня впечатление осталось на всю жизнь.

Испания

Перед отъездом в Барселону дочка предупреждает, что там много жуликов и нужно быть очень осторожным. И действительно, произошла со мной такая история. Поехал в метро, поднимаюсь по эскалатору. Впереди стоящий парень роняет телефон, нагибается, чтобы его поднять. Я тоже рефлексивно наклоняюсь, стара-

юсь помочь и чувствую, как сзади кто-то наваливается, а затем двое быстро бегут к выходу. Понимаю, что случилось. Хватаюсь за карман, слышу успокоительный шелест. Но в отеле пресчитал деньги: от 300 евро осталось 50. Конечно, обидно. С другой стороны, операция была провернута с таким артистизмом! Это немного успокоило...

Камбоджа

В Камбодже мы с Александром Румяцевым (в будущем академиком РАН) были по приглашению министра... внутренних дел. Мы были руководителями диссертации его сына, окончившего 2-й Медицинский институт. Конечно, главное было оказать помощь в становлении здравоохранения в этой стране. Тогда время для камбоджийцев было тревожное, они совсем недавно справились с последствиями правления Пол Пота, вернулся король Нородом Сианук, у которого с Россией были хорошие отношения. Мы ездили по местным больницам, были на приеме у президента Национальной академии, посетили и интереснейший древний город Ангкор-Ват. Прощаемся с министром, которого мы звали Колонель (поскольку он был полковником), тот приглашает приехать еще раз. Благодарим его и добавляем, что уже все успели посмотреть. Ответ изумил: «Это вы у нас все видели. Поедем в Сайгон — там столько борделей!»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итоги, пока, хочется думать, не окончательные

Вот и подошло к концу мое повествование... Жалко расставаться. Я как будто снова прожил жизнь, встретился с родными, коллегами, друзьями. Быстро пролетело время... Цените его, пока молоды, радуйтесь всему, и даже невзгодам, а без них не обойтись.

Конечно, задумываюсь, правильно ли я жил. А кто знает, как это — правильно? Если у тебя есть совесть, то нельзя идти против нее, иначе замучаешься, будешь все время себя корить. Совестьливым людям, бесспорно, жить труднее. Врачу, педагогу нужно совесть иметь, иначе в эти профессии идти нельзя — будешь уродовать и тело, и душу людскую.

Если же отойти от философских размышлений и быть более конкретным, вот что могу сказать.

Я пролечил и, надеюсь, вылечил десятки тысяч больных, сделал, наверное, несколько тысяч (никогда не считал) операций, кого-то спас от смерти — не только взрослых, но и детишек. Такая у меня была и все еще есть замечательная профессия!

Мне нравится преподавать, учить, читать лекции новым поколениям врачей. Вообще люблю общаться с молодежью.

Серьезное место в моей жизни занимала наука. Медицина без науки невозможна, иначе быстро превратишься в ремесленника. В нескольких научно-практических направлениях мне удалось стать одним из первых в нашей стране: аллергия ЛОР-органов, слухоулучшающая микрохирургия уха, кохлеарная имплантация, патология уха, горла и носа у новорожденных и грудных детей.

Подготовил 12 докторов и более 70 кандидатов медицинских наук. Написал 26 книг, в том числе учебников для студентов, руководств для врачей, атласов, научных монографий. Сделал несколько изобретений. Удостоился высшей чести для ученых — избрания в Российскую академию наук. Кажется, имею некоторый авторитет среди коллег.

Как говорит Владимир Познер, «мне вроде бы не стыдно предстать перед Господом...» Конечно, все, что было сделано, — не только моя заслуга. Лично свой вклад вижу в том, что удалось создать кафедру, на которой за 35 лет не было крупных скандалов и ссор. И это позволило всем заниматься только профессией, а не интригами, раскрыть свои способности на благо общего дела.

И еще, как выяснилось, не могу заставить себя быть равнодушным. Спасибо за это моим дорогим ученикам!

Что же сейчас главное для меня? Вроде все есть, но, как говорится в пословице, дурная голова ногам покоя не дает... Конечно, в мои годы уже, кажется, можно уходить на пенсию и даже помирать, но оказывается, еще можно очень хорошо жить!

Честь имею!

Ваш М. Богомильский

Лето 2020 года

Содержание

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ. ИСТОРИЯ СТРАНЫ

Глава 1. Как бы увертюра...	15
Глава 2. Семейные корни	17
Глава 3. Война. Эвакуация. Первые послевоенные годы	22
Глава 4. Сталин и его соратники	30
Глава 5. Дело врачей	36
Глава 6. Студенческие годы	40
Глава 7. Спорт	47

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Я — ВРАЧ

Глава 1. Слово об Учителе	53
Глава 2. Бологое	70
Глава 3. Из собственной практики	75
Глава 4. Кохлеарная имплантация	85
Глава 5. Предшественники и современники	92

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЖИЗНЬ, ТЫ ПРЕКРАСНА!

Глава 1. Верные друзья	111
Глава 2. Личные истории	123
Глава 3. Зарисовки	127
Глава 4. Встречи с замечательными людьми	143
Глава 5. Вокруг земного шара	157

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итоги, пока, хочется думать, не окончательные	180
---	-----